

**Министерство культуры Российской Федерации
Российская Академия наук**

**Государственный республиканский центр
русского фольклора**

**МИР ДЕТСТВА
И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА**

Сборник научных трудов и материалов

1254813

Москва 1995

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Тема детства в этнографии и фольклористике последних лет все интенсивнее разрабатывается современными учеными и практиками. Стремление исследователей к комплексному освоению проблем детской культуры и быта ведет к созданию целостной концепции мира детства, которая, в свою очередь, диктует определенные способы и методы изучения детского фольклорного творчества как языка этой культуры.

Не будет преувеличением сказать, что изучение детской и подростковой субкультур и фольклора как способа самовыражения и самопознания детьми себя и мира можно отнести к самым продуктивным направлениям современной этнографии, фольклористики, этнопсихологии, социологии. Достаточно вспомнить публикации последних двух десятилетий: статьи И.С.Кона, работы М.В.Осориной, А.Ф.Белоусова, А.Л.Топоркова, В.Ф.Лурье, И.Н.Бартюковой и др.

Огромную роль в реализации научных достижений последних лет и в формировании новых исследовательских интересов в изучении мира детства и детской фольклористики играют проводимые ежегодно с 1987 г. Виноградовские чтения — конференции, посвященные памяти выдающегося иркутского фольклориста и этнографа Г.С.Виноградова. Неослабевающая популярность этих чтений подтверждает своевременность научных позиций детской фольклористики 20-30-х гг., сформулированных в работах Г.С.Виноградова, — необходимости комплексного подхода к проблемам изучения мира детства и традиционной культуры народа.

Название нашего сборника обусловлено пониманием мира детства как единой и многогранной системы, определяющей начальный этап становления личности в рамках конкретного этноса. Детский и подростковый фольклор рассматривается здесь и как культурное явление, уходящее корнями в прошлое, и как яркий феномен сегодняшнего дня.

Мы видим, как за последние 150 лет во многом изменились ориентации в этой области. Если этнографы и фольклористы XIX — начала XX в. имели дело с носителями богатейшей крестьянской культуры, отражающей крепкий уклад патриархальной общины, то собиратели конца XX в. записывают фольклор от детей из детских садов, школ, интернатов, дворов и т.п. Семья как носитель, хранитель и передатчик культурных ценностей в своем классическом виде перестала существовать. Системность традиционной культуры сменилась ее фрагментарностью. Становление личности происходит на фоне оппозиции миру взрослых и их культуре. В связи с этим во многом изменилось содержание предмета "детский фольклор", усложнилось его понимание, а в

соответствии с этим изменилось и направление исследований, расширяющихся углубляющихся за счет междисциплинарного подхода и характера.

Современные исследователи мира детства рассматривают детский фольклор не с точки зрения его эстетического осознания, а как язык детской субкультуры, отражающей множество проблем современного детства и подросткового социума. Подчас они скрыты от глаз взрослых и даже не осознаны самими носителями этой субкультуры.

Объем и границы мира детства трактуются в данном сборнике достаточно широко. Периодизация психологического развития ребенка в педагогике, физиологии, психологии, педиатрии, антропологии несколько различается, однако верхняя граница, как правило, определяется возрастом 18-20 лет. Ряд психофизиологических параметров и особенностей мировосприятия, проявляющих себя в определенных формах коллективного спонтанного творчества, позволяют отнести к современному миру детства не только подростковую, но и юношескую субкультуру, вплоть до призывного возраста.

Новым веянием сегодняшней подростковой субкультуры можно назвать так называемую возрожденческую тенденцию в практике современного фольклоризма. За последние годы в стране появилось множество детских фольклорных студий, кружков, коллективов, клубов друзей игры и юных этнографов, в которых в той или иной степени восстанавливается система ретрансляции культурных ценностей от старших младшим, возрождаются свойственные традиционной устной культуре механизмы преемственности художественных знаний от поколения к поколению. Такие детско-молодежные сообщества как бы "размыкают" обособленный мир современного ребенка, помогают полноценному становлению его личности. Недаром большинство воспитанников этих студий становятся профессиональными фольклористами, педагогами, собирателями. Интересные результаты можно было бы получить, исследуя собственно детское творчество в этих достаточно замкнутых детско-подростковых "фольклорных" группах.

В последние годы значительно возрос авторитет традиционной культуры, в связи с чем обострился интерес к традиционному быту, медицине, поверьям, обычаям, народной этнопедагогике. К сожалению, вопросы этнопедагогики еще недостаточно изучены. В связи с этим особый интерес представляет работа петербургских фольклористов А.Ф. Некрыловой и В.В. Головина "Уроки воспитания сквозь призму истории: Традиционные формы воспитания у русских крестьян в XIX — начале XX в." (СПб., 1992).

В нашем сборнике эти исследователи продолжают разрабатывать данную тему, но сосредоточиваются на конкретном вопросе — значение отца как главы рода. На фоне современного неприятия ребенком мира взрослых, разрушения традиционных механизмов передачи культурно-

го наследия и разрушения семьи роль отца в деле воспитания детей и тот высокий статус, который предназначила ему крестьянская культура, поистине глобальны. Авторы рассматривают весь спектр взаимоотношений отца и ребенка через этнографический и фольклорный материал: от способов "приучения" отца к новорожденному, через этапы инициации и вхождения ребенка во взрослую культуру при помощи отца до расширительного понимания института отцовства в традиционной культуре, как главенства старших в роду мужчин, более того, как определенной системы.

В статье М.А.Мухлынина по-новому оценивается процесс пародирования страшных рассказов в русском детском фольклоре, рассматривается психологическое, эстетическое значение этого феномена. Пародирование как универсальный закон культуры в целом применительно к детскому страшному рассказу во многих своих проявлениях оказывается созидательным способом переживания (перерастания) потаенных возрастных страхов, способствующим реализации творческих возможностей личности и социализации ребенка.

Детскому и подростково-юношескому фольклору последних десятилетий посвящены статьи М.П.Чередниковой и И.Н.Райковой, основанные на собственных записях исследователей (садистские стишки — у М.П.Чередниковой, солдатские альбомные стихи, песни, "словарь" — у И.Н.Райковой). Оба автора отмечают влияние книги и массовой периодики на исследуемый ими материал, что роднит его со всеми поздними жанрами народного творчества, возникшими уже в эпоху развитой письменной культуры и существующими параллельно с ней.

Статья И.Н.Райковой интересна как один из первых опытов исследования молодежного фольклора определенной социальной группы. На материале, собранном у бывших солдат, автор анализирует особый фольклорный способ освоения действительности вчерашними школьниками, "которые еще не осознали, что они уже выросли", то есть взрослых людей с менталитетом подростков. Особое внимание автор обращает на способ бытования современного солдатского фольклора, связь его с культурой девичьих рукописных альбомов. Что культура эта несомненно фольклорна, хотя и переплетается с литературной традицией, подтверждает анализируемый автором материал, а также целый ряд уже существующих публикаций*.

* Лурье В.Ф. Основные мотивы альбомных стихотворений// Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С.Виноградова. М., 1990; Школьный быт и фольклор. Ч. II: Девичья культура/Сост. А.Ф.Белоусов. Таллинн, 1992; Тридцать рукописных девичьих любовных рассказов /Сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б.Борисов. Л., 1993.

Статья В.А.Коршункова строится на историко-этнографическом анализе вариантов детской потешки "Ладушки", классического образца "материнской поэзии", по терминологии Г.С.Виноградова. Мотив битья в потешке связывается с обрядовым хлестанием, приуроченным у славянских народов к Вербному воскресенью, символизирующим здоровье и достаток. Работа В.А.Коршункова представляет ярчайший пример, как исследование одного сюжетного типа детского фольклора на фоне тщательного анализа обрядового действия позволяет воссоздать архетип самого обряда.

В завершение сборника мы предлагаем вниманию педагогов, фольклористов-практиков и исследователей материалы по детскому фольклору из собрания Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории, подготовленные студентами и сотрудниками этого Центра. Здесь представлен как фольклор детей, так и образцы материнской поэзии (потешки, прибаутки, заклички, считалки и игры), собранные в последнее десятилетие в Псковской, Новгородской и Тверской областях России от людей пожилого возраста и юных носителей традиции.

Таким образом, соседство "классических" жанров детского фольклора, хорошо известных по записям прошлого века, с "остросовременными" формами-новообразованиями в пределах одного сборника отражает реальную картину современного состояния традиционного фольклора. И вместе с тем дает представление о спектре существующих в современной науке исследовательских интересов.

Хочется верить, что теоретические проблемы, поставленные авторами сборника, и целый ряд конкретных наблюдений, ими сделанных, будут способствовать более полному осознанию механизмов функционирования традиционной культуры сегодня, определению способов передачи традиционного наследия в среде современных детей и подростков, выявлению новых тенденций в развитии детского и подросткового фольклора. А это, в свою очередь, может и должно быть учтено и использовано в процессе направленного обучения и воспитания наших детей.

С.Г. Айвазян

А.Ф. НЕКРЫЛОВА,
В.В. ГОЛОВИН
(Санкт-Петербург)

РОЛЬ ОТЦА В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Проблемы, связанные с воспитанием подрастающего поколения, вероятно, никогда не теряли и не потеряют своей актуальности, ни в одном обществе им не суждено быть решенными до конца. Это тем более справедливо, что социальное положение и воспитание детей — понятия исторические, варьирующиеся не только в диахронии, но имеющие и в синхронном срезе этнические, социокультурные, хозяйственные и прочие "разночтения". Сегодня, как никогда остро, стоят перед нашим обществом вопросы взаимоотношения поколений, методов воспитания и социализации детей и подростков. Наука и практика последних десятилетий выдвинули проблему значимости и специфики материнства и отцовства. Разобщенность взрослых и детей привела к нарушению традиционной передачи знаний, опыта, культуры от взрослых к детям. Школа, средства массовой коммуникации никоим образом не возмещают этот ущерб.

Безотцовщина — настоящий бич современности, и не в одной России. Многочисленные исследования показывают пагубность, отрицательный эффект воспитания детей без отца или при полном его безвластии, безавторитетности.

"Дети, выросшие без отцов, часто имеют пониженный уровень притязаний. У них, особенно у мальчиков, выше уровень тревожности и чаще встречаются невротические симптомы. Мальчики из неполных семей труднее налаживают контакты со сверстниками. ...Таким мальчикам труднее дается усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения, поэтому они чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость и т.д." [1, с. 238-239]. Некоторые психологи утверждают даже, что "ослабление отцовской власти в семье" ведет к величайшей социальной катастрофе, "поскольку вместе с отцовством оказались подорваны все внешние и внутренние структуры власти, дисциплина, самообладание и стремление к совершенству. "Общество без отцов" означает демаскулинизацию мужчин, социальную анархию, пассивную вседозволенность и т.п." [1, с. 240].

Между тем именно традиционные культуры демонстрируют высокий статус отца в семье, выделяют и подчеркивают его особую — чрезвычайно важную — роль в деле воспитания детей, передаче хозяйственного опыта и культурных ценностей, в сохранении и упрочении семейных, родовых, общинных связей. Поэтому обращение к модели воспитания, присущей традиционному обществу, кажется нам вполне закономерным и достаточно перспективным.

Пытаясь осмыслить жизненный уклад русских крестьян предшествующих веков, мы, прежде всего, отмечаем стабильность и продуктивность традиционной системы воспитания, ее завидную оптимальность, соответствие времени и обществу. Однако невольное сравнение с сегодняшним быстро меняющимся, крайне нестабильным существованием заставляет преувеличивать надежность и незыблемость прежнего образа жизни, не обращать должного внимания на имевшиеся противоречия, закономерно присущие любой системе, в том числе и традиционной.

Институт отцовства возник и сформировался гораздо позже материнского и общинного, а в сферу серьезных научных интересов он попал относительно недавно и до сих пор по существу не занял подобающего ему места.

Что же касается роли отца в традиционной культуре, то наши знания об этом чрезвычайно скудны, особенно в плане конкретных этнографических материалов, которые записывались, вызнавались, как правило, попутно, случайно, в связи с другими темами и интересами. Но даже и этот небогатый, разобщенный материал не собран воедино. Поэтому проблема отцовства в рамках традиционной культуры русских крестьян XIX — начала XX в. кажется нам интересной и сама по себе, вне зависимости от сегодняшних проблем, связанных с воспитанием.

Как и всё в народной культуре, отношение к детям было неоднозначным. Считалось, что дети — непереносимое условие нормальной семьи, смысл и высокое назначение брака. Бесплодие женщины всегда воспринималось как большое семейное несчастье. В осознании крестьян появление младшего поколения воспринималось как неизбежное событие и своего рода Божья благодать: Сталась двоечка (чета), так будет и троечка. У кого детей много, тот не забыт от Бога. Деток Бог дает — любя, а не дает — грубя.

Исследователи не раз отмечали, что "в больших семьях, где много взрослых женатых сыновей, явление в мир нового члена семьи составляет столь обыкновенное событие, что проходит без особенных празднеств и почти незаметно" [2]. В такой ситуации рождение каждого следующего ребенка — прибавление забот, угроза достатку семьи и пр. Отсюда — двойственность отношения к детям, зафиксированная пословицами: Детки — радость, детки и горе. У кого детки, у того и бедки. Дом с детьми — базар, без детей — могила.

Одна из таких пословиц известна в двух вариантах: С детьми горе, а без них вдвое и Без них горе, а с ними вдвое. Понимая, что смысл высказывания меняется прямо на противоположный при перестановке частей, В.И. Даль помещает оба варианта друг за другом [3].

Крестьяне отдавали себе отчет (и специально акцентировали это) в том, что ребенок осуществляет связь поколений и, стало быть, поддерживает непрерывность семьи, рода.

Взрослые признавали естественность и неизбежность детской "глупости", неразумности (до определенного возраста, разумеется) и оттого в целом отношение к малышам было терпеливым, заботливым, доброжелательным, нежным.

Забота о детях и любовь к ним, представление об их невинности и безгрешности не перекрывали, однако, отношения к младенцу как к воплощению природного зла. Последнее относится главным образом к только что появившемуся на свет, некрещеному младенцу, но нередко такой взгляд распространялся и на детей постарше, до поры их полового созревания и овладения "разумом", основными трудовыми навыками.

Жесткий принцип старшинства, зависимое положение младших закрепились Домостроем и нашли яркое отражение в Уложении 1648 года, содержащем пункт о том, что дети не имеют права жаловаться на родителей, но должны строго наказываться за непочтение, непослушание, отказ помогать отцу и матери. Ответственность же родителей перед детьми никак не оговаривалась.

Пословицы — этот свод народной мудрости — констатировали противоположные взгляды на сходство и различие детей и родителей, на случайность и неслучайность подобных явлений: Яблоко от яблони недалеко падает. Каков род, таков и приплод. Каков отец, таков и сын. Или: Бывает добрая овца и от беспутного отца. В глупом сыне и отец не волен и т.п.

Да, родители обязаны воспитывать, "доводить до ума" детей ("Умел дитя родить, умей и научить"), но что из этого получится — одному Богу известно.

И все-таки от своевременного и правильного воспитания и учения зависит многое. Те же пословицы дают прекрасный материал о том, кому, когда и как, с точки зрения крестьянской педагогики, следует "образумливать" сыновей и дочерей. Оказывается, мать больше ухаживает и ласкает (балует), отец же обучает и наказывает. За этим стоят тонкие наблюдения и хорошее знание биологической и социальной специфики мужских и женских семейных функций.

Правда, такое понимание роли и значения отца в воспитании относится к тому периоду, когда ребенок достиг пяти-, семилетнего возраста, до этого главенство в выхаживании ребенка, безусловно, закреплено за матерью.

Существует довольно большое количество материалов, описывающих заботу муж о беременной жене и поведение его во время родов. Последнее, объединяемое в науке с другими формами кувады*, привлекало внимание исследователей. Мы же не будем останавливаться на этом, поскольку здесь перед нами предстанет забота не столько о младенце, сколько о роженице.

Собственно с новорожденным отец, по традиции, не имел никакого дела, кроме непосредственной — эмоциональной — реакции на благополучное (неблагополучное) разрешение жены от бремени и на пол ребенка.

Едва ли не у всех народов при одинаковой любви к детям отец все же предпочитает сына, тем более при ожидании первенца.

В первые часы и дни жизни новорожденного физический контакт малыша с отцом не осуществлялся. Но обязательно, говоря современным языком, закладывалось, программировалось доброе, по-настоящему отеческое отношение к ребенку. Достигалось это с помощью отцовской одежды, главным образом рубахи и портов, которые надевались непосредственно на тело и, значит, перенимали на себя, "заряжались" чувствами, свойствами своего владельца. Это "содержание" одежды распространялось на ребенка, охраняло, защищало его от всякого зла и наделяло частью мужской силы, здоровьем, любовью отца.

"Родившегося ребенка завертывают в рубаху отца, непосредственно с него снятую: "Чтоб ребенок был здоров, не плакал, чтоб отец жалел его" [4, с. 103]. По словам крупнейшего знатока русской народной одежды Г.С. Масловой, "завертывание ребенка в рубаху отца — общераспространенный обычай у восточных славян. О рубахе матери упоминается редко". В Ярославской, Тульской и некоторых других губерниях повитуха принимала новорожденного в штаны отца, особенно "в случае, если дети ранее в семье умирали" [4, с. 103].

Собиратели не раз подчеркивали такую деталь: использование нестиранной отцовской одежды, в прямом смысле слова "непосредственно с него снятой". Недопустимое, неразумное, с нашей точки зрения, действие мотивировалось логикой контакта и подобию, лежащей в основе традиционного мышления: если рубаху выстирать, смоется и отцовская любовь, рубаха потеряет свойства носителя.

Маслова отмечает и такой распространенный обычай, как использование в качестве крестильной пеленки венчалной рубахи отца [4, с. 104].

* Кувада (от франц. *couver* — высиживание яиц) — обрядовая стимуляция отцом родового акта при рождении ребенка.

Мужская одежда фигурирует в родильном обряде и в том случае, когда пытаются закрепить пол ребенка. У русских, как и у многих иных народов, долгое время сохранялось представление о новорожденном (а часто и вообще о маленьком ребенке, не прошедшем через определенные ритуалы) как о бесполом существе. Не случайно в языке и в наше время бытуют слова собирательные или среднего рода для называния малышей: *дитя, чадо, мелочь, мелюзга, тварня* и др. Т.А.Бернштам расширяет этот круг слов "внеполовыми" диалектными, областными наименованиями типа: (*к*)ува / *кувяка / куватка* — издающий звук, плач; *повитыш / кутыш* — завернутый в повивальник; *паполза* — не умеющий ходить, ползающий и т.п. [5, с. 25].

Напомним, что еще Д.К.Зеленин обратил внимание на обычай называть маленького ребенка независимо от пола "мальчиком" [6, с. 119]. Ср.: младенец, малыш.

Подобное восприятие ребенка порождало не только соответствующие слова-наименования, как бы подтверждающие его начальную бесполость, но и ряд действий, направленных на подчеркивание и закрепление половых признаков. По отношению к мальчику вновь использовались отцовские вещи, предметы. "У новорожденной девочки пуповину всегда перерезают на прялке или веретене, чтобы она стала искусной прялкой; у мальчика перерезают пуповину на топоре; русские делают это на колодке для плетения лаптей, а иногда на книге, чтобы новорожденный вырос мастером своего дела или грамотным человеком... Если хотят, чтобы вместо девочек в дальнейшем стали рождаться мальчики, плаценту закапывают, завернув ее в подкладку со спины мужской рубашки (Владимирская губ.)" [7, с. 321].

С последом обычно управлялась сама роженица, бабка-повитуха или свекровь. В Вологодской же губернии послед мальчика "хоронил" отец. Он закапывал его в конюшне с приговором: "Дитятко расти, и лошадка расти" [5, с. 55].

Незащищенный новорожденный до крещения в глазах крестьян еще и не совсем человек. По широко распространенному представлению, он может быть подменен на младенца-нечистика. Чтобы уберечь ребенка и родителей от такой беды, при родах пуповину перевязывают волосами матери или (если родился мальчик) — матери и отца.

Вещи отца продолжают играть роль оберега и после крещения сына. Так, в заонежской деревне Типиницы, чтобы обезопасить колыбель мальчика, использовали "молоток или грубую модель сохи", "в Толвуйском приходе, чтобы занять работой домовых (и отвлечь их внимание от ребенка. — А.Н.), под зыбку мальчика клали топор и полено, а под зыбку девочки — веник, которым подметали пол". В тех же местах существовал "проверенный" способ возвращения сна младенцу: "Сквозь ручку двери продевали отцовские порты (для мальчика) или

материнскую юбку (для девочки) и возлагали их на голову ребенка" [8].

В примитивных, традиционных культурах считается, что появление на свет ребенка лишь первый этап в процессе постепенного рождения и "очеловечивания" дитяти. Только пройдя специальный обряд (чаще — серию обрядов в разные сроки вплоть до совершеннолетия), ребенок, подросток включается в официальную систему возрастной стратификации, получает статус субъекта, члена родовой общины.

Первым, очень важным обрядом на пути "очеловечивания" ребенка был обряд крещения, включающий и имянаречение. Отец обычно не присутствовал при крещении, но обеспечивал (давал деньги, покупал требуемое) крестный обед. В некоторых районах во время такого обеда "отец новорожденного, съев пересоленной каши, забрасывает ложку на полати и иногда прыгает по избе" [7, с. 324], чтобы сын вырос высоким и вовремя научился ходить и прыгать.

"После крещения роль отца становится более заметной — производятся своеобразные обряды "усыновления ребенка", например, передача малкша отцу на пороге дома. Называется это "освятить дитя через порог" [9].

Включение отца в непосредственное воспитание ребенка увеличивается по мере его роста и соответственно дифференцируется. Активное участие отец принимает в обряде первой стрижки. Здесь нет возможности, да и необходимости перечислять все представления, связанные с символикой волос. Напомним лишь два обстоятельства, показывающие связь волос, прически с переходным возрастом, переменой социовозрастного статуса. Первое — расплетание косы невесты во время девичника и послевенечное заплетание ей двух кос (вместо одной — девичьей), которые тщательно скрываются под бабьим головным убором; то и другое — кульминационные моменты свадебного обряда. Второе — манипуляции с волосами ребенка, совершаемые в первые годы (от года до пяти-семи лет).

Приведение в порядок волос на голове — это своеобразное "доставление" ребенка, коррекция его природной ипостаси, придание существующим "природным" признакам пола качественно нового статуса "культурных" признаков. До тех пор пока такое преобразование не совершено, естественные половые различия не имеют смысла" [10].

Известно, что до года малыша не стригли и не обрезали у него ногтей (мать, если надо было, обкусывала их). Первый, очень ответственный постриг производили над годовалым ребенком. Малыша сажали на стол (заметим, что в обычное время делать это категорически запрещалось, так как считалось осквернением стола, окруженного в крестьянском доме большим почетом), "причем мальчика — на топор, чтобы он был искусен в ремесле, а девочку на коноплю, чтобы она выросла хорошей пряхой. Затем повитуха сперва крестообразно выстригала во-

лосы на голове ребенка, потом полностью состригала их и получала за это коноплю" [7, с. 131].

Чаще обряд пострига совершался над ребенком, достигшим двух-четырех лет. По мысли Л.Нидерле, обряд этот символизировал переход ребенка "из-под опеки матери на попечение отцовское" [11]. Об этом же говорит и В.Даль: "Встарь, а изредка и ныне, напр. у казаков, постригают всякого мальчика при переходе из младенчества в отрочество; это обряд гласного заявления о мужском поле его" [12]. Понятно, почему именно отцу нередко доверяли столь важное дело, как постриг сына и первое сажание его на коня. Отец выполнял либо ту, либо иную часть обряда, предпочитая все-таки "посаждение на коня". Во многих местах России данный обряд совершался в день Симеона Столпника, отмечавшийся по старому стилю 1 сентября. Долгое время день Семёна-летопроводца (так называли его в народе) считался началом нового года. Но даже когда официальное празднование начала года было перенесено на 1 января, в народном сознании конец лета — начало осени осмысливался как важный рубеж, включающий подведение итогов (заканчивалась уборка хлеба и сев озимых) и вступление в новый период (женские "засидки" при огне, перенос молодежных игр и увеселений с улицы в помещение, произведение расчетов и заключение договоров). В этот календарный контекст прекрасно вписывался и обряд пострига мальчиков и сажание их на коня. Обыкновенно "кум выстригал волосы. Выстриженные волосы зашивали в ладанку" [13].

Активный контакт с ребенком, как уже говорилось, отец начинал осуществлять, когда малышу исполнялось полтора-два года, а то и позже. Примерно с этого периода дети все больше времени проводят с отцом. Выйдя из грудного возраста, ребенок испытывал потребность уже не только в матери, но и в отце. Разницу эту прекрасно объяснил И.С.Кон: "Мать, даже играя с ребенком, старается прежде всего успокоить, унять его; материнская игра — своего рода продолжение и форма ухода за ребенком. Напротив, отец и вообще мужчина предпочитает силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка" [1, с. 235].

Действительно, с пяти-, шестилетнего возраста ребенка внимание отца в основном направляется на него. Так, когда ребенок уже допускается к столу (примерно с трех лет), сына сажает на колени себе отец, а девочку — мать. Притяжение отца к сыну оказывалось взаимным, ведь мужчине на самом деле сподручнее общаться с подрастающим мальчиком, с ним "легче и уместнее силовая возня, физическая координация и обучение манипулированию вещами" [1, с. 236].

Различия, особенности воспитания детей со стороны отца и матери, доминирующее внимание к тому или иному полу объясняются рядом причин и далеко не исчерпываются ни будущим характером труда, ни будущим семейным статусом. "Методика" отцовского (как и материн-

ского) воспитания обусловлена социально-биологическим аспектом, во многом определяет генетический код.

Отец задает форму семейному бытию, определяет роль и функцию семьи в общекрестьянском миропорядке. Мать следит за исполнением этой формы, осуществляет ее поддержку, наполняет ее эмоциональным содержанием. Отец держит нити, крепящие родовую крестьянскую династию во времени, наследует и передает наследство, он — суд "последней семейной инстанции", его решения определяют будущее семьи (благословение детей, раздел имущества, земли, посылка детей на заработки и пр.). Мать же следит за прочностью семейных уз. Отсюда и преимущественное внимание отца к мальчикам, то есть к тем, кто подхватит его роль в будущем. Это отцовское, дифференцирующее начало, благодаря отцовскому авторитету и воспитанию, очень быстро усваивается и перенимается сыновьями — сначала в мальчишеских играх и артелях, затем в труде и речи. Двенадцатилетние ребята уже могут, подражая отцам, рассуждать в своем кругу о выгодах аренды, ценах, видах на урожай, качестве той или иной работы, престиже какого-либо односельчанина, о деревенских умниках и дураках, о масти и достоинствах лошади и т.п. В этих разговорах заметно и внешнее подражание отцам — в жестах, движениях, манере говорить, в попытках курить, важно сплевывать, отчаянно ругнуться, проявить почтительность или явное неуважение к приятелям или недругам отца, независимо от их возраста. Такая "мужская социализация" мальчиков приобретает иной раз формы хулиганской выходки, за что следует соответствующее наказание, но что само по себе является нормальным, неизбежным в стремлении ребенка войти раньше времени в мужскую взрослую роль. Наиболее ярко это проявляется, когда мальчику приходится делать женскую работу.

Удалось, например, зафиксировать несколько мальчишеских колыбельных (когда заставляли "нянчать"). Вот одна из них, наиболее "литературная":

Баю, баю, баю, бай.

Батяка сладил, я — качай.

В двух строчках — и неприятие ситуации (парня заставили заниматься "бабым делом"), и демонстрация знаний половозрастных ролей — символа взрослости. Мальчишка, даже любящий и уважающий мать, защитник сестер, не мог перенести какой-либо "женскости" в одежде (платок, повязываемый при болезни), до слез обижался на сравнение с девочкой из-за внешности, каких-то черт характера (на что, кстати, и были рассчитаны дразнилки).

Пословицы, высказывающиеся "в пользу" мальчика: "Роди, Бог, сына, а не дочь", "Дочь — чужое сокровище" — никоим образом нельзя сводить к однозначному неуважению женщины (девочки) в крестьянской России, к расцениванию появления дочери в семье как "лишнему

рту". Последнее неверно: девочки сплошь и рядом приносили реального денежного дохода раньше и больше братьев благодаря рукоделию, служению в няньках, продаже собранных ягод и т.п. Здесь скорее отражается справедливое мнение о том, что сыновья остаются в доме, вся их работа, их заработок — прибыль семейная, дочка же "отцу-матери не корысть", ее судьба — в чужой дом уйти да еще с приданым, собираемым годами:

Сына корми — себе пригодится; дочку корми — людям снадобится.

С сыном дом наживешь, а с дочкой остатки проживешь.

Во всех подобных афоризмах сложившимся нормам, определяющим судьбу, жизненный путь сыновей-дочерей, как бы придается значение закона, ни отменить, ни изменить который никому не дано.

Такой взгляд нашел отражение и в случаях приема чужих детей в семью: старались брать мальчиков, хотя их было значительно меньше. Усыновление осуществлялось мужчинами (до 70-х гг. прошлого века даже без бумаг), и усыновленный мальчик получал все наследственные права.

Парень — кормилец, ведь в первую очередь от его деятельности, работоспособности и трудолюбия зависел достаток семьи. Ему же предстояло в будущем "кормить", т.е. выполнять роль опекуна при составившихся родителях, и его новая семья (жена, дети) обязана была разделять эту заботу о стариках. Именно отец, а за ним — взрослый сын держали связь с прошлым и сами "творили" свое будущее.

Отношения отца с сыном складывались постепенно, приобретая с течением времени все новые грани. Например, в Поморье отец обязательно стремился обучить сына грамоте и часто делал это сам [14, с. 88]. В тех местах, где процветали промыслы, существовали охотничьи, рыболовные и другие артели, отец "большой семьи" (включающей семьи старших женатых сыновей) обычно возглавлял такую "семейную бригаду". Подготовка к подобным занятиям, обучение секретам и навыкам промысла происходили внутри семьи не только вполне целенаправленно, но и совершенно естественно — через неизбежное присутствие, наблюдение, малую помощь, прислушивание к разговорам взрослых и, наконец, через непосредственное участие в общем деле. Правду говорит пословица: "Отец — рыбак, и дети в воду смотрят".

По мере взросления ребенка рос, увеличивался и авторитет отца. Входя в разум, в повседневную жизнь с ее повторяющимся бытовым, хозяйственным, ритуальным содержанием, наблюдая за поведением старших во время праздников, улавливая степень уважения родителей со стороны родственников, соседей и пр., ребенок усваивал нормы жизни, правила поведения и систему взаимоотношений. Осознав асимметрию мужских и женских ролей, ребенок начинал ощущать и свою принадлежность к той или другой половине человеческого рода, причем

в крестьянстве осознание собственного пола шло одновременно с уразумением круга мужских и женских занятий, типа поведения, прав и обязанностей, распределения места в избе (женская часть, мужская лавка и т.п.) и пр. Переосмысливалось и отношение к родителям, происходило естественное сближение сына с отцом и дочери с матерью.

Отец воспринимался прежде всего как глава семьи, ее распорядитель, хозяин. Отношение к нему как к бесспорной власти не подлежало обсуждению, поддерживалось разговорами, отношением матери и других членов семьи, наконец, фольклором и неписанным крестьянским правом.

"Как Бог до людей, так отец до детей" — вот формула, раскрывающая смысл, "сверхзадачу" и высокий статус отцовства. Глава большой поморской семьи — отец женатых братьев — в некоторых домах распорядился даже специфическими женскими домашними делами, регулировал поведение взрослых детей. "Например, в Варзуге на Терском берегу отец поднимал семью утром, отдавал распоряжение о еде, отпускал или не отпускал дочерей на беседы и даже сам плел им косы" [14, с. 101].

Положение отца в семье, его права и функции, да и отдаленность от детей и домашних мелочных хлопот создавали в глазах ребенка вокруг родителя ореол величия. Мать, в свою очередь, оказываясь посредником между хозяином дома и подрастающей сменой, в обыденном поведении ежедневно демонстрировала верховенство и весомость мужа. Ограничимся одним примером.

Ритуал "столования", четкий, выверенный и освященный авторитетом предшествующих поколений ("так принято", "так дедами заведено"), отражал и демонстрировал семейную иерархию половозрастных групп. Еде, сидению за столом придавалось большое значение, всякий раз это было действием, сакральным актом, чреватым разными последствиями для каждого участника трапезы и общего благополучия дома в зависимости от строгости соблюдения правил и характера нарушений. Символическое осмысление быта, выявление профанного и сакрального в каждой вещи и осознанном действии, поступке пронизывают народную культуру, составляют фундамент ее духовной сферы. Так, стол и еда за ним всегда воспринимались как чрезвычайно важные и "божественные" элементы культуры и бытия [15]. Еще С.В.Максимов отмечал: "Дело всех православных крестьян сидеть за столом чинно, унимать со смеху смешливых, пустяшных разговоров не водить и смотреть на хлебный стол как на Божий престол" [16]. Если стол — это престол в доме, хлеб — дар Божий, то хозяин за столом естественно уподоблялся самому Господу Богу. У отца было свое постоянное место за столом, обычно в красном углу. Мать, как правило, за стол вообще не садилась (или — с краю), ела на ходу или после всех. Отец резал хлеб и раскладывал его на два края, когда едоков было много. На Новгородчине он произ-

носил: "Там костер, здесь костер", — и лишь после этого всем остальным разрешалось откусывать от своего куска. За отцом традицией было закреплено право "первой ложки": есть начинали после его команды (стук ложкой по блюду). Первый мясной кусок съедал опять-таки глава семьи. Он же строго следил за тем, чтобы никто не забыл прочесть молитву и перекреститься до и после еды. Наказание детей за неправильное поведение во время застолья — удар ложкой по лбу — тоже обязанность и право отца. Отец первым выходил из-за стола.

Авторитет отца, как уже говорилось, складывался из многих моментов: внутрисемейного положения, отношения с уважаемыми членами общины, из домашнего достатка, умения работать, участия в деревенских развлечениях и обрядах — игре в городки, борьбе, кулачных боях, умении петь (запевала) и умно, степенно вести беседу или балагурить, когда того требуют обстоятельства (скажем, роль дружки на свадьбе).

Для детей важным было как проявление отцовской любви, так и отцовское наказание. О системе наказания мы скажем ниже. Нечастые ласки отца, его подарки, уважительное общение с детьми воспринимались последними с особенной радостью и долго помнились.

Принципиальное значение имело то, что отец был не просто хозяином в доме, но и хозяин дома: в его ведении находились хозяйственные постройки, поля, лошади, сельскохозяйственный инвентарь, он распоряжался семейными деньгами (кроме нескольких, оговоренных традицией и правом случаев).

Мать приучала детей к повседневным домашним заботам, отец же беспокоился о мастерстве, поэтому чаще всего на нем или на старших братьях лежало снабжение детей первым собственным инструментом, будь то молоточек для мальчика или прялочка для девочки.

В крестьянстве семь-восемь лет — начало подросткового возраста, что предполагало включение детей в социально-трудовую жизнь семьи и общины. Девочки в этом возрасте уже пряли, вязали, вышивали, шили, считались квалифицированными няньками. Мальчики "при начале полевых работ помогали вывозить навоз на поля и боронить вспаханную землю, пасли скот и ухаживали за ним" [17, с. 202]. В Пермской губернии существовал специальный термин для мальчика, который "выезжал в поле на лошади с бороной, — борноволók, боронщик". Здесь "детей-мальчиков рано приучали рыбачить. Они же плели и рыболовные сети" [17, с. 202].

По сведениям Т.А. Бернштам, "в Поморье мальчики 8-9 лет начинают участвовать в настоящих промыслах — в качестве зуйков, юнг, прибрежных ловцов, получая определенный пай, т.е. внося свою долю в бюджет и хозяйство семьи. В этом возрасте к ним уже относятся с большим уважением и часто называют ласково "кормильцами" [18].

1254813

Отцовское влияние, безусловно, усиливалося тем, что "в патриархальной крестьянской семье отец не ухаживал за детьми, но они, особенно мальчики, проводили много времени, работая с отцом, под его руководством" [1, с. 232]. Такой совместный труд давал прекрасные результаты, ненавязчиво обеспечивал передачу опыта многих предшествующих поколений, воспитывал традиционное общественное сознание, крестьянское отношение к труду. Последнее заключалось в заботе о том, чтобы ребенка научить трудиться, чтобы он с уважением относился к любой работе (поэтому, кстати, трудом никогда не наказывали), чтобы труд воспринимался при всей его тяжести как высокий долг человека, исполняемый с радостью.

Доморожденные крестьянские педагоги прекрасно понимали: если труд на первых этапах будет осуществляться насильно, обыденно и монотонно, то и впоследствии он будет восприниматься как каторга, а продуктивность его будет низкой.

Ребенка начинали учить профессионально трудиться достаточно рано, при этом приобщение к труду шло постепенно. До подросткового возраста дети, независимо от пола, проходили такие необходимые стадии обучения труду, как бытовые игры, минимальная помощь и, наконец, совместная работа с кем-то из взрослых. Играя, дети строили маленькие хаты, избы, дворы, наполняли игрушечный хлев шишками — коровами, жали палочками, изображали трепание льна, торговали стеклышками и черепками, принимали гостей, накрывали на стол, рассаживали гостей "по чину", косили в избе кочергой с криком: "Пятки обрежу!" (выражение заправских косцов) и т.п.

Минимальная помощь сводилась к мытью посуды, подметанию, принесению нескольких поленьев; дети присматривали за цыплятами, подавали лыко при плетении лаптей или нитки — при вязании, ходили к отцу в поле (относили еду).

На этапе совместной работы проявляли педагогические приемы: умный отец первый серьезный труд ребенка облегчал игровыми моментами, к примеру, в посевное зерно он клал репу (в некоторых местах считавшуюся исключительно детской пищей) и разбрасывал ее вместе с зерном. Ребенок, шедший сзади и ставивший вешки (указатели для отца, чтобы он не кидал зерно в одно и то же место дважды), подбирал репку и ел ее, что, конечно же, доставляло удовольствие. Таким образом нелегкий и однообразный труд заметно облегчался, превращаясь отчасти в игру.

Отец старался связать ежедневную "черную" работу с красивой мечтой. Он обещал (и обычно выполнял) на заработанные или вырученные от продажи хлеба, овощей и прочего деньги купить каждому, кто старался по мере сил и возможностей, не ленился и "болел" за урожай, подарок или нужную вещь.

Новгородский крестьянин А. М. Алексеев в 1910 г. усадил себе на колени дочек — семилетнюю (более крепкую) и девятилетнюю (слабенькую) и сказал им: "Тебе, доченька, я куплю, когда вырастешь, красивую серую лошадь, и будешь ты на ней пахать, боронить, ездить. А тебя (обращаясь к другой) я на учительницу выучу". С тех пор у его детей труд воспринимался как единственный путь к мечте. И надо сказать, что отцу удалось сдержать слово.

Положительный пример родителя поддерживался в крестьянской жизни тем, что во многих трудовых процессах ребенок (прежде всего мальчик) следовал прямо за отцом. Это, во-первых, объединяло их, а во-вторых, создавало у ребенка внутреннее ощущение относительной равновеликости труда, сознательно поддерживаемое отцом. При удобрении полей отец привозил навоз, раскидывал его большими кучами, а дети разбрасывали его по всему полю. Во время пахоты мальчики откидывали навоз и землю от плуга, во время бороньбы — правили бороной или утяжеляли ее своим весом и пр.

Работающему по-настоящему подростку отец доверял ответственную часть дела или "испытывал" его на небольшом участке, который разрешал обработать от начала до конца, выполнить все виды работ и получить свой собственный результат. Например, вспахивая поле, отец оставлял нетронутой маленькую площадку: это для сына, которого заставлял тут же вспахать, сам "учитель" идет сзади и следит за правильностью проведения борозды [19].

И даже несмотря на существующий запрет детям до 14 лет косить хлеб (вообще, косить учились лет с 12, но только для скотины), эту полоску доверялось скосить подростку. Пусть клочок земли маленький, но зато он целиком в распоряжении начинающего пахаря — тут нельзя сплеховать. Вот и старается отрок, чтобы урожай вышел не хуже отцовского. "Соревнования" с отцом устраивались и на других участках работы и, кстати сказать, были разумны с педагогической точки зрения: проиграть не зазорно, зато выиграть — невероятно престижно.

Отец хвалил новоявленного работника, но хвалил по-особому: он не расточал дифирамбы, а поднимал ребенка (подростка) до взрослого уровня. Это выражалось названием сына (дочери) очень престижным словом "помощник", "работник", особенно когда эти слова звучали в репликах типа: "Слава Богу, новый помощник в семье появился!", или когда отец произносил такие, например, фразы: "Завтра мы с сыном эту работу закончим", "Если сын пойдет, то и дело пойдет" и т.п. Довольный отец даже "испрашивал совета" у своего помощника. Подросток понимал, что подняться до уровня отца можно только трудясь: труд, уважение и достаток оказывались взаимосвязанными понятиями.

Вообще, на формирование у ребенка системы ценностей, представлений о важном и необходимом значительное влияние оказывали разговоры, которые постоянно велись в семье, на улице, при встречах

взрослых, на общих работах. Во время пахоты и сева тяжелая работа детей-помощников нередко вознаграждалась участием их в вечерней, ночной беседе взрослых, где, помимо серьезных хозяйственных разговоров, звучали сказки, рассказы о былом и пережитом, разные интересные случаи, пелись песни...

Особый вес, разумеется, имели отцовские рассуждения на темы урожая, важности труда и достатка, справедливости распределения покосов и выпасов. Все разговоры, о чем бы они ни велись, в конце концов сводились к одному — семейному благополучию. "Все в семью" — такова формула жизни русского крестьянина. Не случайна много раз отмеченная удивительная хитрость русского мужика, умение слухавить, прикинуться простаком, если требуемая от него работа не на пользу семье. Известны потрясающие примеры лености крестьян на барщине, на работе "за харчи", в выполнении глупых (с точки зрения крестьянина) распоряжений, указов и пр. Зафиксирован случай, когда мужики в ответ на приказ барина сажать березы между избами как противопожарное дело и просто "для красоты" без зазрения совести превратили это в театр, своего рода "потемкинские деревни", они нарубил в лесу молодых деревьев и просто воткнули в землю: если спросят, то, мол, не прижились. Если же труд мог принести хоть копейку, хоть какой-то достаток в семью или обеспечить последующую помощь (совместные работы — помочи, толока), трудились на славу, до седьмого пота.

Дети через отцовские разговоры, планы, мечтания усваивали нравственные идеалы родителя, а его конкретная деятельность оборачивалась лучшим аргументом в пользу мнения и оценок отца.

Чем старше ребенок, тем заметнее проявлялась у него нормальная эгоистическая забота о своем будущем — богатом приданом, женихе с хозяйством, нескольких лошадях, хороших угодьях, обилии скота, обставленном доме, хороших нарядах и пр. Соответственно глубже осознавалась и необходимость труда, овладения опытом, секретами того или иного дела. Явственным становились и причины неустанной деятельности отца. Понимание и принятие традиционного образа жизни вели к укреплению чувства собственности — важнейшей константы крестьянского мышления.

И вновь мы сталкиваемся с тем, что именно отец первым даровал детям собственность — сначала игрушку, затем "личные" инструменты: прялки, грабельки, цепки, молоточки и др. Инструмент, полученный от отца, был для ребенка своеобразным свидетельством его взросления, это же отчасти снимало и естественное социовозрастное напряжение, испытываемое ребенком, когда он только воспитуемый, зависимый, "права не имеющий" на целый ряд поступков, свобод и пр. Работа, дающая реальные результаты, да еще вносящая свою лепту (пусть совсем небольшую) в семейный бюджет, семейный достаток —

такая работа, повторяем, поднимала ребенка в глазах окружающих и доставляла массу удовольствия самому "работнику".

Крестьянское мировоззрение, ориентированное на повтор, воспроизводство, на стремление "быть, как все" или быть лучшим, но среди своих, себе подобных, оказывалось той самой почвой, "черноземом", на котором прекрасно прорастали ростки детского трудолюбия, желание уподобиться кому-то из старших, как можно раньше преодолеть свою детскость и тоже стать, "как все": мальчику — дорасти до отца, стать похожим на него (разумеется, если отец был "положительным героем", нормальным главой дома) и заменить его, чтобы продолжить его и свое дело, чтобы повторить отца в себе и запрограммировать его в своих сыновьях. Девочка (если ограничиться темой отцовства), сполна получившая отцовской любви и забот, воспитанная на его авторитете, и к жениху впоследствии нередко предъявляет требования (как правило, неосознанно) быть похожим на "родного батюшку".

Очень показательны результаты первого социологического опроса крестьянских детей десяти-пятнадцати лет, проведенного в Смоленской области на рубеже 20-30-х гг. нашего столетия, времени активного расшатывания крестьянской идеологии, традиций, активной пропаганды среди детей "советско-пионерских" ценностей, обожествления вождей пролетариата и воспитания презрения к личной собственности, материальным благам и т.п. На вопрос: "Что тебе всего дороже?" — подавляющее большинство деревенских подростков ответили: "жизнь", "материальные блага", "родственные связи", "учение". Даже "сон" (6%) оказался дороже Ильича (5%), тем более пионерского галстука (3,5%) и свободы (1,5%) [20].

Будучи главой семьи, отец принимал (иногда единолично) важные решения относительно судьбы детей. Образом жизни девочек распорядилась и руководила мать, она могла отдать дочь в няньки, даже сама договориться о цене, но только если дочь оставалась в той же деревне или у знакомых, близких людей. О мальчишеских занятиях, овладении ремеслом, отдаче сына в наем (в подпаски, к примеру) заботился и думал прежде всего отец.

Когда обстоятельства вынуждали или появлялась возможность отправить кого-либо из детей на дальние заработки, на учение, обсуждали это сообща, всей родней, но точку в таком серьезном деле ставил всегда отец. Жители русской крестьянской колонии в Финляндии однозначно вспоминают, что именно отцы решали, отправлять или нет мальчиков в ремесленные школы на Валаам, в монастырь. Подчеркивался такой важный момент отправки сына, как обязательная его помощь семье и немедленное возвращение по первому зову. Исключения были редки, так что не оговаривались обычным крестьянским правом. Правда, ближе к XX в. участились случаи неповиновения детей и об-

ращения крестьян в суд на худых детей, забывших родителей. Суды, как правило, удовлетворяли подобные иски.

Как видим, отцовские права на детей были обширны и достаточно жестки.

С особой ролью отца в семье ассоциировалась и система запретов и наказаний. Негласное правило крестьянской этики и педагогики требовало (или предусматривало) наличие прав и обязанностей у любой категории членов общины, включая детей. Следует подчеркнуть, что на права, за редким исключением, не посягали, а за невыполнение обязанностей строго взыскивали.

Наказание считалось совершенно необходимой, очень действенной частью воспитания: Жалеть сына — учинить дураком; Ненаказанный сын — бесчестье отцу; Детину сердцем люби, а руками гнети; Родительские побои дадут здоровья; Побольше пори, поменьше корми — хороший парень вырастет. Подобных пословиц можно привести большое количество, они в самом деле отражают обычный взгляд крестьянина на способы воспитания и вразумления детей. Традиция, правда, советовала "учить детей без людей", т.е. не подвергать позору ни их, ни самих родителей.

В крестьянской культуре степень послушания младших была очень высокой, что объясняется рядом причин: самой традицией послушания, авторитетом родителей, четким возрастным распределением обязанностей, их "привычностью" ("за тебя твое дело никто делать не будет"), ранней натренированностью воли ребенка. Не последнюю роль здесь играло и наказание, неотвратимое и необсуждаемое.

В чем функции, роль и специфика именно отцовского наказания?

В силу педагогической логики наказание — это следствие нарушения запрета. Наказанию могло предшествовать предупреждение, словесное порицание, пугание. Самое первое предупреждение — отцовский или материнский взгляд на матицу (за ней находится розга, лозина), на стену, где висит плетка. Достаточным бывало и простое обещание "березовой каши". Пугание нередко было как бы продолжением запрета, его мотивировкой: "Отойди, не то обожжешься", "Не смей этого делать, домового разозлишь", "Не ходи туда, там темно" и т.п. Говоря о пугании, можно заметить некоторое различие между материнским и отцовским пуганием. Первое, как правило, "свернутое". Это упоминание реальных "чужих" людей — тряпичника, пастуха, татарина, цыгана, бродяги, юродивого и даже священника; обещание призвать лешего, черта, домового, Буку, Мару, анчутку и др. Отцовское пугание часто более развернутое, сюжетное, с объяснением (мы не можем пока настаивать на данном тезисе, но ряд этнографических наблюдений свидетельствует именно об этом). Отец рисовал целую картину последствий нарушения запрета. Скажем, запоздавшему ребенку он подробно рассказывал о нечистой силе; как бы обосновывая запрет,

отсылался на якобы реально случившийся факт с кем-то из знакомых или прямо на случай из собственной жизни (надо сказать, что этого требовал и сам жанр былички):

- Смотри, лешего встретишь!

- А ты видал?

- Видел однажды. Ростом он с березу, глазища мутные, борода белая... Не дай Бог, еще повстречаться!"

После подобного "собеседования" можно было быть уверенным, что в течение какого-то времени ребенок не рискнет приходить домой поздно. Если же дело доходило до реального наказания, то отец выполнял свою воспитательную функцию ритуально, серьезно.

Мать не скупилась на затрещины, могла нашлапать ребенка за мелкие проступки, отец же в большинстве случаев наказывал реже, но за нешуточные прегрешения (воровство, сознательная порча своего или чужого имущества, вранье, неоднократное нарушение какого-либо запрета и т.п.). Наказание тогда принимало вид настоящего действия: с виновного снимали штаны, укладывали на лавку или отец зажимал его между колен; применялись ремень, плетка, голик, розги. Требовалось и исполнение заключительной части: поклон родителю за "учение", обещание исправиться.

Мы не пытаемся представить наши материалы как стройную общерусскую систему, пока можно говорить лишь о том, что отцовская форма наказания была более серьезной и значимой. Напомним, что мать нередко пугала детей как раз отцовским наказанием. Отец имел право наказывать после матери, мать никогда не наказывала после мужа. Отец же в серьезных случаях определял меру и тип наказания, скажем, "постановлял" запереть виновника в чулан, оставить его без еды и пр.

Несмотря на тяжесть "отцовской руки" ("Мать высоко замахивается, да не сильно бьет"), большинство тех, с кем приходилось беседовать во время экспедиций, подчеркивали справедливость и действенность отцовских наказаний. Отец оставался в памяти взрослых детей сильным и добрым, подчас добрее матери. Вероятно, здесь необходимо сделать скидку на то, что основные наши информаторы — женщины, а отцовское наказание девочек — явление редкое, из ряда вон выходящее, действительно заслуженное дочерью. Можно привести конкретный пример из практики "традиционного наказания". Дети уже упоминавшегося новгородского крестьянина Алексея Матвеевича Алексеева, родившегося в 1870 г., помнят (за исключением щелчков ложкой, если зазеваешься или посмотришь в окно во время обеда) такой случай.

Девочки помогали матери в пост ткать холсты — подавали нитки, а в это время загуляла корова. Мать сама повела ее к быку. Отец увидел, что мать одна ведет такую корову, и, возвратившись домой, стегнул дочку. Самое главное, что после этого ребенок переживал голь-

ко свое невнимание к матери: ведь даже любимый и совершенно не "драчливый" отец не сдержался.

Во втором случае старшие дочери высказали в грубой форме ревность к только что родившейся сестренке, и отец больно ударил старшую дочь.

С точки зрения крестьян, ни о какой жестокости отца говорить здесь не приходится. Наказание в меру и за дело — обычное родительское дело, не подлежащее обсуждению. Интересен и такой момент, не однажды возникавший в разговоре с пожилыми людьми, вспоминаяшими свое деревенское детство: если наказывал отец, то жалела мать, и, наоборот, материнское наказание, особенно не очень заслуженное, сорвавшееся сторяча, в сердцах, нередко завершалось лаской отца.

Как постепенно, целенаправленно и органично приобщали ребенка к труду, хозяйству в рамках традиционной культуры, так и приучали к принятым нормам поведения, к обрядовой жизни общины, ко всему комплексу духовной культуры.

В отличие от нашего времени в традиционном обществе не было пассивных потребителей культуры, там в течение детского и подросткового периода человек активно осваивал все культурное наследие и становился подлинным его носителем, исполнителем, творцом.

Роль отцов в этом процессе трудно переоценить.

Мальчики, пожалуй, раньше девочек включались в свои мужские и семейные ритуалы. Выбор (жеребьевка) засевалящика предусматривал во многих местах участие на равных всех мужчин — от малышей до стариков. Если жребий выпадал на самого маленького члена этого коллектива, ребенок считался счастливым, хотя его роль засевалящика была, разумеется, чисто символической: отец брал сына в поле, вкладывал в его ручонку несколько зерен и помогал бросить две-три горсти. Такое раннее приобщение к мужскому делу и ритуалу высоко ценилось.

Мальчики участвовали и в празднестве по случаю начала укладки снопов в овин для просушки и окончания этого необходимого, но опасного дела (от неумелого или небрежного обращения с огнем случались пожары, уничтожавшие собранный урожай). Само присутствие при "насаживании" и затем при "кормлении" овина было не одним лишь удовольствием, но и наглядным уроком, не только признанием мальчика членом мужского коллектива, но и способом передачи хозяйственного и ритуального опыта.

В Сибири создание масленичного снежного городка было общим мужским делом всего села. Свою лепту в строительство и укрепление временной крепости вносили и дети, особенно мальчики. Когда отцы и старшие братья обороняли или брали штурмом снежный городок, вся детвора оказывалась самыми заинтересованными болельщиками. В конце концов, именно дети завершали то, что начинали и приводили в исполнение мужики: "Сотни мальчишек с оглушительным криком бро-

саются на крепость и в несколько минут разрушают ее до основания. Многочисленная толпа зрителей приходит мгновенно в движение и рассыпается по всем направлениям улиц" [21].

Вообще, в обязанности детей, чаще всего мальчиков, входило выполнять роль начинальщиков, зачинщиков, вестников [5, с. 166-169] или, как в случаях взятия снежного городка и растаскивания остатков масленичного костра, роль завершателей. Это воспринималось как важная обрядовая функция, поэтому соответствующее поведение, выходящее за рамки дозволенного в будни, допускалось и, более того, поощрялось и требовалось. Подобные "ритуальные бесчинства" молодежи и подростков совершались в разные календарные сроки (на Крещение, в Страстную неделю, на Пасху, в ночь на Ивана Купалу, на Петров день, в течение русальной недели и пр.) и выливались в "таскание по селу и превращение телег, раскидывание дров, загораживание входа в дом, устраивание баррикад посреди улицы из краденых предметов утвари и т.п." [22].

Мальчишки с присущим их возрасту озорством и азартом дразнили, раззадоривали мужиков, завлекая их на кулачный бой. Сами "кулачки" начинались боем подростков 10-15 лет, "затем к ним присоединялись взрослые парни; следующими вступали в борьбу женатые мужики; допускалось участие даже стариков" [23]. Таким образом демонстрировалось единство мужской общины, включение мальчиков и подростков в общие мужские ритуалы.

Отец был не только участником серьезных забав, что естественно служило предметом гордости детей, особенно когда отец выигрывал, считался лидером. Обычно отец выступал и в качестве учителя, обучая в домашних условиях детей обязательным деревенским играм - в рухи, бабки, лапту. Совершенствование, повышение квалификации происходило уже в детских, подростковых компаниях, в нечастых, но очень престижных совместных играх со взрослыми.

В заключение несколько слов еще об одном аспекте отцовства, так сказать, расширительном его понимании.

Понятен и вроде бы не вызывает возражений тезис о том, что подрастающее поколение находится и находилось в подчинении не только своих родителей и "старших родителей" — дедов. Правоммерно говорить о подчинении целиком возрастной группы "мелочи и челяди" (детей и подростков) вообще взрослым. Выражалось это нагляднее всего в социальном плане — обслуживании деревенской общины во время разного рода ритуалов, обрядовых действий (собираание материала для масленичного костра, участие в шествиях в качестве "толпы", "статистов", оповещение о сходе, кулачном бое и пр.). Известно, что на "ранних стадиях развития человеческого общества индивидуальное родительство вообще не институционализировалось, уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины" [1, с. 214].

По-видимому, крестьянская традиция сохранила лишь кое-какие отголоски некогда развитой системы, при которой функции отца в определенных условиях, в определенные моменты выполняли ближайшие родственники-мужчины или специально избранные, "право имеющие" люди. Конкретных материалов у нас очень мало, поэтому мы ограничимся лишь упоминанием таких лиц — своего рода "заместителей отца": это дядя со стороны матери (старший брат ее), деды, крестный. Изучение их роли в воспитании и формировании подрастающего поколения традиционной деревни еще впереди.

Литература

1. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.
2. Бравина М.В. Село Оленино Горбатовского уезда Нижегородской губ.//Нижегородский сборник. Ниж. Новгород, 1875. Т. V. С. 152.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб., 1904. Т. 2. С. 102.
4. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.
5. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988.
6. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии//Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ). Л., 1930. Т. 9.
7. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
8. Логинов К.К. Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан//Заонежский сборник. Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 108-109.
9. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 47.
10. Байбури А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей//Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 259, 257-258.
11. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 184.
12. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. 1955. Т. 3. С. 346-347.
13. Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. С. 55-56.
14. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983.
15. Топорков А.Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян//Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223-242.
16. Максимов С.В. Куль хлеба и его похождения//Собр. соч. СПб., б.г. Т. 7. С. 181.
17. На путях из земли Пермской в Сибирь. М., 1989.
18. Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в.//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 49.
19. ГМЭ, ф. 76 оп. 1, д. 1830 (Пензенская губ., Инсарский уезд, 1899).
20. РО РНБ, ф. 692, оп. 1, ед. хр. 13, с. 82.
21. Миненко Н.А. Социальные функции календарных обычаев и обрядов в сибирской деревне первой половины XIX в.//Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 15.
22. Толстая С.М. Ритуальные босячества молодежи//Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 12-14.
23. Грамыко М.М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 259.

М.А. МУХЛЫНИН
(Москва)

ПАРОДИРОВАНИЕ СТРАШНЫХ РАССКАЗОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В последнее десятилетие мир детства как сложный психосоциокультурный феномен находится в центре внимания отечественных фольклористов, этнографов, социологов, психологов. Современные дети признаны носителями и творцами субкультуры, вырастающей из недр национальной традиции и являющей собой определенную стадию и ипостась ее развития. Одновременно детский фольклор предстал как живой, развивающийся процесс осмысления детьми и подростками многообразных явлений современной жизни, как одна из форм их коллективного самовыражения и наиболее достоверный материал для суждений о внутреннем мире ребенка.

Пародирование относится к числу важнейших конструктивных, системообразующих принципов современного фольклора детей и подростков. Закон пародийной трансформации лежит в основе многочисленных детских "переделок" революционных, героико-патриотических песен, популярных песенных текстов из мультипликационных и художественных фильмов, эстрадных шлягеров [1], школьной скабрёзной поэзии [2]. В рукописных "школьных словарях" ("хрониках") пародийному переосмыслению подвергаются реалии школьной жизни и одновременно заглавия литературных произведений, речевые штампы и т.п. типа "двойка за подсказку — горе от ума", "дневник — книга жалоб и предложений", "классная руководительница и староста — дама с собачкой" и др. На пародийной и пародической основе формируются принципиально новые для детского фольклора жанровые формы — "сатиристские стишки" [3], абсурдальные "загадки-диалоги", "военные афоризмы" ("сигнал к атаке — три зеленых свистка"), развиваются возрастные модификации традиционного анекдота ("детский анекдот") и т.д.

Разнообразные по типам и целям в каждом жанре и возрастной разновидности жанра способы пародирования и связанные с ними формы комического лишь начинают осмысляться как проявления универсального для детской субкультуры (и традиционной культуры в целом) закона. Вопросы *что?*, *как?*, *зачем?* и *почему?* пародируется в современном фольклоре детей и подростков не только в должной мере не раскрыты, но фактически в полном объеме и не ставились.

Страшный рассказ в современном детском репертуаре обнаруживает многообразие форм (пересказы прочитанного, увиденного на теле- и киноэкране, услышанного от взрослых; импровизации—"однодневки" и

т.д.), выходящих за границы детского фольклора в привычном толковании термина. В данной статье в качестве объектов пародирования принимаются во внимание два специфических жанра, принадлежность которых к современному детскому фольклору не оставляет сомнения — "с т р а ш и л к а" и "с т р а ш н а я и с т о р и я". Важно отметить, что ни у носителей традиции, ни в исследовательской литературе эти жанры не имеют устойчивого, общепринятого терминологического обозначения.

Термин "с т р а ш и л к а", удачно сконструированный по аналогии со "считалкой" и "дразнилкой", предложен М.В.Осориной в 1965 г. и сегодня активно используется не только в научной, но и в публицистической, художественной литературе, в речевом обиходе. Сами дети предпочитают иные определения таких текстов — "история", "страшная история", "страшный анекдот". Доказано, что страшилка — гетерогенный жанр, образовавшийся на стыке сказочной традиции, сусверной прозы взрослых, игровых форм поведения, бытовых, культурных реалий современности, в число которых входит разнообразная печатная продукция, телевидение, кинематограф. Целевая установка страшилок, направленная на коллективное переживание страха, обусловила формально-содержательные особенности жанра и "ритуализацию" исполнения [4].

Добавим, что страшилки являются специфическими "страшными сказками" современных детей, и это нашло отражение в системе образов, условно-фантастической мотивировке событий, в тяготении к кумулятивной, цепевидной структуре с повторением однотипных мотивов, эпизодов, в ритмизации повествования и драматизированной манере исполнения, что вытекает из потребности не просто рассказать, а "разыграть" с использованием возможностей голоса, мимики, жеста [5]. В правдоподобие страшилок дети не верят, либо это особая "игровая", условная вера, прямо пропорциональная силе эмоционального воздействия текстов и обратно пропорциональная возрасту исполнителей и слушателей. Детское восприятие страшилок подчиняется формулам: "Я не верю, но я боюсь" или: "Верю, потому что боюсь" [6].

Жанр "с т р а ш н а я и с т о р и я", практически не исследованный отечественными фольклористами, является своеобразным функциональным эквивалентом страшилки, преобладающим в репертуаре подростков. Страшные истории представляют собой детский творческий "извод" определенной части взрослого репертуара (бывальщины [7], "слухи-толки") [8] в сплав с отдельными элементами детективно-приключенческой литературы, а с конца 1980-х гг. и с криминальной хроникой из газетной и журнальной периодики.

Детские рассказы такого типа сфокусированы на ужасных происшествиях, бытовых преступлениях: поздно вечером родители находят у дверей отрезанные ноги детей, а рядом записка: "Мы пришли"; извер-

ги-соседи (мачеха) держат ребенка в темной комнате на цепи, заставляют ходить на четвереньках и лаять, он теряет рассудок, а иногда в буквальном смысле превращается в получеловеска-полусобаку; раскрываются тайны пирожковой, где готовят фарш из человеческого мяса; разоблачают "шпионку", которая пытается перевезти за границу "золото и документы" в труп ребенка и др. В последние годы значительно увеличилось число рассказов о каннибалах, садистах, отравителях, гробокопателях, о похищении детей с целью продать "за доллары" их кровь, трансплантировать состоятельным людям органы и т.п.

Обнаруживая преемственность со страшилкой в тематике и некоторых мотивах, эти рассказы претендуют в отличие от страшилок на достоверность, подчас на документализм. Симптоматично, что применительно к таким текстам носителями традиции нередко даются не жанровые определения, а оценочные характеристики — "случай", "правда", "на самом деле было". Спонтанная, неосознанная эстетическая установка на передачу сообщения о реальном происшествии проявляется и на формально-содержательном уровне. В частности, мы обнаружим здесь имитацию бесхитростного рассказа, причинно-следственную мотивировку событий, ссылки на газетные публикации и т.п.

Сложность жанровой дифференциации детских страшилок и страшных историй обусловлена исключительным протезизмом мотивов и сюжетных типов, лежащих в их основе, подвижностью, если не сказать прозрачностью, границы между "верой" и "неверием" в такие рассказы. Ряд сюжетных типов ("Пирожки с человеческим мясом", "Таксист и некрофаг", "Таинственный колодец"), подвергаясь различным "жанровым аранжировкам", фигурируют то в качестве страшилки, то в облике страшной истории; нелепые события классических страшилок про черную руку или стеклянную куклу могут получить рационалистическое истолкование, а сюжет страшной истории выстроиться по образцу кумулятивной страшилки. Страшилка и страшная история предстают как специфические жанровые структуры и одновременно как две жанровые со своими возрастными разновидностями ипостаси единого в своей психологической основе детского страшного рассказа.

Спектр потаенных детских страхов, по-своему и в разных обликах выступающих в различных возрастных группах, определяет многослойность психологического субстрата страшилок и страшных историй. В частности, в страшилке обнаруживаются так называемые раннедетские страхи, заглаженные на подсознательный уровень (боязнь руки, глаз, зубов, незнакомых предметов, темноты, одиночества, замкнутого пространства) [9]. По мнению психологов, с возрастом инстинктивно обусловленные и социально опосредованные страхи перекрещиваются, трансформируются, приобретают новые очертания. С ростом ребенка выстраивается цепочка из страхов, где одно звено вырастает из другого. Так, воображаемые ночные кошмары детей 3-5 лет, стимулированные

темнотой, со временем интеллектуализируются и перерастают в страх перед реальным нападением, болезнью, смертью (квинтэссенция и прообраз всех страхов!) [10]. Боязнь замкнутого пространства преобразуется в опасение быть заживо погребенным [9, с. 313]. В процессе социализации ребенка выявляется проблема преодоления ограничений, налагаемых взрослыми, и боязнь наказания, что порождает амбивалентное отношение к матери [11]. С расширением границ социального опыта в круг вызывающих скрытую тревогу персонажей входят воспитательница детского сада, врач, учитель, продавец и т.д.

Разнообразные по этиологии, но взаимосвязанные детские страхи находят опору в традиционных мотивах, образах страшных рассказов, отвечающих основным психологическим потребностям ребенка; неосознанные или полуосознанные опасения структурируются, получают художественную переработку и объективацию. Этим, вероятно, объясняется немногочисленность мотивов детских страшных рассказов, прочно вошедших в традицию, и одновременно бесконечный процесс варьирования, множество возрастных модификаций "базовых" ("архетипических") мотивов и образов. В рамках игры "в страх", построенной на манипулировании жанровыми формами, проявляются различные способы удовлетворения тяги к страшному. Коллективное "переживание страха в заведомо защищенной и безопасной ситуации доставляет свособразное наслаждение, приводит к эмоциональному катарсису" [12]. Возникает вопрос: играют ли какую-то роль в процессе изживания детских страхов пародии на страшные рассказы?

В зарубежной фольклористике детства начиная с пионерского исследования Й. и П.Оупи [13] определяющим в оценке пародирования, по преимуществу в песенно-стихотворных формах, становится психологический подход. Обращая внимание на психологический контекст бытования пародий в разновозрастных компаниях, Д.Симонидес в польском, Л.Виртанен в финском прозаическом детском фольклоре выделяют тексты, пародирующие страшные рассказы. По мысли исследовательниц, с помощью таких шуточно-игровых "антирассказов" осмеивается трусость, а любители страшного оказываются в смешном положении. Дети отыгрываются на непосвященных, старшие таким образом подшучивают над младшими, мальчики пугают девочек [14].

Отечественные исследователи мира детства оценивают пародии на страшные рассказы несколько иначе. По мнению психолога М.В.Осориной, "каждый тип "серьезных" страшилок имеет в детском фольклоре свой пародийный вариант... в жизни каждой сказки наступает момент, когда ей больше нечего сказать ребенку, и он может расстаться с ней как со старой игрушкой. Тогда он соглашается, чтобы сказка превратилась в пародию, — это как бы санкционирует расставание, и вместе с тем новый угол зрения возобновляет интерес к самой сказке" [15]. Концепция возрастного кризиса жанра, который знаменуется появле-

нием пародий, нашла отражение в большинстве работ, посвященных фольклорной прозе детей. Расхождения наблюдаются как в определении возрастного рубежа, достигнув который дети проникаются скепсисом по отношению к рассказам, недавно еще приводившим их в трепет, так и в мотивировке этого скепсиса. О.Н.Гречина и М.В.Осори́на усматривают признаки иронического отношения к страшилкам в репертуаре подростков 13-14 лет [12, с. 98]. Т.В.Зуева полагает, что "у самых старших детей (13-15 лет) возникает кризис категории чудесного: они приходят к отрицанию немотивированных ужасов... особенно интенсивно разложение "страшных историй" происходит путем создания многочисленных пародий" [16]. По наблюдениям М.П. Черсидниковой "пародиии рассказываются, как правило, детьми 9-10 лет и свидетельствуют о преодолении страхов, которые мучительно переживались ребенком год-два назад... Смех в данном случае обладает продуктивным, творческим потенциалом, ибо свидетельствует о становлении личности ребенка, преодолевающего собственные слабости" [17].

Очевидно, что пародия на страшный рассказ воспринимается как исключительно разрушительное явление, "разоблачающее" оригинал, а пародийные тексты в определенном смысле получают статус второсортного материала. Вместе с тем сделаны первые шаги к "реабилитации" пародий в системе прозаических жанров детского фольклора: опубликованы подборки текстов [18], пародия получает признание как самая совершенная в художественном отношении "разновидность" страшилок, которая "в наибольшей степени способна сыграть психотерапевтическую роль" благодаря тому, что в таких текстах "вместо чего-то ужасного появляется смешное и трогательное" [19].

В теоретико-литературном плане пародирование (синонимический ряд - перепевание, пение наоборот, передразнивание) являет собой определенный принцип изменения исходного (пародируемого) текста [20], в его основе лежит "двуединный процесс воспроизведения и трансформации" [21]. В зависимости от последовательности проведения этого принципа фоновый текст ("второй план", по терминологии Ю.Н.Тынянова) в той или иной мере переводится в новое русло; завершающая стадия — возникновение пародии, которая "есть комический образ художественного произведения, стиля, жанра" [21, с. 5].

Исследование стадийальных, исторических закономерностей в развитии пародий позволяет расценивать пародирование как органичное явление народной смеховой культуры [22]. Предполагается, что фольклорная пародия, родившаяся в недрах архаического сознания, никогда не таила в себе деструктивного отношения к предмету осмеяния, иронического уничтожения в современном смысле. Основу пародирования в фольклоре составляет юмористическое, игровое отношение к серьезным вещам. Различные типы пародий обостряют восприятие традиционных жанров и по контрасту усиливают их эстетическое воздействие [23].

Возможна ли экстраполяция положений, безусловных для традиционной "взрослой" культуры, на детские пародии [1, с. 87] или же социокультурное окружение, интеллектуально-психологические особенности современных детей предопределяют функциональность, специфические черты и сущность такого материала?

В основе статьи неопубликованные записи из фольклорных собраний МГУ им. М.В.Ломоносова, МПГУ им. В.И.Ленина и других вузов, а также материал, нашедший отражение в печати. Ранние записи датируются серединой 1960-х гг., последние — декабрем 1993 г. Тексты фиксировались как в городской, так и в сельской местности в различных регионах Российской Федерации (Сибирь, Западный Урал, центральные и южные области Европейской части России, Татарстан, Карелия, Санкт-Петербург, Москва и области), а также в ряде республик бывшего СССР (Казахстан, Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония). Количество принятых во внимание единиц, учитывая страшные рассказы и пародирующие их тексты, превышает 5 тысяч.

Возрастной диапазон исполнителей — дети и подростки от 5-6 до 14-15 лет. Обозначенные границы не являются безусловными. Первые опыты исполнительства таких текстов возможны и в 4 года, и, напротив, в новом качестве эти рассказы могут иметь место в репертуаре 16-17-летних и более старших информантов. Разумеется, самые активные носители традиции представлены детьми 8-13 лет. Несколько упрощая картину, заметим, что девочки преобладают "числом", а мальчики — "умением".

Оценивая количественное соотношение записей страшных рассказов и пародий на них, отметим, что минимальное число последних в 60-е гг. неуклонно возрастает в течение 70-80-х гг., достигая к началу 90-х гг. такого объема, когда можно говорить не просто о симметрии смешных и страшных текстов, но и об известном преобладании комических ипостасей. Этот факт объясняется не только направленностью поисковых интересов собирателей фольклора, но и относительно поздним (конец 40-х — начало 60-х гг.) самоопределением соответствующих жанровых форм страшного рассказа как имманентных современной детской субкультуре (ясно, что "протострашилки" и иные типы страшного рассказа были известны детям значительно раньше). Потребовались усилия нескольких поколений детей (под "поколением" разумею возрастную группу с 7-8 до 12-13 лет), чтобы скоррелировать прозаические формы-новообразования как систему, развивающуюся по законам фольклорного творчества.

Обзор современного детского репертуара по "горизонтали" и "вертикали" показывает, что страшилки, страшные истории и пародии на них в различных соотношениях стратифицированы по всем возрастным группам детей начиная с 5-6 лет. Намеренное чередование страшных и пародийных текстов обнаруживается как в единичных проявлениях ис-

полнительства, так и при обмене рассказами в разновозрастных компаниях. Пародийной трансформации подвергаются основные сюжетные типы и все характерные для страшных рассказов мотивы, образы, приемы, однако единый принцип реализуется различными способами и на разных уровнях. В соответствии с многообразием проявлений общего закона все тексты, пародирующие страшный рассказ, можно распределить по трем группам: *парапародийные*, *пародийные*, *пародические*.

Парапародийные [24] тексты представлены рассказами, исполнение которых предполагает, что ретардированное, монотонное повествование, нагнетающее эмоциональное напряжение слушателей, неожиданно обрывается криком: "Отдай мое сердце!", "Отдай мою руку!", "Да, ем!" и т.п. Одновременно "сказитель" хватается соседа за горло, что вызывает переполох "жертвы" и хохот остальных. Дети называют такие тексты с ярко выраженным игровым началом пугалками.

Пугалки как внутрижанровая разновидность страшилок являются собой одну из ранних стадий формирования этого жанра. В русском детском фольклоре известны 3 устойчивых сюжетных типа пугалки. Два из них — "Месть покойника" (сравнительно редок), "Таксист и некрофаг" — восходят к традиционной сказке (СУС, соответственно — 366 А*; 363) [25]. Третий тип — общеизвестный "Черный дом" ("Черный лес"), синтезирующий сюжетные, структурные, стилиевые элементы волшебной сказки и заговора (магический ритм, сквозной симпатический эпитет, композиционный прием ступенчатого сужения образов, мотив дома в лесу, соотносимый с обрядом инициации), является продуктом коллективного детского творчества. По нашим сведениям, интернациональный тип "Черный дом" среди русских детей был распространен уже в начале 1940-х гг., если не ранее.

Бесконечные вариации типа "Черный дом" можно назвать квинт-эссенцией пугалки:

"Стоит черный-черный лес. В лесу черный-черный дом, в доме черный-черный гроб, в гробу черный-черный мертвец: "Отдай мое сердце!!" [26].

"За черной рекой стоит черный-пречерный лес. А в том черном-пречерном лесу стоит черная-пречерная избушка. А в той черной-пречерной избушке стоит черный-пречерный стол. На том черном-пречерном столе стоит черный-пречерный гроб. А в том черном-пречерном гробу лежит черный-пречерный мертвец, а в углу сидит черный-пречерный черт и кричит: "Отдай мое сердце!!" [27].

Как видим, узаконенный детской традицией сюжетный фонд пугалок невелик, но в записях обнаруживается множество страшилок, которые также неожиданно обрываются пугающим криком (№ 1, здесь и далее см. Приложение), и подобная метаморфоза, судя по всему, возможна с любым "страшным" текстом.

В исследовательской литературе такие тексты трактуются чаще как исключительно "серьезные" и самые "страшные" среди страшилок. Вместе с тем именно пугалки двойственны по своей природе, одновременно максимально проявляя тенденции, заложенные в жанре страшилки, и параллельно вызывая смеховой эффект. Здесь важно то, что страшное спонтанно сводится на нет, символически уничтожается смехом. Принимая во внимание глубинный, семантический уровень, не осознаваемый детьми, такой смех можно определить как ритуальный, магический [28]. Очевидно, что пугалки, характерные для детей младшего и среднего возраста, субъективно как пародийные не воспринимаются. Эмоциональное, эстетическое воздействие таких произведений скорее соотносимо с "психофизическим катарсисом" в толковании А.Н.Веселовского [29]. Функцию специфической пародии пугалки осуществляют, если так можно выразиться, имплицитно: "страсти-мордасти", нагроможденные сверх меры, автоматически обращают страшный текст в смеховую противоположность. Необходимо добавить, что традиция "шумового" пугания находит применение и в эткровенно пародийных и пародических текстах, но уже на правах вспомогательного "эмоционально-экспрессивного" приема (см.: № 2, 7, 11, 21, 24).

Подавляющее число записей составляют п а р о д и й н ы е тексты, во многом отвечающие привычным представлениям о пародии. Большой частью видоизменение серьезного текста протекает в рамках "м н и м о й к о н с т р у к ц и и" (термин рабочий). Прием этот не является изобретением современных детей. В традиционной культуре мнимая конструкция репрезентирована значительным числом типологически сходных, но не тождественных форм, при этом пародийная окраска может оказаться несявной, даже не обязательной. Во взрослом фольклоре к мнимым конструкциям можно отнести так называемые "антибылички", эротические загадки. В детском фольклоре, известном по современным и старым записям, аналогично построены многие докучные сказки, подделки, двусмысленные (скабрезные) стишки, "телефонные розыгрыши" и так называемые "хэппиэндовки", пародирующие садистские стишки (появились недавно и не без влияния газетной периодики). Этот же прием можно усмотреть в популярных среди современных подростков, но известных уже в конце XIX в. как "армянские" загадки, абсурдальных загадках-диалогах, предназначенных, собственно, не для разгадывания, а для вызывания смеха неожиданным ответом самого загадчика, типа:

"Что такое: висит на стенке и воняет?

- Не знаю.

- Часы с кукушкой.

- А почему воняет?

- Кукушка сдохла" [30].

В пародиях на страшные рассказы мнимая конструкция исполняет роль композиционной "ловушки": по видимости традиционный страшный рассказ неожиданно разрешается фразой, которая переводит все повествование в пародийно-комический план (мгновенный "перевертыш"), т.е. срабатывает эффект обманутого ожидания. Дети называют такие произведения "веселая история", "анекдот", "смешилка", "страшная смешилка", "страшная история со смешным концом" и т.п. Нелишним будет отметить, что жанровые "дефиниции" предлагаются исполнителями задним числом, более того, нередко намеренно вводящие в заблуждение определения типа "самая страшная-престрашная история", но в этом случае характеристика "страшная" приобретает иронию окраску.

Сюжетный состав пародийных текстов, прочно вошедших в традицию и представленных значительным числом вариантов, ограничен номенклатурой характерных образов, приемов, сюжетообразующих мотивов, рядом устойчивых сюжетных типов детского страшного рассказа. Способы пародирования страшилок и страшных историй целесообразно рассмотреть отдельно.

К образам, мотивам с т р а ш и л к и, обычно подвергающимся пародийной перелицовке, относятся следующие: красное, черное пятно на стене, из которого высовывается рука, которое само по себе "заглатывает" людей или оказывается тайным ходом в логово вампиров; черная, красная и т.п. рука, которая высовывается из пятна, пианино и т.п. и убивает очередную жертву; смертоносные зеленые глаза; какой-либо кровожадный предмет, оживающее изображение.

В числе сюжетных типов: "Гроб на колесах" с многократными извещениями по радио о приближении "черного гробика" или его эквивалента (черный костыль, черная перчатка, стеклянный человек и т.д.); "Черные шторы", которые зовут к себе и поочередно душат членов семьи; "Черное пианино" с зубами-клавишами, откусывающими пальцы незадачливой девочке (в ряде вариантов предпочтение отдается душильнице-руке). Здесь же окажется в качестве объекта намеренного пародирования рассмотренная выше пугалка "Черный дом".

В пародийных текстах мотивы и сюжетные типы получают комическую интерпретацию. Так, исчезнувшие за "ковром с балериной" члены семьи сидят все вместе и чай пьют (№ 6). Выясняется, что таинственное желтое пятно маркирует туалет мышки (иная версия: № 7), а красное пятно — зад макаки. Тайна сверкающих зеленых глаз объясняется тем, что в темную комнату заходит обнаженный негр. Обладательницей страшной черной руки, которая тянется из окна с грозным требованием: "Дайте хлеба!", — оказывается обезьяна, в финале она жалобно говорит: "А что, хлебушек кончился?" (ср.: № 17, 18). Комическая аберрация текста возникает с помощью разнообразных аллюзий: подключаются герои анекдотов и детской литературы,

возможны соотнесения с популярными телесериалами и т.п. Соответственно внутри пианино, откуда тянулась рука, требуя деньги, сидит пьяница либо Юрий Никулин, Василий Иванович и Петька, М.Горбачев, М.Тэтчер, Д.Буш и т.д. Иногда мать два дня не может отмыть детей, побывавших в черных шторах, но чаще за "кровожадными" шторами прячется Карлсон. При этом дети живо реагируют на современные реалии, и в вариантах последних лет таинственная рука (шторы) требовала: талоны на сахар или водку, 50 долларов и т.п. Одна из пародий на "Черный дом" завершается таким образом: "...В этом черном-черном ящике сидит белый попугай и кричит: "Конец перестройке!" [31].

К мощным источникам создания комизма в элементарных его формах относятся скатологическая лексика и соответствующие ситуации (№ 4, 7, 26 и др.), так как любые нарушения речевых табу являются абсолютной гарантией смеховой реакции в детской аудитории (психологическая и мифо-ритуальная, глубинная основа такого "охранительного" смеха — предмет особого разговора).

Наряду с пародированием конкретных сюжетных типов либо мотивов страшилки (следуя литературоведческой терминологии — "пародии-рецензии") существуют с и н т е з и р у ю щ и е п а р о д и и. В них также с использованием мнимой конструкции пародируются мотивы, приемы, способы организации повествования, характерные для страшилки и определяющие ее жанровую специфику: нарушение запрета, многократный повтор с нарастанием, нагнетание напряженности. Повсеместно распространены синтезирующие типы "Кап-кап" и "Гвоздик". В первом члены семьи, переехавшие в новую квартиру, по очереди выходят на таинственные звуки "кап-кап" — оказывается, все безуспешно закручивают водопроводный кран. (Ср.: № 9, модернизированная версия, инспирированная бразильским телесериалом "Рабыня Изаура".) Во втором мать, умирая, запрещает выдергивать гвоздь из пола. Девочка нарушает запрет — раздается грохот, несутся вопли — у соседей с нижнего этажа упала люстра. (Ср.: тост, № 31).

В текстах, пародирующих с т р а ш н ы е и с т о р и и, мнимая конструкция остается основой создания комического. В силу изначальной установки на передачу "достоверного" сообщения, страшные истории обладают "жанровым иммунитетом" к пародийным трансформациям. Вернее сказать, можно гипостазировать пародийную перелицовку любой страшной истории, но статус традиционных, прочно вошедших в широкий обиход, имеют немногие сюжетные типы. Приемы создания пародийного эффекта получают в таких текстах специфическое наполнение.

В частности, пародийная интерпретация сюжетного типа "Пирожки с человеческим мясом" каузально мотивирована, исподволь подготовлена рядом деталей (обыгрываются "накладные ноги",

многозначительные реплики, см.: № 12). Синтезирующая пародия "Таинственный чемодан", дающая обобщенный комический образ страшных рассказов о расчлененных трупах, найденных в сумке, чемодане, багажнике машины, нередко принимает форму к в а з и м е м о р а т а (№ 14). Один из вариантов финала: "...Позвали двух понятых. Стали открывать сумку и видят: там лежат две головы, одна побольше, другая поменьше, одна кильки, другая селедки" [32]. Индикатором текстов, пародирующих "правдивые" страшные истории, является намеренное нагромождение жутких подробностей, переходящих границы правдоподобия. Финальный эпизод дает новое истолкование событий (страшный сон [33] или разыгравшееся воображение героя) и окончательно переводит повествование в пародийный план (№ 10, 11).

Особое место занимают тексты (№ 15, 16, 17, 20, 21), которые примыкают к "антибыличкам", одновременно пародируют страшные истории с кладбищенской тематикой и параллельно могут быть расценены как средство психологической защиты от многочисленных "ужасающих" публикаций в бульварной прессе, как смеховая реакция на "фильмы ужасов" (№ 20).

Как в страшных рассказах, так и в пародийных образованиях устойчивость заданных структур, сюжетно-фабульных каркасов, основных мотивов сочетается с многочисленными комбинациями элементов, со значительной подвижностью аксессуаров и мотивировок, что обеспечивает видимое разнообразие при ограниченном по сути числе типов.

Процесс бесконечного варьирования продемонстрируем, выстроив "парадигму" страшилки "Гроб на колесах" и пародирующих ее текстов. В кратком изложении сюжетный тип "Гроб на колесах" сводится к следующему: мать, уходя на работу, запрещает дочери включать радио (телевизор) либо рисовать, играть на пианино и т.п. Запрет нарушается. Особенность типа "Гроб на колесах" в том, что развитие действия заключено в форму монолога (реже диалога) радио: таинственный голос многократно предупреждает девочку о приближении гроба на колесах (возможен иной устрашающий персонаж), при этом более или менее развернутое перечисление этапов пути, которые преодолевает гробик, неизменно выстраивается по композиционному принципу ступенчатого сужения образов. Голос требует выполнить предписание матери, но тщетно. Иногда агрессивные намерения гробика ничем не мотивируются: "...вдруг радио заговорило...". В финале появляется гробик, и две черные руки (мертвец, скелет и т.п.) душат непослушную девочку. Впрочем, рассказ может неожиданно оборваться криком: "Отдай мое сердце!" — и текст приобретает все свойства пугалки, рассмотренной выше. В ряде вариантов девочка вовремя спохватывается, и текст завершается желанным happy end'ом. Возможно осложнение повествовательной основы: девочка нарушает предсмертную волю матери (не надевать новые туфли, не ходить на танцы, в кино), соответственно

зловещий голос оказывается alter ego покойницы, а вместо гробика (или в нем) является карающая мать. Короче, фантазии дан полный простор, но в любом случае все основные признаки сюжетной схемы сохраняются.

Комическое разрешение рассказов, пародирующих страшилку "Гроб на колесах", возможно в двух направлениях. В вариантах первой версии "страшное" повествование завершается тем, что радио, изрядно напугав девочку, объявляет: "Дорогие дети! Вы слушали передачу "В гостях у сказки" [34]. Финальная фраза варьируется: "Спокойной ночи, малыши, мы передавали вечернюю программу", "Это была хорошая сказка для усыпления детей", "Мы передавали смешной этюд, смешной этюд по радиову передавали...". Комизм усиливают остросовременные аллюзии. Один из примеров — реакция на популярный в 1992-1993 г. мексиканский телефильм "Богатые тоже плачут": "...радио говорит: "Продолжение остросюжетного радиосериала "Покойники тоже плачут" слушайте завтра в 19.00" [35].

Варианты второй версии содержат иную развязку: въезжает гроб, девочка бьет по крышке, вылезает Баба Яга (гномик, чертик, цыпленок, бумажный скелетик и т.д.) и говорит: "О, какая молодежь пошла, последние "Жигули" (последнюю "Мерседесу") сломали", "Ты чего мою би-би смяла?" (инфантильная речь), "Я все маме расскажу..." и т.п. (ср.: № 2). В одном из вариантов в гробу оказывается известный по мультфильмам кот Леопольд, который восклицает: "Ребята, давайте жить дружно!" [36].

Закон пародийной трансформации может проявляться лишь на уровне финальной фразы, но зачастую коррозии подвергаются и прочие элементы исходного текста [37]. На место традиционной для страшилки "девочки" попадают "бабушка" или "дяденька". Услышав о приближении гробика, взрослые совершают каскад нелепых поступков: прыгают со страха из окна, залезают в бочку с водой, под одеяло, падают в обморок и т.п., что соотносится со склонностью детей обнаруживать несуразности в поведении своих наставников и соответствует фарсово-буффонной природе комического в детском возрасте.

Необходимо подчеркнуть, что возможно выстроить "парадигмы" всех указанных мотивов и сюжетных типов страшилки и страшной истории. Безусловное предпочтение детьми мнимых конструкций легко объяснимо: технически значительно проще слегка видоизменить готовую схему, нежели создать совершенно новый текст. В зависимости от возраста, уровня мастерства, творческих задач исполнителя и т.п. конкретное произведение, в котором реализован единый принцип трансформации исходного текста, будет в различной мере отвечать требованиям, предъявляемым к пародии. Ряд текстов окажутся комическими дубликатами "серьезных" страшилок, другие будут тяготеть к анекдоту, а третьи можно назвать пародиями в точном смысле слова.

Пародийные переработки страшных рассказов, прочно вошедшие в традицию, обретают статус эталонов, "коллективных образцов", удерживающих в определенных рамках бесконечную цепь вариантов. Вместе с тем значительная часть записей пародийных текстов имеет отпечаток индивидуального творчества либо сотворена по аналогии (№ 3, 9, 11, 20, 30 и др.). К примеру, буквально на глазах пишущего эти строки во время занятий русским языком сочинила синтезирующую пародию на страшный рассказ восьмилетняя девочка: "Один человек работал ловцом на змей. Вот однажды в 12 часов ночи он слышит какое-то шипение из комнаты своего сына. Он взял свое приспособление, осторожно подкрался к двери, открыл дверь и видит, что его сын сидит за столом и пишет упражнение на шипящие. Это он сам себе диктовал: "шалаш-ш-ш..." [38]. Такие "авторские" тексты, созданные "по модели", большей частью оказываются однодневками, традиционно здесь само проявление закона пародийной трансформации [39].

Подростково-юношеские пародии (в широком смысле) на страшные рассказы, обнаруживающие воздействие эстетики "черного юмора", создающие комический образ стиля, жанра (№ 21-24, 33 и др.); свидетельствуют о полном осознании условностей страшилки и страшной истории: произвольное воображение детей становится произвольным, ирония и намеренное пародирование самоочевидны. Напрашивается объяснение, что с помощью иронически транспонированных (спародированных) страшных рассказов подростки окончательно развенчивают свои страхи и полностью отрицают пройденный возрастной этап. Однако многие из таких текстов, пародийных по форме, выходят за рамки пародии на страшный рассказ в прямом значении этого термина и по своей функции соотносимы с ерничеством, "стёбом" (молодежный сленг), "трикстерским" комикованием, характерными для современной молодежной субкультуры [40]. Иными словами, формы, типичные для ранее пройденных периодов детства, в подростково-юношеском репертуаре используются в новом качестве.

Часть названных выше подростковых пародий, которые в то же время и "не совсем пародии", можно отнести к п а р о д и ч е с к и м текстам. В толковании Ю.Н.Тынянова, "пародичность... есть применение пародических форм в непародийной функции", пародические тексты предполагают "использование какого-либо произведения как макета для нового произведения" [41] без цели создания пародии на него.

Естественно, применительно к прозаическому репертуару детей и подростков теоретико-литературное понятие пародичности приобретает соответствующее наполнение. Детские пародические перелицовки страшных рассказов представлены двумя жанровыми манифестациями, противоположными по форме и смыслу.

Касаясь первой из них, отметим, что рассмотренные ранее пародийные формы жестко закреплены за фоновыми текстами. Обязатель-

ная для возникновения пародийного эффекта "невязка планов" (терминология Ю.Н.Тынянова) [42], неизбежная и при пародировании страшных рассказов, является одним из условий специфически пародийного комизма. В пародировании как таковом заключено, условно говоря, основное значение истинно пародийных текстов. И, напротив, пародирование может выступать как прием, способствующий выявлению комического, но не доминирующий, а факультативный, побочный. Мотивы страшилки и страшной истории, подвергаясь пародической трансформации, могут преобразовываться в анекдот, т.е. в краткий устный комический рассказ с неожиданной остроумной концовкой, в рамках которого и осуществляется спонтанно смеховое переосмысление страшного. Такого рода тексты обладают известной "автономностью", "второй план" ощущается, но проявляется неявно (№ 16, 22, 24, 25; ср.: № 12-13), нередко можно говорить о его стертости (№ 26; ср.: № 17-18; № 31).

Приведем один из "прозрачных" текстов, где пародической переработке и синтезу подвергнуты "сколотые" элементы, мотивы пугалки "Черный дом" и серии страшных историй о садистах, похитителях детей:

"По темной-претемной аллее гуляла девочка. Вдруг ей навстречу вышел страшный-престрашный старик. "Девочка, ты хочешь жить?" — сказал старик. — "С тобой что ли, старый хрыч?" [43].

Труднее угадывается пародически преобразованная основа анекдота (№ 28-29), в котором обыгрывается существующая во множестве вариантов назидательная страшная история с мотивом расчлененного трупа (известна в записях с конца 1970-х гг.). Приведем текст страшной истории в незамысловатом изложении девятилетней девочки:

"Пошла девочка на танцы. А мама ей говорит: "Приходи не позже 11 часов". Девочка говорит: "Хорошо". И вот 10 часов, пол-одиннадцатого, 11 часов. В дверь звонок. Мама открывает дверь и видит: к дощечке прибиты ступни ее дочки, а на дощечке написано: "Мама, я пришла" [44].

В процессе варьирования пародический текст ассимилируется с циклом анекдотов "про Вовочку" [№ 29] и почти утрачивает связь со страшным "первоисточником".

Пародическая переработка страшилок предполагает и второе направление в жанровой трансформации материала. Мотивы страшилок, подвергаясь перелицовке на пародической основе и получая при этом рационалистическую трактовку, приобретают статус "правдивой" страшной истории. В частности, в одном из рассказов разгадывается тайна звучащего ночами пианино — оказалось, что там завелись мыши. В другом повествовании силами "разных ученых" расследуется цепь таинственных смертей в гостинице: каждую ночь в одном из номеров "раздавались ужасные крики, и все умирали от разрыва сердца". Вы-

ясняется, что жильцы пугались тени, которая падала на стену гостиничного номера от статуи Ленина с вытянутой рукой: проезжающие машины ночью освещали статую, тень двигалась, "а всем казалось, что это настоящая рука ползет и подбирается к лицу" [45; ср.: № 19]. В данном случае страшилочный мотив "Черная рука" использован как готовый макет для создания нового текста, с иной модальностью, в жанровой форме страшной истории. Какими бы смехотворными ни были эти тексты на наш, взрослый, взгляд, носителями традиции комического эффект, как правило, не осознается. По-видимому, смутные страхи, идущие из ранних лет, очень долго сохраняют свою притягательность, именно поэтому многократно высмеянные страшилки, подвергаясь "научному" переосмыслению, удерживают позиции "серьезного" жанра в подростковом репертуаре [16, с. 142, 148].

Обзор трех основных групп — пародийных, пародийных, пародийных текстов — показывает, что функционирование тех или иных форм страшных рассказов и пародий на них, художественные ориентации и жанровые предпочтения различных возрастов отражают процесс социализации ребенка. Вместе с тем полной закреплённости какого-либо жанра или художественного приема за определенным возрастом не обнаруживается. Речь можно вести о возрастных объективациях (воплощениях) универсальных для детской субкультуры законов, действие которых распространяется в равной мере и на городских, и на сельских носителей традиции. Специфичность форм пародирования обусловлена возрастной психологией и особой функциональностью как страшных рассказов, так и пародирующих их текстов. Прежде всего, очевидно, что пародийные тексты не несут в себе деструктивного заряда в однолинейном смысле. Эти тексты полифункциональны и исполняют роль комических "противовесов", нейтрализующих чувство страха, в чем можно усмотреть не только и не столько дискредитацию пародируемых жанров, но и одно из проявлений фольклорного закона "композиционного контраста" [46]. Стыковка смешных и страшных рассказов эстетически уравнивает детский репертуар, усиливает остроту восприятия жанровой характеристики страшилки и страшной истории по контрасту с комическими дубликатами, обогащает регистр эмоционального воздействия текстов [47].

Специфичным именно для детского репертуара оказывается то, что исходные и пародийные образования не просто сосуществуют и дополняют друг друга, их чередование и тесная взаимосвязь, более того, взаимообратимость составляют определяющую особенность функционирования таких текстов. Пародирование страшных рассказов можно назвать одним из воплощений универсального для культуры закона "перевертывания" ("символической инверсии") [48], проявлением излюбленной детьми "словесной игры" [49] и, шире, всеобъемлющего для мира детства игрового начала, находящего выход в разнообразных фор-

мах игровой активности, игрового поведения, организующего детскую субкультуру как систему [50].

"Играя в страх", дети манипулируют "серьезными" и пародийными текстами, жанровыми формами, смыслами и расширяют границы реализации пародирования как принципа до потенциально возможной трансформации любого страшного рассказа. Специфически-игровым целям при этом служат "пугальный" крик в конце, мнимая конструкция, редукция или амплификация текстов, комбинация элементов, варьирование деталей и т.д. Многое зависит от конкретной ситуации, возрастного состава носителей традиции, индивидуальных особенностей исполнителей и т.п. [51].

В частности, сюжетный тип "Черный дом" может выступить в следующих жанровых ипостасях: жуткий крик в конце проявляет жанровую форму пугалки; неожиданная концовка типа "а в том черном гробе лежит розовенький поросенок и говорит: "Хрю-хрю!", где черный человек (мертвец) заменяется чем-нибудь безобидным, нелпым, сигнализирует о том, что мы имеем дело с комическим дубликатом пугалки. Финальные фразы "в том гробе красный рак, а кто слушал, тот дурак" или "...пух, а кто слушал, тот лопух", преобразуют пугалку в докучную сказку. Тексты, где из черного дома в черном лесу выходит Петя и говорит: "Василий Иванович, кончай резину жечь!" — тяготек к анекдоту [52]. Но этот перечень вовсе не исчерпывает возможные метаморфозы самого распространенного сюжетного типа. Автору этих строк довелось "подсмотреть" любопытную сценку, когда все попытки восьмилетней девочки рассказать своему ровеснику пугалку "Черный дом" были блокированы скатологическими репликами слушателя типа "а там попа!", "а там какашки лежат!" и т.п. Каждая из таких реплик, создающих смеховую антитезу страшному рассказу, сопровождалась неудержимым весельем обоих участников ситуации (см. также № 24).

"Игра формами" может проявиться и в том, что намеренно создается иллюзия пародии, но финал — "страшный", типа: девочка слышит по радио, что идет стеклянная кукла, принимает это за шутку, но кукла душит ее. Наряду с прозаическими пародиями существуют тексты, где комический образ страшного рассказа облекается в стихотворную, песенно-ритмизованную форму (№ 32, 33).

Нельзя не отметить и того факта, что ряд пародий, плохо понятых детьми младшего возраста, начинает функционировать в качестве "серьезных" текстов. И так до бесконечности, как в калейдоскопе, когда из ограниченного числа элементов снова и снова создаются новые узоры. Следует подчеркнуть, что при манипулировании страшными и пародийными формами за каждым новообразованием угадываются исходные структуры. Это воистину "многообразное единообразие".

В чем же состоит психологическая целесообразность таких "игр в страх"? Психоаналитики, психотерапевты, несмотря на различие исходных теоретических позиций и конкретных методик, едины в определении стратегии преодоления страхов: страх непременно должен быть осознан и в силу этого изжит [53]. Однако рациональные способы чаще всего малопродуктивны: ребенок все "понимает", но не перестает бояться.

По мнению психолога М.В. Осориной, специально изучавшей детские страшные рассказы, "ребенку важно увидеть, что и другие дети боятся так же, как и он... То, что пугает и с чем трудно совладать в одиночку, может стать знакомым, неопасным и даже смешным, если устрашающий предмет обсуждается и развенчивается в группе... Важно, что в компании дети разного возраста и старшие ребята уже смеются над тем, чего боятся младшие" [54]. С этим трудно не согласиться, но каким образом совершается сам процесс совместного изживания страхов?

Индивидуальные для каждого полуосознанные страхи и опасения облекаются в традиционные, "осязаемые" формы и совместно изживаются именно в процессе коллективного детского творчества (сотворчества). Ограниченное число мотивов, моделей страшных рассказов и пародий на них катализирует творческую активность каждого участника коллективного процесса для совместного преодоления страшного, является дополнительным стимулом к развитию воображения [55]. Манипулируя набором традиционных элементов, отвечающих основным психологическим потребностям, каждый из исполнителей сам, по своему овладевает страшным, и этот путь, с психологической точки зрения, оказывается наиболее продуктивным, способствующим естественному становлению личности.

Страшные рассказы и пародийные тексты, постоянно перемежаясь, выполняют единую катартическую функцию по принципу взаимодополнительности. Переживание страшного оказывается столь же продуктивным, как и его символическое уничтожение смехом: страшные рассказы эстетически объективируют "страхи", пародии способствуют осознанию всей меры художественной условности страшных рассказов и утверждают их в новом качестве. Благодаря такому симбиозу самым любопытным типом пародии (в определенном смысле) на детские страшные рассказы становится сама страшилка, которая предстает как амбивалентная жанровая форма, пугающая и вызывающая смех одновременно.

В самом деле, "ужасающие" персонажи страшилки достаточно нелепы: самодвижущийся "гробик на восьми колесиках", оксюморонный образ летающей черной простыни, взбунтовавшиеся перчатки, ленточки, тапочки... Смеховые потенциалы заключены в самой структуре страшилки. Кумулятивный принцип, доминирующий в этом жанре,

способствует созданию эмоциональной напряженности, но одновременно "настойчивое повторение одного и того же внутренне его обесценивает, и это создает прекрасные возможности для проявления комического" [56]. Гротескный мир страшилки жутковат, но вместе с тем откровенно неправдоподобен, на грани абсурда, что и обнаруживает его комическую несостоятельность [57]. К примеру, во многих вариантах страшилки "Зеленые глаза" мать как ни в чем не бывало приходит с работы сначала без рук, затем без ног, а в финале вкатывается одна голова. Условность, алогизм, надуманность многих ситуаций страшилок свидетельствует не столько о неумении детей рассказывать или о характерном для них пралогическом мышлении, сколько о наличии разрушительного механизма, заложенного в жанровую структуру таких текстов. Налицо два взаимосвязанных процесса — с одной стороны, дети с возрастом обнаруживают все более тонкое использование различных способов пародирования страшных рассказов, а с другой, по мере осознания жанровой природы этих текстов исполнители намеренно "взрывают" их изнутри, страшилки оборачиваются комической стороной и изживают сами себя [58].

Пародирование страшных рассказов в детском фольклоре оказывается системным явлением, эстетически "стабилизирующим" репертуар в соответствии с эмоционально-психологическими потребностями различных возрастов и наряду с этим объективирующим динамику социализации ребенка. На пародийной и пародической основе осуществляется стратификация и преемственность инвариантных мотивов, образов, их неизбежное проявление на разных уровнях и в различных жанровых обликах, а значит, и постоянное обновление детского репертуара при неизменности глубинных структур.

Изживая "детские" страхи, взрослеющий ребенок не утрачивает саму тягу к страшному. Наряду со страшилками и страшными историями появляются другие типы страшного рассказа и иные способы пугания и самопугания (ритуалы вызывания персонажей детского игрового мифотворчества — Пиковой дамы, гномов, Жвачного короля и др.; театрализованная игра "Комната страха", в преобразованном виде доносящая отголоски инициационной, масонской обрядности). Совместное исполнение страшных рассказов дополняется или заменяется чтением триллеров и просмотром фильмов ужасов [59] и т.п. С возрастом меняются мотивация и способы удовлетворения потребности в страшном, но сохраняется сам механизм изживания и смехового отторжения страхов.

Единая для всех возрастов психологическая основа "эстетики страшного" обнаруживается в типологически сходных (при всем несхождении) явлениях детского и взрослого фольклора, массовой культуры [60], кинематографического авангарда [61] и т.д., но это — сюжет для другой статьи.

Примечания

1. *Левина Е.М.* Специфика комического в русской фольклорной пародии взрослых и детей // Дети и народная культура: Четвертые Виноградовские чтения: Тез. докл. Новосибирск, 1990. С. 86-88.
2. *Лурье М.Л.* О школьной скабрёзной поэзии // Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по рус. фольклору / Сост. А.Ф.Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 151-161.
3. В последние годы садистские стишки неоднократно привлекали внимание исследователей, назовем выборочно ранние публикации: *Новицкая М.* "Недетские" страшилки // Слово. 1990. № 11. С. 9-10; *Белоусов А.* Садистские стишки // Час пик. СПб. 1992. 18 мая. № 20. С. 5.
4. *Гречина О.Н., Осорина М.В.* Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор: Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. Т.20. С. 96-106; *Мамонтова Г.И.* Культурно-исторические и психологические основы жанра страшилок // Сибирский фольклор: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1981. С. 55-62; *Зуева Т.В.* Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С.131-148; *Мельников М.Н.* Русский детский фольклор. М., 1987. С.76-81.
5. Указанные свойства сближают страшилку с традиционными формами детского фольклора. См.: *Никифоров А.И.* Народная детская сказка драматического жанра // Сказочная комиссия в 1927 г.: Обзор работ. Л., 1928. С. 49-62; *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 241-257.
6. О психологических особенностях детского воображения и восприятия фантастического см.: *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1922. С. 151-157; *Бюлер К.* Духовное развитие ребенка. М., 1924. С. 357-365; *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.:Л., 1932. С. 372; *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. М., 1991. С. 13-15.
7. В толковании термина "бывальщина" мы солидаризируемся с В.П.Аникиным. См.: *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Русское народное поэтическое творчество. Л., 1983. С. 183-185.
8. *Новицкова Т.А.* Два мира — земной и космический — в современных народных легендах // Русская литература. 1990. № 1. С. 132-143; *Балалаева О.Э.* Опыт изучения "новой повествовательной традиции" (работы Леи Виртанен) // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. М., 1991. С. 179-183.
9. *Холл С.* Собрание статей по педологии и педагогике. М., 1912. С. 292-444.
10. *Захаров А.И.* Как преодолеть страхи у детей. М., 1986. Ср.: *Юнг К.Г.* Символ и архетип / Сост. А.М.Руткевич. — М., 1991. С. 84-91.
11. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 375; *Кон И.С.* Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. С. 239.
12. *Гречина О.Н., Осорина М.В.* Современная фольклорная проза детей. С. 97.
13. По мнению Й. и П.Оупи, детские стихотворные пародии можно рассматривать как "наиболее рафинированную" форму насмешки, "которая дает возможность умному ребенку показать независимость без явного бунта". Объектами детского остроумия оказываются рождественские песни, гичны, популярные песенки, стихи, задаваемые в школе, все, что слишком часто повторяется взрослыми с морально-дидактическими целями. См.: *Opie I., Opie P.* The Lore and Language of Schoolchildren. Oxford, 1959. P. 87-93.
14. *Simonides D.* Współczesny folklor słowny dzieci i nastolatków. Wrocław-Warszawa, 1976. S. 165-174; *Virtanen L.* Children's Lore. Helsinki, 1978. P. 74-76 (Studia Fennica, 22).
15. *Осорина М.* "Черная простыня летит по городу", или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 44.

16. Зуева Т.В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей. С. 142.

17. Чередникова М.П. О некоторых видах смеха и комизма в детском фольклоре // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания: Мат. межрегион. науч.-практ. конф. Тамбов, 1991. Ч. 1. С. 82.

18. Топорков А.Л. Страшные истории и пародии на них // Школьный быт и фольклор. С. 96-99; Успенский Э., Усачев А. Ужасный фольклор советских детей: Кн. страшных рассказов советских детей в обраб. и с коммент. А.Усачева и Э.Успенского. Рига, 1991. С. 112-125. Последняя публикация, несмотря на литературную обработку текстов, дает верное представление о сюжетно-тематическом составе страшных рассказов и пародий на них.

19. Трыкова О.Ю. О специфике детского "страшного" фольклора // Формирование интеллектуальной и личностной готовности ребенка к школе: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1992. С. 76-77.

20. Тынянов Ю.И. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198-226, 284-310; Морозов А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) // Русская литература. 1960. № 1. С. 48-77; Новиков В.И. Книга о пародии. М., 1989.

21. Новиков В.И. Книга о пародии. С. 56-57.

22. Фрейдберг О.М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 496-497; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 16; Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX-XVI вв. М., 1992.

23. Морозов А. Пародия как литературный жанр. С. 64-65; Блажес В.В. Содержательность художественной формы русского бытового эпоса. Свердловск, 1977. С. 49-68.

24. *Пара...* — первая составная часть сложных слов, обозначающая "нахождение около, рядом, а также отклонение от чего-либо".

25. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка/Сост. Л.Г.Бараг, И.П.Березовский, К.П.Кабанников, Н.В.Новиков. Л., 1979. Далее: СУС.

26. Записано И.Отчерцовой от Марины Ковалевой, 4 года, г.Петропавловск Казахской ССР. Июль 1981. Архив автора.

27. Записано О.Непушкиной от Олега Дружкова, 7 лет, г. Петропавловск Казахской ССР. Декабрь 1979. Архив автора.

28. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. С. 174-204; Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 126-127.

29. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 201. Сходное толкование применимо к некоторым пестушкам, шуточным угрозам взрослых наставников, к собственно детским играм, забавам, отвечающим общеизвестной склонности детей к пуганию и самопуганию.

30. Записано М.А.Мухлыниным от Саши Иванцова, 12 лет, г. Пермь. 15.08.1979. Архив автора. Такие "загадки" становятся текстом в рамках направленного диалога.

31. Записано Н.Н.Глушковой от Люды Истомовой, 13 лет, с. Волово Липецкой обл. 4.11.1990. МПГУ — 1990, т. 63, № 6.

32. Записано Е.Шатило от Олега Мазного, 15 лет, Москва. 15.10.1991. МПГУ — 1991, т. 5, № 10.

33. Сходный прием характерен для традиционных сказочных типов "Морока" (СУС 664), "Сон-небылица" (СУС —1910*, —1910*). Мотивировка невероятных событий сном в русской литературе уже в первой трети XIX в. воспринималась как штамп. См.: Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков: Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. М., 1991. С. 147.

34. Записано Э.Стефаиновой от Алеши Соболева, 6 лет, г. Лебедянь Липецкой обл. Март 1990. МПГУ — 1990, т. 19, № 1.
35. Записано О.Н.Петровой от Наташи Куртуковой, 11 лет, г. Одинцово Московской обл. 11.10.1993. МПГУ — 1993, т. 2, № 23.
36. Записано А.Л.Суляевой от Вики Петриченко, 7 лет, г. Киев, 16.10.1991. МПГУ — 1991, т. 49, № 8.
37. Под подозрением сразу же оказываются пародийные перелицовки страшилок, в которых черная рука не душит, а требует деньги, хлеб или банку варенья и т.п. примеры.
38. Записано М.А.Мухлыниным от Кати Мухлыниной, 8 лет, Москва. 20.12.1993. Архив автора.
39. При благоприятных обстоятельствах авторские тексты могут приобрести статус традиционных, что произошло с пародией "Три плаща", опубликованной в популярном детском журнале. См.: Трамвай. 1991. № 10. С. 14.
40. Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: Сб. науч. тр. М., 1988; Психологические особенности самостоятельных подростково-юношеских групп: Сб. науч. тр. М., 1990.
41. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 290. См. также: Новиков В.И. Книга о пародии. С. 167-169, 267-268.
42. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 201.
43. Записано М.А.Мухлыниным от Кати Мухлыниной, 8 лет, Москва. 15.11.1993. Архив автора. Узнала от девочек-подростков в больнице в марте 1993 г.
44. Методические рекомендации для студентов педвузов и фольклорного кружка в школе на тему: Методика собирания и изучения современного фольклора детей/Сост. И.Н.Бартюкова. Орехово-Зуево, 1990. С. 32, № 3.
45. Записано Е.А.Стукалиной от Тани Колеватовой, 13 лет, г. Москва. 5.11.1992. МПГУ — 1992, т. 128, № 1.
46. Блажес В.В. Присказка: Закон композиционного контраста // Фольклор Урала: Народная проза. Свердловск, 1976. Вып. 1. С. 56-63.
47. Ср.: Блажес В.В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. С. 49-68; Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 34, 66-67, 101; Русская календарная проза: Антология святочного рассказа: Учеб. материалы по спецкурсу/Автор предисл. и сост. Е.В.Душечкина. Таллинн, 1988. С. 4, 8.
48. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. С. 184-186; Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX-XVI вв. С. 148-174.
49. Чуковский К.И. От двух до пяти. М., 1962. С. 232-250. Ср. с понятием "языковой игры": Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172-214.
50. Ср.: Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
51. В постоянной манипуляции страшными рассказами и пародиями на них кроется одно из объяснений "терминологического хаоса", возникающего как при систематизации высказываний носителей традиции, так и при сопоставлении научных классификаций таких текстов.
52. Обзор вариаций сюжетного типа "Черный дом" см.: Трыкова О.Ю. О специфике детского "страшного" фольклора. С. 68-71.
53. Назовем лишь несколько работ: Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений/Сост. М.Г.Ярошевский. М., 1989. С. 38-121; Захаров А.И. Как преодолеть страхи у детей. С. 83-109; Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.

54. Осорина М. "Черная простыня летит по городу", или Зачем дети рассказывают страшные истории. С. 45. Ср.: *Выготский Л.С. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 223.

55. Напрашивается следующая параллель: по мнению исследователей, условность, обобщенность форм традиционной игрушки, ограничение ребенка минимальным числом игрушек относится к стихийным установкам народной педагогики, раскрывающим широкие возможности для импровизации, домысливания, развивающим фантазию, служащим импульсом к действию. См.: *Дийн Г.Л. Русская народная игрушка*. М., 1981. С. 13-17 и др.

56. *Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса*. М., 1987. С. 99.

57. Ср.: *Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса*. С. 130, 137. См. также суждения о сборнике "Степка-Растрепка" (пер. с немецкого книги Г.Г.Доннера, первое изд. на русском языке вышло в 1849 г.), содержащем "ужасные" назидательные стихи, адресованные детям: *Бенуа А. Мои воспоминания*. М., 1980. Т. 1. С. 222-224; *Книпович Е.Ф. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии*. М., 1987. С. 68-69.

58. Феномен "смехового самоуничтожения" страшилок дает дополнительные основания для оценки эстетических принципов "черного юмора" в детском фольклоре. Ср.: *Софонов О.Н. Современный детский фольклор: Традиции народной смеховой культуры // Дети и народные традиции: Материалы Пятых Виноградовских чтений*. Челябинск, 1991. Ч. 1. С. 72-74; *Новицкая М.Ю. Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор*. С. 100-123; *Немирович-Динченко К.К. Наблюдения над структурой "садиистских стишков" // Школьный быт и фольклор*. С. 124-137; *Бахтина В.А. "Образ мира" в детских стихах жестокого содержания // Вятский фольклор: Традиции и новации в детском фольклоре: Тезисы докл. и сообщ. II науч.-практ. конф.* Киров, 1993. С. 25-27.

59. О подростковом "ритуале просмотра видеофильмов" см.: *Бютнер К. Жить с агрессивными детьми*. М., 1991. С. 58-61, 69-71.

60. *Галушко Р.И. Западное телевидение и "массовая культура"*. М., 1991.

61. *Добролюбовский С. Весна на улице Морг // Искусство кино*. 1991. № 9. С. 46-52.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предложенные здесь пародии, пародийные и пародические интерпретации страшных рассказов репрезентируют основные положения статьи. Прикладное значение текстов определило структуру подборки. Ряд распространенных сюжетных типов, имеющих место в публикациях (см. прим.18), сознательно опущен. Отобранные тексты в совокупности с примерами в самой статье (число их можно существенно увеличить) дают новый материал для суждений о возрастных границах, в которых функционируют пародии на страшные рассказы, о сюжетно-тематическом, жанровом составе пародийных произведений, о конкретных способах реализации универсального для детской субкультуры принципа. Добавим, что в качестве заглавий текстов использованы высказывания самих информантов (названия, "жанровые" характеристики, реплики).

Условные сокращения:

- МГУ — Фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова
 МПГУ — Фольклорный архив кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета им. В.И.Ленина
 ППТИ — Фольклорный архив кафедры литературы Петропавловского государственного педагогического института

1. Страшная история "Красные колготки"

Однажды жили мама с девочкой. И мама послала девочку в магазин купить новые колготки, чтобы поехать в гости. Мама приказала: "Только ни за что не покупай красные колготки". А девочка не послушалась и купила красные, а мама была ведьма.

И поехали они в гости. Девочка надела колготки. Вот они едут, едут, а у девочки ноги зачесались. Она у мамы спрашивает: "Можно ноги почесать?" — "Нет, нехорошо, нельзя".

Опять едут, едут. Девочка опять спрашивает, а мама опять не разрешила. Вот они приезжают в гости, а на столе как угощение мясо человеческое с кровью стоит.

Девочка сняла колготки, а у нее до костей ноги съедены! Съедены! Съедены! А-а-а-а! (Крича, исполнитель начинает щипать ноги слушателей. Все смеются.)

Записано В.Н.Юрченко от Марины Адамовой, 8 лет, Москва. Март 1992. МПГУ — 1992, т. 12, № 8. Узнала от подружек из IV-V классов.

2. Черная простыня

Девочка сидит одна дома и вдруг слышит голос:

— Девочка, девочка, черная простыня ищет твою страну.

Голос замолчал и вдруг опять:

— Девочка, девочка, черная простыня ищет твой город.

— Девочка, девочка, черная простыня ищет твой район.

— Девочка, девочка, черная простыня ищет твою улицу.

— Девочка, девочка, черная простыня ищет твой дом.

- Девочка, девочка, черная простыня ищет твой подъезд.
- Девочка, девочка, черная простыня ищет твою квартиру.
- Девочка, девочка, черная простыня подбирает ключи.
- И вдруг врывается черная простыня и орет:
- Где тут прачечная?!

Записано Д.А.Пановой от Кати Стальгоровой, 8 лет, Москва. 20.09.1991. МПГУ — 1991, т. 64, № 1.

3

Черная простыня гонится за бабушкой и девочкой. Они вбегают в дом. Бабушка говорит девочке: "Закрой все двери и форточки". Девочка подбегает к последней форточке. Вдруг влетает черная простыня и спрашивает: "Вы не подскажете, где здесь ближайшая химчистка?"

Записано С.Г.Табачук, Н.А.Губановой от Юры Стукалова, 11 лет, Москва. Апрель 1992. МПГУ — 1992, т. 14, № 6.

4

Сыроежкин приходит домой, смотрит — записка. В записке написано: "Завтра у тебя не будет отца". Он говорит: "Ладно, как-нибудь с матерью и с Электроником проживу". На другой день он приходит, смотрит — опять записка лежит. В ней написано: "Завтра у тебя не будет матери". Он говорит: "Ладно, как-нибудь с Электроником проживу".

На третий день приходит, смотрит — опять записка лежит: "Завтра у тебя не будет Электроника". Электроник ночью лежит, смотрит — раздвигается стена, входит дракон и говорит: "Мяса, крови хочу!" А Электроник показывает два пальца вот так (изображается латинская V) и говорит: "А 220 не хочешь?"

Записано М.В.Петановым, М.Д.Шведовой от Юры Тихонова, 11 лет, д. Детчино Малоярославского р-на Калужской обл. Июль 1981. МГУ — 1981, т. 19, № 71.

Данная синтезирующая пародия на страшилку ассимилирует мотивы сказочного типа СУС 363 и повести Е.С.Велтистова "Электроник — мальчик из чемодана" или, что вероятнее, телефильма "Приключения Электроника", снятого по мотивам этой повести. В последние годы зафиксированы многочисленные варианты. Отметим, что Сыроежкин превратился в "мальчика" или "девочку", Электроник стал "роботом", тексты распадаются на 2 группы в зависимости от финальной фразы: 1. "А кефирчика не хочешь?"; 2. "А 220 вольт в задницу не хочешь?"

5. Черное пианино

Мать ушла на работу. Когда уходила, сказала дочке, чтобы она не подходила к пианино. Дочка не послушалась и стала играть на пианино. Вылезла черная рука и задушила девочку.

Пришла мать с работы, тоже села играть на пианино. Вылезла черная рука и тоже задушила мать. Пришел брат с армии и тоже начал играть на пианино. Но черная рука не задушила его... потому что он умел играть на пианино.

Записано Л.Глотовой, З.Садвокасовой, А.Федоровой от Оли Дубаневич, 9 лет, ст-ца Пресновка Северо-Казахстанской обл. Июль 1979. ПГПИ, т. 37 (11), № 82. Узнала от подростка Андриюши.

6. Красный ковер

Жила семья: папа, мама и маленькая дочка. Мама им сказала: "Надо купить ковер, только не покупайте красный". А они купили красный. Мама их стала ругать, говорит: "Зачем вы купили красный ковер?" А они ответили, что там не было никаких больше. И сказала мама: "Ну, ладно".

Наутро папа увидел, что балерина на ковре изменила положение, и он ночью подкараулил. Вышла эта балерина и схватила отца и унесла в дверь, которая была за ее стеной. Потом также маму она утащила.

А на следующий день девочка увидела, что нету никого дома, и она вызвала милицию. Милиция стала тоже караулить. А вместо девочки на стул посадили куклу. Ведьма вышла и схватила эту куклу. Потом милиция туда зашла и увидела, что они там сидят и чай пьют.

Записано Н.Н.Эняевой, С.М.Зарлания от Светы Лосевой, 10 лет, д. Букрино Малоярославского р-на Калужской обл. Июль 1981. МГУ — 1981, т. 2, № 69. Живет в г. Апрелевке Московской обл., приехала в гости к бабушке.

7. Про желтое пятно

Умер у бабки дед. А она жила в деревне и ночью боялась быть одна. Ей казалось, что в доме кто-то ходит, калитка скрипит, шорох. Через некоторое время у ее постели появилось желтое пятно. Бабка пригласила сыщиков — те ничего не могли понять. А пятно росло. Потом приехал Шерлок Холмс. Он посмотрел, попробовал пятно на вкус и говорит: "Ссаться, бабка, меньше надо!"

Записано М.Л.Супоницкой от Тани Сучковой, 12 лет, Москва. Октябрь 1991. МПГУ — 1991, т. 24, № 15.

8. Зеленые котлеты

Жили-были мама с дочкой. Мама каждый день готовила на обед зеленые котлеты. Девочке это надоело, и она решила узнать, в чем дело. Ночью однажды она проснулась и видит: мама уходит куда-то. Она незаметно пошла за ней и пришла на кладбище. Только они подошли к старой часовне, пробило полночь, и мать превратилась в ведьму. Спустилась в подвал часовни, девочка за ней, потом в подземный ход,

девочка за ней. Вышли они в зоопарке. Ведьма отрезает у крокодила хвост и бормочет: "Надо доченьку кормить, надо доченьку кормить..."

Записано О.Трифоновой от Ольги Марковой, 19 лет, Москва. Декабрь 1991. МПГУ — 1991, т. 73, № 13. Воспоминание относится к 1982-1984 гг.

9. "Страшная" история

Жили-были мама, папа и сын. Легли они вечером спать. Вдруг среди ночи до них донеслись крики и стоны с верхнего этажа. Папа встал и пошел наверх посмотреть, в чем дело, и не вернулся. Тогда мама пошла наверх и тоже пропала.

Мальчик заплакал от страха и, взяв хлебный ножик, пошел наверх. Входит в квартиру и видит: сосед, папа и мама лежат на полу (пауза) перед телевизором и смотрят фильм "Рабыня Изаура".

Записано О.В.Богуславской от Марии Прониной, 12 лет, г. Минск. 7.11.1992. МПГУ — 1992, т. 86, № 14.

10. "Страшная" история

В одном городе жил парень Вася. Он работал таксистом. Однажды ехал он поздно вечером мимо кладбища и увидел старушку, которая ловила такси. Старуха была вся в морщинах, а одета была во все черное. Она была страшная, костлявая, седая.

Вася пожалел старуху, остановил машину. Бабка села и попросила отвезти ее к другому кладбищу. Было уже поздно, ни людей, ни машин на улице не было, фонари не горели, дул сильный ветер. Вася немного испугался, но не подал виду и повез бабку на кладбище. Когда они приехали, бабка попросила подождать ее минут двадцать. Когда бабка ушла в глубь кладбища, Васе стало очень страшно и захотелось уехать, но он подумал, что нельзя оставить старую женщину одну, поздно, на кладбище. Через двадцать минут старуха вернулась повеселевшая и попросила Васю отвезти ее на третье кладбище. Там все повторилось, но ждал Вася уже тридцать минут, хотя старуха обещала вернуться через двадцать минут. Так они объездили все городские кладбища и приехали на последнее, самое старое и заброшенное. Вася знал, что на этом кладбище недавно похоронили маленькую девочку. Старуха сказала, что придет через двадцать минут, но прошло сорок, а ее все не было.

Когда прошел час, Вася пошел на поиски. Проходя мимо могилы девочки, Вася вдруг увидел, что бабка сидит над раскопанной могилой и ест мясо девочки. Волосы у Васи на голове встали дыбом, внутри похолодело. Бабка страшно улыбнулась, оторвала кусок мяса и прошипела: "Посешь человеческого мяса..." И протянула Васе. Вася, не помня

себя, взял и стал жевать это мясо. Сначала оно было твердое-твердое, его было трудно кусать, но под конец стало мягкое, как пух.

Вдруг зажегся свет. На Васю смотрела испуганная жена, плакала и говорила: "Васенька, миленький, ты зачем же подушку во сне разгрыз?"

Записано И.Ю.Красовской от Олега Красовского, 13 лет, г. Батайск Ростовской обл. 3.12.1990. МПГУ — 1990, т. 65, № 16.

11. "Страшная" история с веселым концом

Дело было ночью, в пятницу, 13-го. Ветер воет, дождь, холод, на улице — ни души. Одна какая-то дряхлая старушенция бродит: нос у нее крючком, рожа красная (от ветра), ногти длинные. Останавливает она такси: "Довези, сынок, до кладбища!" Мужик в такси перепугался до смерти бабки этой, хотел отказаться, глянул, а она уже в машине. Ну, повез. Присхали они на кладбище, машина сразу — бац! остановилась, тормоза — "взз-ы-и-и!..". Дождь, вообще ничего не видно, один вой какой-то слышен. Водитель видит, что уже кругом гробы открываются, мертвецы воют, а он хочет уехать и не может, держит его кто-то, а к носу железная рука тянется и протягивает ему что-то... Мужик вообще в шоке был, глаза зажмурил, потом слышит — хлопнуло что-то, глядь — бабки нет. Тут он в себя чуть пришел, давай машину заводить, а она — ни с места! Вдруг тянется к нему через окно рука белая-белая, худая, ногти длинные-длинные и скрипучий, страшный голос из темноты говорит...: "Сдачу давай!"

Записано Ю.Н.Хоркиной от Марины Безгубовой, 11 лет, Москва. 2.11.1992. МПГУ — 1992, т. 118, № 8.

12. История со смешным концом

У одной девочки в семье когда-то давнo была какая-то страшная история, но ей об этом не говорили, лишь не разрешали покупать ярко-розовое мясо у черных мужчин. Она его никогда не покупала. Потом она вышла замуж, у нее самой стала дочь расти. Она ей тоже запретила это мясо покупать.

Однажды мама готовилась отмечать свой день рождения, к ней должны были прийти гости, и в самый последний момент она схватилась, что у нее нет дома мяса. Вот и послала она дочку за мясом.

Девочка в один магазин зашла, в другой — нет нигде мяса. Проходила по улице, вдруг увидела еще один маленький магазинчик, зашла, а там черный мужчина мясо продает. "Ладно, куплю, — подумала девочка, — от одного раза ничего не будет". А продавец увидел ее и спросил: "Ты что, мяса хочешь купить?" Она "да" сказала. Он говорит: "Это плохое, но у меня другое есть, пойдем со мной". Девочка и пошла. Зашла с ним в другую комнату, там на столе лежит ярко-розовое мясо,

а рядом стоит огромная мясорубка... Да, а когда девочку мама послала за мясом, она в комнате сидела и ногти лаком красила, свое имя на них писала. Вот, значит, она зашла в комнату, там мясорубка. Мужчина вдруг недобро взглянул на девочку, схватил что-то, кинул в мясорубку, сказал: "С тобой то же будет!" Испугалась девочка...

Мама ждала, ждала — нет девочки. Пошла она по магазинам — нет нигде мяса. Устала она, проголодалась, на одной улочке зашла в пекарню, купила там булочку с мясом, ну, пирожок то есть, откусила, а там что-то было. Она тогда разломила пирожок, а там — ногти с именем ее дочери, нарисованным лаком...

Неизвестно как добралась мама домой, упала на кровать, в общем, вся горем убита. Но что-то ее укололо. Смотрит — ее ногти искусственные на простыне лежат.

Вдруг — звонок. Долго звонили в дверь. Пошла мама открывать. Смотрит — стоит ее дочка: "А что это на тебе, мама, лица нет? Что случилось-то? Да, мам, мяса я не купила, деньги-то забыла взять, но я сейчас еще схожу. Представляешь, там дяденька такой смешной — у него в магазине поросенок живет, он на него все время кричит: "И с тобой то же будет", — и на мясорубку показывает. Да, ты меня, мамочка, прости, пожалуйста. Я ногти в школу твои накладные наклеила и накрасила, да где-то потеряла, наверно, когда с поросенком там возилась".

Записано О.А.Змазневой от Люды Марченковой, 13 лет, Москва. 1.12.1993. МПГУ — 1993, т. 3, № 27.

13

Один мужик купил на рынке пироги. Откусил один — видит зуб. Он испугался. Взял другой пирог, откусил — опять зуб. Тогда он побежал в милицию и говорит, что пироги эти из человеческого мяса. А милиционеры посмотрели ему в рот, а там двух зубов и нет.

Записано Е.Андреевой от Коли Елесина, 12 лет, Москва. Ноябрь 1991. МПГУ — 1991, т. 72, № 8.

14. Один случай

Еду я, значит, как-то в автобусе, и входит в автобус дяденька с большим-большим чемоданом. И вдруг входит в автобус кондуктор. Ну и вот. Я, значит, ему свой билет показал и вижу, что у дяденьки этого, с чемоданом, билета нет. И я незаметно передал ему свой. А когда кондуктор ушел, выхожу я из автобуса на своей остановке, и дяденька тоже со мной вышел. И вдруг он подходит ко мне и говорит: "Спасибо тебе, мальчик, ты меня спас! Вот тебе за это," — и подает мне свой чемодан.

Пришел я домой, смотрю, а в чемодане том много, много, много денег. Деньги, деньги... и лапша, которую я вам на уши вешаю.

Записано Н.А.Босых от Миши Ермакова, 12 лет, Москва. 25.02.1992. МПГУ — 1992, т. 26, № 7.

15. Анекдот

Идет бабка ночью через кладбище, вдруг видит — идет кто-то ей навстречу с растопыренными руками. Бабка перепугалась и бросила камень. Послышался звон и кто-то убежал. На следующий вечер бабка опять пошла домой через кладбище. И опять ей кто-то идет навстречу с растопыренными руками. Бабка снова кинула камень, послышался звон и снова кто-то убежал. На третью ночь опять бабка идет через кладбище, и опять кто-то ей навстречу с растопыренными руками. Бабка только взяла камень, как кто-то сказал: "Бабушка, не бросайте, пожалуйста, камень, а то я уже третий день не могу донести стекло с работы!"

Записано Л.В.Щеголевой от Люды Слабченко, 11 лет, Москва. 10.10.1993. МПГУ — 1993, т.33, № 10.

16. Анекдот

Шел мужик по кладбищу, провалился в могилу. Был дождливый день. Сидит в могиле и слышит шаги: чпок, чпок, чпок, чпок... Мужик заорал: "Вытащите меня отсюда!" (Пауза, далее выразительный звук): Пук! Чпок-чпок, чпок-чпок, чпок-чпок...

Записано И.Ю.Красовской от Руслана Шарипова, 14 лет, Москва (приехал в гости из г. Надыма Тюменской обл.). Ноябрь 1990. МПГУ — 1990, т. 65, № 2.

17. Анекдот

Одному мужчине надо было идти через кладбище, а он боялся. Ему сказали: "Если что-нибудь будет мерещиться, скажи: "Боги, боги, что вам нужно?"

Идет он и видит, что перед ним ведьмы пляшут. Он сказал: "Боги, боги, что вам нужно?" Они исчезли. Идет он дальше, мимо кустов. И вдруг появляется рука. Он говорит: "Боги, боги, что вам нужно?" А из кустов доносится: "Бумажку!"

Записано А.М.Мащевич, Т.В.Шейкиной от Наташи Даулетовой, 9 лет, с. Екатериновка Пресновского района Северо-Казахстанской обл. 14.07.1980. Архив автора.

18. Анекдот

Идет Красная Шапочка по лесу, несет пирожки в бумажке. Вдруг из-за кустов высовывается серая лапа: "Красная Шапочка! Бумажка — мне, пирожки — тебе!"

Записано И.Охотниковой от Кати Зайка, 8 лет, Москва. Ноябрь 1990. МПГУ — 1990, т. 49, № 7.

19. "Эта история была правда"

Один приехал в гостиницу. Мест не было. Было место, куда никто не ложился спать: все мертвые, с разрывом сердца. Он лег в эту комнату спать. Ночью к нему стала приближаться рука. Он подбежал и включил свет. Рука исчезла. Обрато выключил свет — рука появилась. Снова свет и всю ночь спал со светом.

Потом днем он вышел из гостиницы. На тополе лазили пацаны. Он залез и увидел: на макушке рука вырезанная. Он понял, что ночью луна освещает, тень от руки падает в окно. Луна движется, и она движется.

Записано У.Арбабаевой, Л.Семеново от Юры Чередниченко, 13 лет, ст-ца Пресновка Северо-Казахстанской обл. Июль 1979. ПГТИ, т. 39, № 55.

20

Однажды Фредди Крюгер поспал в Москву. Ночью он шел по улице и увидел, что впереди идет девочка. Он решил ее убить. Догнал ее, они пошли вместе. Вдруг она его спросила: "Сколько времени?" Он сказал: "Ровно полночь". А она прокусила ему горло и выпила кровь. Фредди не знал, что она вампир.

Записано О.Трифоновой от Олега Крылова, 11 лет, Москва. Декабрь 1991. МПГУ — 1991, т. 73, № 19. Фредди Крюгер — монстр из киносериала "Кошмар на улице Вязов" (1984-1991 гг.).

21. "Страшная" история

Зловещая ночь. Ветер леденящий. Красная луна на небе. Идет мерзкий дождь, и вместе с ним идет человек вдоль забора, а этот забор — кладбищенский. И из могилы вылезает один доходяга и бежит за ним. Оглянуться мужику страшно и прибавил он ход, а шаги за ним раздаются все чаще и чаще, ближе и ближе. И вдруг кто-то сзади ударяет топором его по голове (примеч. собирателя: это рассказывается зловещим басом). Мужик закричал от боли, а тот, доходяга, который ударил его топором, закричал (примеч. собирателя: пронзительно-писклявым голосом): "Ишь ты! Нежный какой!"

Записано О.Н.Петровой от "металлиста" Гены Жукова, 17 лет, Москва. 3.12.1993. МПГУ — 1993, т. 2, № 42.

22. "Панковская страшилка"

Маленький мальчик поехал к своему дедушке в гости в одну деревню. А неподалеку от дедушкиного дома стоял памятник Чкалову. Каждый день мальчик подходил к этому памятнику и никак не мог на него посмотреть. И вот один раз он пришел к нему, смотрит, а памятника-то и нету. А увидел мальчик на месте, где стоял памятник, громадные

следы. И решил мальчик сверить эти следы с дедушкиными следами и побежал домой за дедушкиным валенком. Вернулся и стал мерить дедушкиным валенком эти огромные следы. И вдруг кто-то ему положил на плечо тяжелую руку. Мальчик обернулся и увидел, что это памятник Чкалову. И тут памятник говорит ему (п р и м е ч. с о б и р а т е л я: басом, причем очень густым): "Мальчик, а мальчик, у тебя есть зонтик, а? А то тут чайки летают, садятся мне на голову и какают".

Записано О.Н.Петровой от Лизы Клочковой. 17 лет, Москва. 21.11.1993. МПГУ — 1993, т. 2, № 35.

23. "Страшная" история "Про черную перчатку"

Начало, сейчас, типа — жила-была девочка, и были у нее мама и папа. Однажды пошли родители в магазин, купили кучу ананасов и в том числе 2 черные перчатки. Вскоре одна из них потерялась, а оставшуюся мама положила на подоконник.

Ночью девочка долго не могла уснуть, ее мучили дурные предчувствия. Вдруг в полночь она услышала душераздирающие крики, доносящиеся из родительской спальни. Девочка немедленно побежала туда, чтобы оказать первую медицинскую помощь своим родителям. Когда она вошла в комнату, она услышала сдавленный сип мамы. Это черная перчатка душила ее за горло. Мама дернулась в последней предсмертной конвульсии и затихла. Тут девочка с ужасом заметила, что перчатка черная приближается к ней. Девочка в испуге метнулась к окну, потом к двери. Перчатка неумолимо ее преследовала.

И тут в голове девочки блеснула прекраснейшая мысль: а почему бы не включить свет? И она включила его. Перчатка поникла, зашипела и исчезла. Так смелая девочка расправилась с черным призраком-перчаткой.

Записано В.Ю.Чучковой от Димы Зайкина, 15 лет, Москва. Март 1992. МПГУ — 1992, т. 27, № 27.

24. Сказка про белого принца и белую принцессу

Жил-был прекрасный белый принц. Однажды прекрасным белым днем он вышел из своего прекрасного белого замка и пошел по белой дороге. По дороге ему встречались прекрасные белые птицы и звери. Шел он, шел и пришел к чудесному белому саду, в котором стоял чудесный белый дворец. Там в белом зале за белым роялем сидела прекрасная белая принцесса и играла. "Это ты, прекрасная принцесса!" — нежно воскликнул принц. "Да, это я здесь наяриваю по клавишам!" (П р и м е ч. с о б и р а т е л я: громко рывкает).

Записано О.Куприк от Лены Зубковой, 14 лет, Москва. 15.11.1991. МПГУ — 1991, т. 65, № 9.

25. "Любимый анекдот"

Позвал король русского, немца и поляка. Ну и говорит: "Кто пойдет в подвал и не испугается?"

Поляк пошел, слышит: "Догоню, поймаю, съем! Догоню, поймаю, съем!" Вытаращил глаза на лоб, ему голову отрубили.

Пошел немец. Слышит: "Догоню, поймаю, съем! Догоню, поймаю, съем!" Вытаращил глаза на лоб, ему голову отрубили.

Пошел русский. Слышит: "Догоню, поймаю, съем! Догоню, поймаю, съем!" Включил свет, а там скелет за котлетой гоняется: "Догоню, поймаю, съем!"

Записано Е.И.Зотовой от Саши Бирюкова, 8 лет, Москва. 24.10.1992. МПГУ — 1992, т. 103, № 10.

26. Анекдот

Идет медведь по лесу. Вдруг смотрит: сидит под кустом мышка, а глаза у нее огромные-огромные. Медведь спрашивает: "Мышка, а почему у тебя такие огромные глаза?" "А я какаю", — говорит мышка.

Записано Ю.А.Ефимовой от Киры Козловой, 8 лет, г. Фрязино Московской обл. 9.11.1990. МПГУ — 1990, т. 61, № 5. Есть вариант, где такой диалог ведут слон и муха (МПГУ — 1990, т. 37, № 6).

27. Страшный анекдот

Выходит девочка погулять и видит: стоит под деревом такая страшная урна, а из нее человеческая рука торчит. А девочка как увидела руку, так и какать захотела.

Записано В.Ю.Чучковой от Юли Лисициной, 5 лет и 7 месяцев, Москва. Март 1992. МПГУ — 1992, т. 27, № 17. "Придумала сама".

28. Анекдот

Пошла девочка гулять. Ей 10 лет!! В 10 вечера ее нет, в 12 вечера — нет, в 3 ночи — опять нет. Мать уже милицию вызвала, места себе не находит. В 6 утра — звонож в дверь: на пороге стоит девочка с сигаретой во рту, пьяная, на пальце лифчик крутит и говорит: "Мама! Это хобби на всю жизнь!"

Записано О.Н.Занковской, О.В.Жердевой от Светы Шинтовкиной, 13 лет, Москва. 24.11.1992. МПГУ — 1992, т. 78, № 29.

29. Анекдот

Пошла Машенька учить уроки к Вовочке. Возвращается только на следующий день. Родители в ужасе. Машенька крутит трусы на пальце

и говорит: "Я не знаю, как это называется, но это — хобби на всю жизнь".

Записано О.В.Юдиной, Е.В.Чистяковой от Руслана Зайцева, 12 лет, Москва. 18.10.1993. МПГУ — 1993, т. 19, № 18.

30

По городу летала желтая рука (пауза). Ходила красная нога, и ползал зеленый хвост. Однажды они все встетились и поумирали от страха.

Записано В.Ендовицкой от Марины Неудахиной, 8 лет, Москва. 29.10.1991. МПГУ — 1991, т. 51, № 5. Ср.: Успенский Э. Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы: (Страшная повесть для бесстрашных школьников)//Пионер.1990. № 2-4.

31. Тост

Когда папа Карло сделал Буратино, он сказал ему: "Можешь делать все, что хочешь. Только не трогай винтик у себя в животе". Но Буратинка не послушался, вынул винтик, и у него отвалилась попка.

Так давайте не будем искать приключений на свою задницу!

Записано Е.В.Поляковой от Андрея Минина, 14 лет, Москва. 16.10.1993. МПГУ — 1993, т. 42, № 74.

32

Ночь! Тишина!
Не дрогнет убийцы рука!
Убили, убили, убили!
На стенке живого...клопа.

Записано И.В.Шиловой от Павла Штейнке, 11 лет, Москва. Август 1989. МПГУ — 1989, т. 1, № 6.

33

Однажды осенним солнечным утром из-под колес проходившего поезда выкатилась чья-то голова и прошептала своими озябшими от мороза губами: "Ни фиги себе за хлебом сходила..."

Записано Е.В.Бирман от курсанта военного училища, 19 лет, г. Конаково Тверской обл. Ноябрь 1990. МПГУ — 1990, т. 56, № 40. Исполняется драматическим речитативом под аккомпанемент гитары.

М.П.ЧЕРЕДНИКОВА
(Ульяновск)

"МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК" В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИФА

В 70-80-е гг. "садистские стишки" пользовались столь широкой популярностью в подростковой среде, что фольклористы не могли не обратить на них внимания. В вузовских и личных архивах накопилось огромное количество записей. Однако первые публикации появились совсем недавно [см.: 1-4]. Исследователи справедливо связывают появление этого жанра с детской литературой, в частности с дидактической поэзией. По свидетельству В.Ф.Лурье [5, с. 10], автором первого, ставшего классическим, текста "садистского куплета" был ленинградский детский поэт Олег Григорьев. В числе литературных "прообразов" этого жанра называется и широко известное стихотворение С.Михалкова "Фома" [3, с. 132]. Высказывается также предположение о том, что "садистские стишки" — "это взрослый "черный юмор", опустившийся к детям, усвоенный детьми" [1, с. 9].

Как бы то ни было, фантазмагория "садистских стишков" отвечала глубинным потребностям детского сознания. "Черный юмор" за относительно недолгую историю своего развития укоренился в системе детской устной традиции, прошел адаптацию фольклорного жанра в инновозрастной среде и ее субкультуре" [2, с. 123-124].

В оценках и интерпретации этого явления, как правило, преобладает сугубо идеологический подход. В "садистских стишках" видится ирония по отношению к советской детской литературе, к традиции, которая сложилась в 30-70-е гг. Называются при этом прозведения С.Михалкова, Е.Благиной, А.Барто [3, с. 131].

М.Новицкая определяет стихию "садистских стишков" как своеобразное противостояние штампам и канонам официальной идеологии 70-х гг. Второй проблемой этого жанра она считает "распад естественных человеческих связей (в семье, в школе, в обществе, между поколениями) под напором псевдоценностей" [2, с. 106].

Однако отмеченные признаки жанра — скорее проявление особенностей сознания взрослых людей, не без помощи которых рождалась "ироническая поэзия" (авторство Олега Григорьева в этом плане знаменательно). Система социальных, идеологических, литературных аллюзий была характерна для искусства, находящегося под прессом всеобщей политической цензуры. В этих условиях неприятие официальной пропаганды и идеологии выразилось в форме легко запоминающихся иронических двустиший и четверостиший, построенных по модели расхожих детских стихов.

Но не следует забывать, что "переход произведений к детям мог произойти лишь при условии обязательной совместимости его с детской психологией, в соответствии с требованиями своеобразной детской эстетики" [6, с. 13]. Вот эта особенность "садистских стишков", способствующая их органичному вхождению в широкий контекст детского фольклора, пока остается без должного внимания исследователей.

Правда, в указанных работах наблюдаются попытки учесть этот контекст при анализе нового фольклорного жанра. В частности, отмечается влияние на них "в первую очередь страшилки как одной из ведущих форм детской прозы, детской загадки специфического типа, когда требуется остроумный, с точки зрения ребенка, ответ" [2, с. 121]. Однако дальше констатации очевидного факта эти попытки не идут.

Между тем упоминание "страшных рассказов" рядом с "садистскими стишками" не случайно. Последние входят в репертуар детского фольклора в то время, когда происходит преодоление мифологического сознания детства. На смену стихийно-чувственным мифологическим представлениям о мире приходит понятийное мышление, которое ярко проявляется в парадоксальных формах многочисленных детских микродиалогов. Рационализация мифологического образа (а значит, его разрушение) приводит к осознанию условности, вымышленности традиционных мифологических сюжетов "страшных рассказов".

Новый уровень самосознания приводит и к пониманию условности, мифологичности той негативной части программы поведения, которая на протяжении многих лет постулировалась взрослыми. Согласно этой программе каждый самостоятельный шаг ребенка неминуемо грозил ему гибелью. В "садистских стишках" многочисленные родительские запреты из формы условно-предположительной переводятся в план абсолютного утверждения. Так возникает кошмарная панорама бедствий "маленького мальчика", который оказывается под колесами автомашины, под громадой асфальтового катка, в крутящейся бетономешалке или подвергается злодейскому нападению "доброго дяди". На вопрос, имеют ли "садистские стишки" какое-то общее название, Роберт Снегирев (11 лет) ответил: "Не знаю, наверное, "Приключения маленького мальчика".

В бытовании "садистских стишков" обращает на себя внимание факт неоднозначной реакции детей и взрослых на чтение стихотворной миниатюры. Дети, исполняя "стишки", весело смеются. Взрослые, слушая детей, наоборот, пугаются. Чем старше человек, тем более наглядно проявляется негативное отношение к "стишкам". Саша Шаврыгина (6 лет) обнаружила записи "садистских стишков" в папином архиве. Мгновенно запомнив несколько четверостиший, подбежала к бабушке и немедленно поделилась с ней своим знанием. "Какой ужас!" — произнесла бабушка, а девочка весело рассмеялась. Аналогичную реакцию можно наблюдать и у подростков. Когда запись производится в группе

детей, кто-нибудь один проговаривает текст, а остальные весело смеются. О причине смеха Роберт Снегирев сказал: "Смешно, потому что неправда".

Взрослых слушателей сбивают с толку "реалистические элементы" текста. Его основу составляет расхожая бытовая ситуация, создающая иллюзию реальности. Однако это призрачная реальность, ибо мир в "саdistских стишках" одномерен, безысходно трагичен, лишен полутонов, а потому условен и мифологичен.

Подросток уже осознает, что без нарушения тех или иных родительских запретов невозможно познание мира. Однако освоенные под воздействием традиционной культуры правила поведения помогают ему соблюдать необходимую осторожность, чтобы не спровоцировать экстремальную ситуацию. В соответствии с этим инерция родительских запретов вызывает иронию или раздражение.

Моему сыну было 12 лет, когда со своим другом Сашей С. он осваивал район новостройки, в котором мы только что поселились. Мама Саши, уходя на работу, вывешивала список правил поведения, где перечислялось то, чего нельзя было делать: "не ходить на стройку", "не ходить в овраг", "не забираться на чердак" и т.п. Стоило мальчику поделиться с мамой впечатлениями прошедшего дня ("Мы помогли разгрузить тележку арбузов и сами получили арбуз!"), как на плакате запретов появлялась новая запись: "Не разгружать арбузы по просьбе незнакомого дяди". Благодаря такому "инструктажу" мальчики легко составляли программу действий на день: они отбрасывали все "не" и решали, что нужно "пойти в овраг", "прогуляться по стройке" и т.п.

Таким образом, "приключения маленького мальчика" — ироническое воспроизведение мифа взрослых, в чьем воспаленном воображении торжество "ужасного случая" оказывается неминуемым законом жизни. Родительские "страшилки", иллюстрирующие систему воспитательных запретов, бумерангом возвращаются в эпатаже "саdistских стишков".

Мифологическая картина непрекращающихся ужасов, происходящих с "маленьким мальчиком" или "маленькой девочкой", — не единственный объект иронии "саdistских стишков".

Второй ее объект — миф взрослых, которые, адресуясь к ребенку, изображают "свой" мир (противопоставленный "чужому") как мир безоблачных, бесконфликтных взаимоотношений. Модель этих идеальных отношений воспроизводит К.К.Немирович-Данченко, используя клишированные поэтические формулы жанра: "Ясное небо, светит солнышко, кораблик по речке плывет, маленький мальчик запускает змея, над ним самолет летит. А в поле девочки цветы собирают. /.../ Любящие бабушки и дедушки ждут из школы своих внуков и внучек..." [3, с. 131].

Исследователи видят в этой парадигме "садистских стишков" "девальвацию лживо-оптимистического "художественного слова" нашей псевдолитературы как следствие господства лжи и "двоемыслия" [1, с. 9]. Однако в лексике, приведенной К.К.Немировичем-Данченко, легко обнаруживается словарь не только детской советской литературы, но и обращенной к детям русской поэзии XIX в. [см., напр., 7] и даже... фольклора. В качестве примера достаточно привести песни-колядки, с которыми на Рождество маленькие дети ходили по домам соседей и родственников:

Маленький мальчик
Сел на стаканчик,
Стаканчик — хруп!
Подайте рупь! [8]

Маленький хлопчик
Заскочил на столчик,
В дудочку сыграл,
Христа прославлял [9].

Я маленька дівонька,
Як у полі квітонька,
На сопілку граю,
Пісеньку співаю,
Всіх вас розважаю [6, с. 157, № 382].

Эта традиция не имеет никакого отношения к "лживо-оптимистическому" слову псевдолитературы XX в. Тем не менее и в фольклорной лексике и в немудреной картине мира рождественских колядок обнаруживается несомненное сходство с поэзией "для маленьких". Дело в том, что чуткая к детской психологии народная педагогика до определенного возраста, обращаясь к ребенку, сознательно гармонизирует мир. Эта же особенность обнаруживается и в детском фольклоре. "В целом своеобразие детских интересов таково, что не стоит говорить о ярком изображении в детском фольклоре серьезных социальных проблем. Обнаженная, полная правда жизни — это тяжелая пища, — писал И.Франко, выявляя истоки чрезвычайной любви детей к сказкам. — Старшие могут ее переварить, она для них вкусна и здорова. Но детям нельзя ее давать так, как старшим, нужно приготовить ее в разбавленном виде, в прибаутках и присказках. И они так принимают ее" [6, с. 19].

Широкое бытование "садистских стишков" — свидетельство того, что ребенок осваивает иной язык, отличный от традиции, обращенной к маленьким. К.К.Немирович-Данченко справедливо замечает: "Маленький человек понимает, что он уже не ребенок, он начинает чувствовать себя отдельной личностью и в детском коллективе, и в обществе вообще. Его перестает устраивать навязанная ему структура и язык взаимоотношений между взрослыми и детьми. Он ощущает ее нефунк-

циональность" [3, с. 137]. Между тем взрослые продолжают заполнять хрестоматии сочинениями, совсем не соответствующими возрасту, пытаясь разговаривать с подростками на языке их "вчерашнего дня".

Однажды, записывая тексты "садистских стишков", мы услышали четверостишие, нарочито снижающее традиционную рождественскую колядку:

Маленький мальчик
Сел на диванчик.
Ножки поднял, —
Фу, навонял!

Галкин Володя, 11 лет, с. Архангельское, Ульяновской обл.
1991 г. Архив автора.

Подросток бессознательно соединил две столь разные традиции детского фольклора.

Таким образом, внутри жанра "садистских стишков" создаются сложные диалогические отношения как с культурой взрослых, так и с субкультурой малышей. Сентиментальному универсуму мифа, обращенного к детям, противопоставляется его полная противоположность.

Основу микросюжета "садистского стишка" составляет трагическая ситуация. Однако в отличие от "страшных историй", трагедия здесь не результат действия сверхъестественной силы, врывающейся в человеческую жизнь откуда-то извне, а разрушительная сила, которую несет в себе сам человек. Стихийность зла, его непредсказуемость в жанровом универсуме "садистских стишков" одинаково уравнивают всех участников событий — взрослых и детей. Переакцентировка традиционных оценок особенно наглядно проявляется в изображении "маленького мальчика", который выступает в двух противоположных ипостасях: то как жертва, то как страшный злодей, несущий в себе угрозу не только человеку, но и миру вообще. В вымороченном мифологическом пространстве действия и "старых" и "малых" лишены нравственных ограничений, это поведение вне каких бы то ни было запретов, а значит, вне культуры.

Из ирреального мира "садистских стишков" исключен "человек культурный". За множеством социальных масок: "маленький мальчик", "девочка", "дети", "мать", "отец", "учитель", "дядя", "тетя" и т.п. — прячется личина зомби, робота, сеющего смерть и разрушение. Человек в этом мире — орудие безликой слепой силы, методично истребляющей жизнь. Он не выделен из мира механизмов, действующих по некоему дьявольскому произволу. Угроза жизни исходит от гигантских бетономешалок, асфальтовых катков, бульдозеров и автомашин в той же степени, что и от "добреньких" дядей, тетей, родителей, бабушек и дедушек. Персонажи "садистских стишков" — оборотни, они только внешне напоминают людей. На самом деле они лишены элемен-

тарных человеческих переживаний и привязанностей. Если персонажи "стишков" иногда и смеются, их смех — смех идиотов:

Выстрел, раздался жалобный крик,
"Сорок второй", — ухмыльнулся старик.
Долго смеялась счастливая мать:
Труп в крематорий не надо сдавать.

Записано А.Б.Атанцевым от Андрея Кочергина, 12 лет,
г.Ульяновск, 1989. Архив автора.

Быстро сгорели детские кости —
Долго смеялись безумные гости.

Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990 г. Архив УГПИ.

Ирреальность изображаемого усугубляется за счет трансформации сквозных в детской мифологии диссоциированных образов ("рука", "зубы", "глаза" и т.п.). В текстах "садистских стишков" они становятся сюрреалистическими деталями фантазмагорического вымороченного мира "нежити":

Маленький мальчик на лифте катался,
Он на десятый этаж поднимался,
Руку он высунул, кнопку нажал,
Пальцы на лестнице дядя собрал [4, № 19].

Девушка с парнем лежали во ржи.
Тихо комбайн стоял у межи.
Тихо завелся, тихо пошел,
Кто-то в буханке зубы нашел.

Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив УГПИ.

Девочка Нина пошла по малину,
В лесу наступила на старую мину.
Надолго, надолго запомнились мне
Ее голубые глаза на сосне.

Записано И.Ш.Манушевой от Рината Манушева, 8 лет,
п. Старотимошкино Ульяновской обл., 1990 г. Архив автора.

Вещные приметы реального мира оказываются гранью, за которой скрывается мир хаоса и абсурда. Благодаря игре смыслами "на грани реальности" и создается диалогическая природа "садистских стишков". Условность этой поэтической игры хорошо понятна детям. Они весело смеются над взрослыми, воспринимающими тексты "стишков" без поправки на шутку. Смеются над собой вчерашними, принимавшими "воспитательную мифологию" взрослых за реальность.

Диалогическое напряжение создается за счет поэтической формы "стишков", благодаря которой бодрый ритм расхожих детских книжек

вступает в противоречие с содержанием текста. Это несовпадение эмоционального содержания стихотворного ритмического рисунка с семантикой изображаемого события — прием, широко используемый в иронической поэзии, в частности в поэзии обэриутов.

Интересную аналогию восприятию детьми "садистских стишков" находим в воспоминаниях Г.Сапгира о лианозовской поэтической группе. Он рассказывает о том, как однажды услышал маленькое стихотворение Евг.Кропивницкого:

Был он юный и влюбленный,
Подарил ей нитку бус.
Ярким счастьем упоенный,
Он попал под автобус.

Говорили: как попал?!
И росла, росла толпа...
Окровавленный лежал он
У трамвайного столба.

"Первая моя реакция, — пишет Г.Сапгир, — я стал хохотать. Мне показалось, что стихотворение излучает радость. И действительно: и по ритму, и по состоянию в этом, вроде бы грустном, стихотворении была радость жизни" [10].

Выше приводилось высказывание подростка о "садистских стишках": "Смешно, потому что неправда". Четырнадцатилетняя Катя Лютова, произнесла двусмысленно:

Маленький мальчик варил холодец, —
По полу ползал безногий отец, —

призналась: "Я так смеялась почему-то. Как-то странно. Смешно, потому что не может такого быть."

Ребенку не страшно, а смешно потому, что сам он воспринимает условный текст с точки зрения нравственных постулатов культуры, которые стали его внутренними приобретениями и определили собственное его поведение. "При вхождении в культуру, — отмечает Л.С.Выготский, — ребенок не только берет нечто от культуры, усваивает нечто, прививает себе нечто извне, но и сама культура глубоко перерабатывает природный состав поведения ребенка и перекраивает совершенно по-новому весь ход его развития" [11, с. 294].

Вместе с тем нельзя не согласиться с М.Ю.Новицкой в том, что фантазмагория "садистских стишков" чудовищно обнаруживает себя в реальной действительности, "грозно глянувшей на нас ... со страниц публицистических очерков о детской и подростковой якобы немотивированной преступности" [2, с. 115]. Факт этот, безусловно, требует своего объяснения. Дело в том, что подростковый возраст — время, когда особенно наглядно проявляются результаты длительного про-

цесса — "процесса вrastания ребенка в культуру" [11, с. 303]. Л.С.Выготский замечает: "Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития... Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения" [11, с. 315].

В том случае, если подросток воспринимает мифологическое пространство "садистских стишков" серьезно, как реальность и моделирует свое поведение по этому "образчику", можно говорить о примитивизме как признаке его психического развития, ибо "примитивность — отрицательный полюс культурности. Ребенок-примитив — это ребенок, не проделавший культурного развития или, точнее, находящийся на самых низших ступенях культурного развития" [11, с. 39].

Анализ показывает, что жанр "садистских стишков" стал последним этапом в развитии детской мифологии, свидетельствующим о том, что ребенок вполне сознательно использует "язык" мифа, творит по его законам, создавая мифологический универсум, в котором "старый способ мышления ... становится предметом преобразования, вызывающим, провоцирующим иронию" [12]. В этом универсуме мир, лишенный каких бы то ни было ограничений и запретов, предстает как антимир, как хаос, противостоящий жазни и опасный для нее.

Подросток с трудом определяет "норму", идеал человеческих взаимоотношений. Однако, что такое отклонение от нормы, он уже хорошо знает. Когда ребенок по поводу "садистских стишков" говорит: "Смешно, потому что не может такого быть", — это значит, что он не допускает ничего подобного в горизонте собственного культурного поведения. Таким образом, бытование жанра "садистских стишков" — свидетельство нового уровня сознания и самосознания, когда поступки ребенка определяются уже не внешними (извне идущими) постулатами, а выбором, основанным на самоовладении своим поведением.

Литература

1. Новицкая М.Ю. "Недетские" страшилки // Слово. 1990. № 11. С. 9-10.
2. Новицкая М.Ю. Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Таллинн, 1992. С. 100-123.
3. Немирович-Данченко К.К. Наблюдения над структурой "садистских стишков" // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 124-137.
4. "Садистские стишки": Из коллекций А.Ф.Белоусова, К.К.Немировича-Данченко и А.Л.Топоркова // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 138-150.
5. Лурье В.Ф. Краткая антология фольклора младших школьников // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. С. 10.
6. Довженко Г.В., Луганська К.М. Дитяча поезія. // Дитяча пісня та речитативи. Київ, 1991.
7. Русская поэзия детям / Вступ. ст., сост. Е.О.Путиловой. Л., 1989.
8. Архив автора.
9. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 63, № 75.

10. Кулаков В.Л. Лианозово: История одной поэтической группы // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 26.

11. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 3. М., 1983.

12. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 190.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Маленький мальчик веревку нашел,
С этой веревкой он в школу пошел.
Долго смеялись потом в педсовете:
Лысый директор висит в туалете.
2. Маленький мальчик на вишню залез,
Сторож Иваныч вскинул обрез.
Выстрел, раздался жалобный крик.
"Сорок второй", — ухмыльнулся старик.

Записано Н.П.Игнатовой от Андрея Кукаркина,
12 лет, г. Новоульяновск, 1990. Архив автора.

3. Маленький мальчик на вишню залез,
Дед Афанасий вскинул обрез.
Выстрел раздался, и сторож упал:
Мальчик свой маузер раньше достал.

Записано С.Солодовниковой от Сережи Заварзина,
11 лет, п. Тереньга Ульяновской обл., 1990. Архив автора.

4. Девочка Маша в мячик играла,
В дядю большого случайно попала.
Дядя сказал ей: "У, стрекоза!"
Долго на пальцах моргали глаза.

5. Бабка в калошах грядку копала,
Сверху на бабку что-то упало.
То был, ребята, фашистский снаряд.
Бабушки нет, а калоши стоят.

Записано Н.П.Игнатовой от Андрея Лепихина, 12 лет,
г. Новоульяновск, 1990. Архив автора.

6. Маленький мальчик нашел ананас,
Чем-то похож на немецкий фугас.
Маленький мальчик хотел его съесть,
Зубы нашли километров за шесть.

7. Маленький мальчик в кровати лежал,
На нос ему опустился комар.
Только блеснула сталь топора,
Папа убил того комара.

Записано Ю.Тимаевой от Валеры Лапушкина, 10 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.

8. Маленький мальчик химиком стал,
Всякую гадость в банку совал.
Смешал он цемент с вишневым вареньем,
Папа скончался в ужасных мученьях.
9. Детка в лесу собирала малину,
Левой ногой наступила на мину.
Долго мне будут сниться во сне
Ее голубые глаза на сосне.
10. Маленький мальчик в котельной играл,
Всякие краники сам открывал.
Красный открыл — и горячий поток
Вынес вареного мяса кусок.

Записано Е.А.Денисовой от Люды Железкиной, 13 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.

11. Маленький мальчик бумажку нашел,
Маленький мальчик покакать пошел.
Долго смеялась потом детвора —
Эта бумажка наждачной была.
12. Маленький мальчик нашел пистолет,
Долго стонал в жопу раненный дед.
13. Маленький мальчик играл в водолаза,
Смело спустился на дно унитаза.
Добренький дядя нажал на педаль —
Мальчик умчался в бурлящую даль.

Записано Ю.Ю.Расторгуевой от Юры Куриловича, 16 лет,
г. Ульяновск, 1989. Архив автора.

14. Маленький мальчик играл в водолаза,
Смело нырял на дно унитаза.
Добренький дядя нажал на педаль —
Мальчик умчался в далекую даль.
Тихо плещется вода в унитазе,
Не забудем никогда Ваньку-водолаза.
15. Маленький мальчик нашел автомат —
Много в деревне безглазых ребят.
16. Дети в подвале играли в садистов —
Зверски замучен отряд каратистов.

Записано И.Ш.Манушевой от Рината Манушева, 8 лет, п. Старо-
timoшкино Барышского р-на Ульяновской обл., 1990.
Архив автора.

17. Маленькие дети играли в "СС" —
Весь перемучен третий подъезд.

Записано О.Ковалевой от Андрея Колобова, 12 лет, г. Ульяновск,
1991. Фольклорный архив УГПИ.

18. Дети в подъезде играли в роддом —
Умер от родов наш управдом.
19. Маленький мальчик со сломанной ножкой
Супчик хлебал деревянной ложкой.
Мать с укоризною смотрит на сына:
"Хорош обжираться, хромая скотина!"
Записано Н.В.Мищенко от Наиля Забарова, 15 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.
20. Маленький мальчик по крыше гулял,
Брат его к краю его подгонял.
Он поскользнулся нечаянно ножкой —
"Нет, не умеет летать мой Сережка!"
21. Маленький мальчик плавал в реке,
Ему папа булыжник приделал к ноге.
"Нырни, мой сыночек, и мне скажи "ам" —
Кепочка долго плыла по волнам.
Записано О.Ю.Стемасовой от Юры Вольского, 13 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
22. Девочка Таня скальпель нашла,
Тихо к маме подкралась она.
Долго мама понять не могла,
Куда подевалась ее голова.
Записано О.Ю.Стемасовой от Сергея Гамера, 10 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
23. Мальчик Сережа учился стрелять.
Выстрелил в бабушку, выстрелил в мать.
"Хватит, сынок, за уроки пора!" —
Папы последние были слова.
Записано О.Ю.Стемасовой от Максима Романюка, 12 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
24. Мама цианистый калий нашла,
Его в пирожок положила она.
Маленький Саша стал его кушать —
Больше не будет он мамочку слушать.
25. Дети на улице в прятки играли.
Мимо канавы с водой протекали.
Девочка Маша спряталась в яму —
Нет, не пришлось ей увидаться с мамой.
Записано О.Ю.Стемасовой от Славы Малышева, 11 лет,
г. Ульяновск, 1988. Фольклорный архив УГПИ.
26. Машина комбайн в поле хлеб собирала.
За стогом любовная пара играла.
И долго люди понять не могли,
Какую морковь они в хлебе нашли.
Записано М.Тупикиной от Оли Калининой, 11 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.

27. Мальчик Сергей на балконе стоял,
Тяжелые камни с балкона бросал.
Мамочка, мама, а где наш Алешка? —
Внизу лежала только лепешка.

Записано М.Тупикиной от Лены Цыгановой, 12 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.

28. Маленький мальчик гвоздь проглотил.
Медленно гвоздик потом выходил.

Записано М.Тупикиной от Зули Гулямовой, 11 лет, г. Ульяновск,
1988. Фольклорный архив УГПИ.

29. Маленький мальчик купил "Беломор",
Был в деревне и голод, и мор.

30. Маленький мальчик купил волкодава —
ЧМО без ушей торчит из подвала.

31. Маленький мальчик скакал на лошадке,
У лошадки родились ребятки.

Записано Г.Федотовой от Сережи Русева, 9 лет, с. Самайкино Новоспас-
ского р-на Ульяновской обл., 1990. Архив автора.

32. Маленький мальчик нашел динамит —
Вон его череп на ветке висит.

Записано от Роберта Снегирева, 11 лет, г. Ульяновск, 1991.
Архив автора.

33. Мальчик Илья на песочке играл,
Тихо к нему подкатил самосвал.
Не было крика, не было стога,
Только сандайки торчат из бетона.

Записано Т.В.Ворониной от Руслана Аникина, 18 лет, г. Дмитров-
град, 1990. Архив автора.

34. Маленький мальчик с котенком играл,
Мимо большущий каток проезжал.
Мальчик хотел посмотреть на систему —
Мальчика можно повесить на стену.

35. Дети в подвале играли в гестапо.
Зверски замучен был Леночкин папа.

Записано М.В.Завада от Алексея Завады, 11 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.

36. Маленький мальчик в ванне купался,
Тихо и мирно водой обливался.
Мама подкралась, платьем шурша,
Взмах табуретки — и нет малыша.

37. Девочка Оля на речку пошла.
В среду нырнула, в субботу всплыла.

38. Миша ехал на машине,
Весь размазанный по шине.
39. Маленький мальчик полез в холодильник,
Маленькой ножкой нажал на рубильник.
Быстро замерзли сопли в носу,
Так и не съел он свою колбасу.

Самозапись Светы Старостиной, 18 лет, г. Ульяновск, 1990.
Архив автора.

40. Маленький мальчик нашел пулемет,
Больше в деревне никто не живет.
Кроме деда Архимеда, у которого торпеда,
Кроме бабки-паразитки, у которой две зенитки.
41. Желтые крыши, стены в полоску,
Мальчик на крыше отпиливал доску.
Гулко о землю ударили кости,
Век не поедem мы к бабушке в гости.

Записано О.В.Ковалевой от Андрея Ставского, 13 лет,
г. Ульяновск, 1990. Архив автора.

42. Маленький мальчик нашел кимоно,
Десять приемов узнал из кино.

С криком "кия!" и ударом ноги
Папины яйца текут в сапоги.

Записано С.Ермиловой от Андрея Жукова, 12 лет, г. Ульяновск,
1990. Архив автора.

43. Маленький мальчик нашел автомат —
В братской могиле лежит детский сад.

Записано И.А.Борисовой от Владиславы Кисилевой, 17 лет,
г. Ульяновск, 1990. Фольклорный архив УГПИ.

И.Н.РАЙКОВА
(Москва)

ФОЛЬКЛОР СОВРЕМЕННЫХ СОЛДАТ: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОТНОШЕНИЕ К ДЕТСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

В современном фольклоре молодежи и взрослых выделяются несколько самобытных пластов по принципу социальной или профессиональной принадлежности носителей: студенческий, тюремный, туристский, фольклор военнослужащих, моряков, геологов, альпинистов и т.п. Необходимым условием складывания и бытования каждого из них является наличие относительно замкнутого в себе и изолированного от внешнего мира коллектива людей, живущего по принципу общности, занимающегося общим делом, имеющего общий досуг на протяжении определенного периода времени.

В этом ряду фольклор современных солдат срочной службы занимает исключительное место. В сущности, это последнее звено фольклора подростков, вчерашних детей, резко поставленных во взрослые обстоятельства, но болеющих ностальгией по детству. Это опровергает сложившееся в науке представление о латентном периоде в бытовании фольклора, который приходится якобы на юношеский возраст. Думается, юноши 18-20 лет, служащие в армии, — это носители несколько видоизмененной и как бы законсервированной традиции детского и подросткового фольклора.

В настоящей статье не ставится цель вскрыть проблемы армейской службы в нашей стране, психологию современных солдат, используя материал их творчества. В фольклоре солдат совершенно однозначно говорится:

Кто не слышал сигнала тревоги,
Не хватал на бегу автомат,
Не терял сапоги по дороге,
Тот не знает, как служит солдат.

Цель статьи прежде всего познакомить специалистов по фольклору и смежным дисциплинам, а также всех интересующихся с этим распространенным явлением современной культуры. Будет дана лишь общая характеристика фольклора современных солдат, касающаяся особенностей его бытования, содержания и художественной формы, связи с детским фольклором, литературой и массовой культурой, выявлены проблемы изучения и намечены пути дальнейшего исследования. Прилагается вопросник для собирания фольклора солдат, адресованный как собирателям профессионалам, так и любителям (применим и для записи воспоминаний).

Материал был собран в 1980-1990-х гг. от солдат, проходящих действительную военную службу или недавно демобилизованных из армии, а также получен в ходе личных бесед и по письменным источникам (блокноты, альбомы, письма). Исполнители — жители Москвы, Подмосковья, Вологды, Свердловска, Новосибирска, Кемеровы, Красноярска, Барнаула и др., служившие в Московской, Владимирской, Ленинградской областях, Севастополе, Батуми, Армении, Белоруссии, Эстонии, Чехословакии, Афганстане. Материал хранится в фольклорном архиве Орехово-Зуевского педагогического института и в личном архиве автора. Разумеется, что наблюдения и выводы, сделанные на основании анализа сравнительно небольшого материала (около 1300 текстов), могут быть дополнены и оспорены.

Основная форма бытования фольклора солдат — письменная: тексты переписываются в солдатские блокноты, куда вносятся и адреса друзей, памятные события службы, иногда записи, которые могут включаться в письма на "гражданку". Своеобразная хрестоматия из текстов украшает так называемые дембельские альбомы, оформляемые многими солдатами к концу службы и сохраняемые на память. Письменная форма бытования объясняется дефицитом свободного времени в армии, потаенностью от офицерского состава (так же, как детского фольклора — от взрослых), интимной тематикой некоторых текстов, недоверием к собственной памяти в тяжелых условиях службы. Но, видимо, главный фактор — желание сохранить все это надолго как воспоминание о двух годах жизни:

Время уносит годы и лица,
Детство, любовь и друзей.
Пусть сохранится на этих страницах
Память о службе моей.
Пишу я здесь рукой неловкой,
Чтоб через много-много лет
От юности мой солдатской
Какой-нибудь остался след.

Письменная форма бытования обусловлена и влиянием подросткового девичьего творчества. Солдаты дружат и переписываются с девочками и девушками от 14 до 17 лет, в среде которых бытуют девичьи песенники (альбомы). Эти песенники, которые мальчики и юноши могли видеть, читать, во многом определили сходную форму бытования фольклора выросших мальчиков. Ведь и девочки ведут альбом по тем же причинам: потаенность от взрослых, интимность, желание сохранить надолго. Это влияние подтверждается сходством в структуре девичьих и солдатских альбомов, способов передачи текстов, жанровом составе, отчасти в тематике и поэтике. Сравним два лаконичных обращения к самому себе. Из девичьего песенника:

Какое б горе мѣлких неудач,
Какая бы беда не удручала,
Покрепче стисни зубы и не плачь,
А сядь за стол и все начни сначала.

Из солдатского блокнота:

Закуси, солдат, губу,
Затяни ремень потуже.
Ты теперь не на гражданке,
В армии теперь ты служишь.

Казалось бы, разные жизненные ситуации, но настроение похожее и форма выражения близкая. Есть и текстуальные совпадения, особенно в жанрах поздравлений и пожеланий. Так, в обоих видах альбомов встречаются изречения:

Если хвалят тебя — не гордись:
Далека к совершенству дорога,
А ругают тебя — не сердись:
Недостатков у каждого много.
Желаю быть тебе счастливой,
Желаю горя не видеть,
Желаю быть для всех любимой,
Но и меня не забывать.
Желаю тебе:
Если ветра, то самого сильного,
Если солнца, то самого жгучего,
Если моря, то самого синего,
Если парня, то самого лучшего!

Существует несколько способов передачи фольклорных текстов в армии: 1) прямая передача от старших солдат к младшим в пределах одной воинской части (как устно, так и путем переписки из блокнота в блокнот); 2) привнесение новыми солдатами с "гражданки" (слышали от отслуживших ранее, обычно в других частях и даже регионах, от друзей); 3) реже — присылка в письмах из других воинских частей от друзей и с "гражданки" от друзей и от девушек; 4) выписки из книг, периодических изданий. Разумеется, далеко не все, что записывается в солдатские блокноты, является фольклорным, коллективным творчеством: здесь есть авторские стихи, эстрадные и самодеятельные песни, изречения и шутки известных людей, остроты и смешные фразы. Но почти все становится фольклором по функционированию, бытованию, так как начинает варьироваться в духе того или иного жанра. Так и в детском фольклоре: многие произведения по своему происхождению являются плодом индивидуального творчества и даже не все рождаются в детской среде. Это одна из характерных черт современного фольклора.

За неимением материала мы не можем рассматривать истоки армейского творчества и историческую преемственность в нем, но, вероятно, нечто похожее существовало и в русской армии в прошлые времена. На это указывают, например, варианты стихотворной подписи к фотографии:

Тебе как другу юных лет,
К которым нет уже возврата,
Дарю свой маленький портрет
В "хебе" советского солдата.

Вариант:

...Дарю на память свой портрет
В мундире русского солдата.

К сожалению, из того, что бытовало в среде русских солдат и офицеров начиная с периода создания регулярной армии Петром I, на протяжении XVIII и XIX вв., а также в начале нашего века, записывались только военно-бытовые песни. Песенное же фольклорное творчество претерпело качественные изменения, хотя, вероятно, и следует провести сопоставление традиционных и современных солдатских песен, что требует специального исследования. Корни же непесенных жанров и происхождение самого альбомного творчества солдат как особой формы бытования их фольклора пока трудно выявить. Укажем лишь на тюремный фольклор как на один из источников тем, мотивов, пафоса и стилистики творчества современных солдат. Однако это остается за пределами проблематики нашей работы и нуждается в отдельном изучении.

Итак, фольклор современных солдат. Он закономерен и необходим. Это летопись жизни и самовыражение юношеской души, "отдушина", как говорили почти все опрошенные нами молодые люди. Это способ побыть наедине со своими мыслями и чувствами, когда вокруг все до предела обезличено и обобществлено: "В армии все пострижено, покрашено в черный (вар. — зеленый) цвет и посыпано песком"; "Все мы на одно лицо, все мы, словно с молотка". Одновременно это и способ общения с солдатами предыдущих и последующих поколений, со всеми, кто "в погонах и сапогах". Это и приобретение, и передача другим накопленного поколениями солдат житейского и духовного опыта.

Солдатский фольклор противостоит наскучившей серой обыденности, удручающему однообразию и пугающей суровости службы, помогает молодым людям справиться с тоской по дому, родным и любимым. Поэтому он в большей своей части сентиментален, романтичен и лиричен:

Здесь падают горькие росы,
Закон здесь армейский суров.
Здесь души особенно просят
Хороших и ласковых слов.
Вот и снова время подошло,
Я жду как бога почтальона,
Жду строчку нежную твою
Нетерпеливо и влюбленно.
Она придет как майский луч,
Меня согрев и растревожив...

Другая часть солдатского фольклора — комическая. Она всегл; немного с грустинкой, в ней преобладают ирония и самоирония:

Замполит мне — мать родная,
Старшина — отец родной.
Ну зачем семья такая?
Лучше буду сиротой!

Современный армейский фольклор — это память о детстве, прощание с юностью:

Мама, не ругай меня, я пьяный,
Я сегодня пил и буду пить,
Потому что завтра утром рано
Я уеду юность хоронить.
Без венков и процессий, в сапогах и пилотке,
Сбросив капельки пота с молодецких усов,
Я саперной лопаткой, сжав проклятия в горле,
Закопал свою юность средь московских лесов.

И в шуточном плане:

Цветы вянут в вазе,
А молодость — в противогазе.

Усвоение традиций девичьего песенника лишь частное проявление общей ориентации фольклора солдат на противоположный пол. Внешний мир, "гражданка", в сознании солдата не существует без подруги, девушки, которая его ждет или уже не ждет. С ее образом в сердце солдат слагает и переписывает песни, стихи, афоризмы:

И если все мои мечты
Собрать по дольке,
То в них одна лишь только ты —
Моя и только.

Он ориентируется на ее восприятие этого фольклора:

Открой блокнот, товарищ иль подруга,
И пробеги глазами по строкам.
Она написана в часы досуга
В тоске по дому, по родным местам...
Но если ты мужского пола
И чувств подобных ты не испытал,
Закрой блокнот и положи на место:
Не для тебя я это написал.

Но девушка может изменить, не дожидаясь солдата — отсюда черные краски в ее изображении, порой оно подчеркнуто карикатурно. В этом тоже расчет на ее восприятие: солдат разоблачает, мстит оружием сатиры:

Полфунта правды, два — коварства,
Семь фунтов тупости и лжи,
Нахальства десять килограммов,
Притворства двадцать два ведра,
Всего одна треть грамма чести
И постоянства один грамм,
К мужчинам жадности тонн двести,
Три тонны жадности к деньгам.
Теперь сложить все это вместе,

Добавить дури два мешка,
Поставить все в холодном месте —
И вот вам девичья душа.

Приведенное стихотворение пародирует кулинарный рецепт, а переписывать рецепты, пожалуй, чисто женское занятие.

Иногда в солдатских альбомах встречаются произведения, написанные от имени девушки:

Когда ты меня провожаешь домой,
Дорога пыльная наша
Мне кажется усталой тканью цветной,
Весеннего лучика краше.
Длинные расстоянья на шаре земном,
Дорог бесконечных много.
Зачем же, зачем же так близок мой дом
И так коротка дорога?

Для фольклора солдат характерен мотив слез, солдат изображается плачущим или собирающимся плакать:

Уходите, слезы, ведь нельзя иначе.
Улыбнись, солдат, гордые не плачут.
Прячь от всех на свете молодые слезы,
Ты хозяин жизни, а не куст мимозы.
Чтобы та девчонка, что тебя обидит,
Чистых слез солдатских никогда не видит.

Слезы становятся средством, соединяющим сердца друзей. Конечно, не в жизни (плачущий в армии несомненно стал бы предметом насмешек), а именно в фольклоре, в этой условной форме коллективного сознания. Слезы здесь — знак искренности, чуткости, верности:

Не в шумной беседе дружба познаются —
Они познаются порой,
Коль горе настанет — и слезы польются.
Друг тот, кто заплачет с тобой.
Повернулся он к тебе,
А в глазах стоит слеза.

Но наряду с этой излишней сентиментальностью в фольклоре солдат есть и нарочитая грубоватость, злая ирония, как в фольклоре мальчиков-подростков, не умеющих по-другому заявить о своей силе: "Любить девушку в письмах — все равно, что нюхать розу в противогазе"; "Солдат, помни: ты охраняешь покой того парня, который гуляет с твоей девушкой". Правда, в противоположность фольклору мальчиков-подростков здесь проявляются самоирония, взрослая грусть. Здесь мы сталкиваемся с интересным явлением: фольклор юношей, вчерашних мальчишек, ориентирован на восприятие девушками, подобно тому как материнский фольклор создается взрослыми, а предназначается детям.

Жанровая система фольклора современных солдат очень устойчива, довольно проста, что закономерно при традиционности армейского

жизненного, бытового уклада и ограниченности взаимодействия с другими видами фольклорного или профессионального творчества. Преобладают лирические, лиро-эпические и афористические (малые) жанры. Это песни типа баллад, "жестоких" и элегических романсов, шуточные, лирические стихотворения, афоризмы — философские и шуточные, прозаические и стихотворные, поздравления, пожелания, тосты. Особенно в солдатском репертуаре стоят анекдоты на армейские темы, не имеющие письменной формы бытования и, кроме тематики, ничем не отличающиеся от других современных анекдотов. Более того, анекдоты, бытующие в армии, могут рассказываться и за ее пределами с немалым успехом благодаря универсальности их жанровой формы, тогда как другие солдатские жанры исполняются на "гражданке" редко, только как воспоминание об армейской службе.

Состав тем, сюжетов и мотивов тоже чрезвычайно устойчив, очень слабо варьируется в зависимости от времени, географического региона и специфики среды бытования, например рода войск. Выделяются две главные темы: армейские будни и тоска по гражданской жизни.

В соответствии с этими главными темами солдатский фольклор создает как бы два мира, диаметрально противоположных и вместе с тем связанных между собой: это "гражданка" и армия. И тот и другой условны, это не реалистическое воссоздание действительности, скорее, это утопия и антиутопия.

"Гражданка" — мир покоя, веселья и вечного досуга, где царит весна, цветут сады, гуляют красивые девушки и среди них — твоя, гремит музыка (только не маршевая), рекой льются пиво и вино. Кажется, даже других времен года, кроме теплой и свежей весны и жаркого солнечного лета, здесь не может быть:

Вернусь к тебе однажды летом,
Святого счастья не тая.
Мир будет радостным и светлым,
Девчонка милая моя!

Или:

Зачем тебе терять два года юных,
Когда вокруг цветет зеленый май,
А за окном с гитарой шестиструнной
Толпа ребят — любого выбирай.

Так мало солдату надо для счастья, этот утопический мир настолько прост, неприхотлив, что в нем имеет положительную ценность даже само отсутствие армейских атрибутов. Если нет того, что есть в армии, то это, с точки зрения солдата, уже прекрасно:

Прекрасна ты, любовь солдата,
Без штык-ножа и автомата,
С букетом алых роз в руке.

Венчает этот идеализированный мир все понимающая, любящая мама, единственная женщина, в верности которой солдат не сомневается:

Два года пройдут незаметно,
Вернусь я в родные края,
И встретит меня на пороге
Любимая мама моя.
Но верю я, верю: вернусь я домой,
Где вишни цветут по весне над рекой,
И вскрикнет от счастья любимая мама:
"Вернулся, сыночек, родной, дорогой!"
Твоя девчонка выйдет замуж,
Еще и года не пройдет,
Лишь только старенькая мама
Солдата все два года ждет.

На то, что образ мамы условен, как и все в утопическом мире "гражданки", указывает и употребление общефольклорного штампа "старенькая мама", тогда как в реальности этот эпитет едва ли применим к маме современного солдата.

Мир "гражданки" охватывает собой все пространство, где сейчас нет солдата. Армия — мир, нарисованный черной краской: "Служба солдата — как погоны генерала: одни зигзаги и ни одного просвета"; "Жизнь солдата — это борьба: до обеда — с голодом, после обеда — со сном"; "За два года мы съедаем столько овса, что потом стыдно будет смотреть в глаза лошади".

Кто виноват, что ты устал,
Что недоел и недоспал,
Портянки плохо намотал,
Пришел с зарядки и упал?

В армии смещаются нормальные человеческие представления:

Здесь нет людей — одни солдаты,
Здесь нет зверей — одни сержанты.

Вариант:

Здесь нет людей — одни солдаты,
Здесь нет земли — один песок.
Здесь вместо женщин автоматы
И к ним пристегнутый рожок.

Человек должен измениться, чтобы приспособиться к антиутопическому миру: "Солдат должен иметь наглуемую морду, крепкий желудок и ни капли совести".

В стилизованной молитве солдат просит спасения от мира армии:

Да спаси меня, Господи,
От отбоя позднего,
От подъема раннего,
От тревоги батальонной,
От "губы" гарнизонной,
От старшины-беса,

От пайки-недовеса,
От овса и перловки,
От строевой подготовки...
Да приходи же скорее,
Пресвятая Богородица,
Мать Демобилизация.
Господи, прибавь нам получку
Да масла кучку...

Этот мир пространственно ограничен. Время тоже ограничено рамками настоящего, оно как бы остановилось и ощущается как бремя:

Запомни сам и передай другому:
Чем больше спишь, тем ближе к дому.

Или:

Масло съел — день прошел,
Старшина домой ушел.
Два яйца — прошла неделя.
Что бы нам такое съесть,
Чтоб два года пролетело?

Ощущение ускоренного течения времени дает в фольклоре прием обманного пересчета: 2 года переводятся в месяцы (24), в недели (104), дни (730), часы (17520), минуты (1051200) и секунды (63072000). Отмеренное в меньших единицах время кажется не таким уж и длинным. Солдат радуется своему самообману:

Шепнул на прощанье
Девчонке своей:
"Ведь это недолго —
730 дней!"

Антиутопический мир армии часто характеризуется через отрицание, например, в афоризмах матросов:

3 года — без водки,
36 месяцев — без пива,
156 недель — без друга,
1096 дней — без ласки,
26304 часа — без дома,
15782240 минут — без девушки,
94624400 секунд — без мамы!

Отсутствие чего-то жизненно важного в антиутопическом мире может выражаться не прямо, а косвенно: "Дайте солдату точку опоры — и он уснет, дайте солдату свободу — и он напьется".

Армия и "гражданка" в фольклоре солдат — противоположные миры. Солдат сравнивает жизнь с книгой ("гражданка"), из которой вырваны на самом интересном месте (армия) два листа. Есть произведения, построенные целиком на противопоставлении армии и "гражданки":

Поднимаясь с постели спокойно,
Ты мечтаешь о чем-то своем.

А я пулей слетаю с постели
По тревожной команде "Подъем!"
На учебу идешь ты спокойно —
Я бегу в это время на плац.
Ты гуляешь по улицам вольно —
Я в наряде стою в этот час.
Ты под музыку танец танцуешь —
Я бегу установленный кросс.
Ты прическу себе выбираешь —
Я полгода хожу без волос.
Интересные книги читаешь —
Я же, стоя, уставы зубрю.
Вечерами по парку гуляешь —
Ну, а я на поверке стою...

Эти два мира противопоставляются не только в реалистическом плане, но и в символическом:

У нас апрель — у вас апрель:
Одна и та же дата.
У вас в руках букет цветов,
У нас же автоматы.

Наличие чего-то общего (здесь — одна и та же дата) только подчеркивает контраст в главном, существенном. В другом примере символы армии и "гражданки" обозначаются одним и тем же словом:

Наступит день, и мы вернемся,
И будут нам сиять издалека
Не звезды на погонах замполита,
А звезды на бутылке коньяка.

Фольклор солдат пытается смоделировать картину, которая получится при перенесении черт, присущих одному из миров, на другой. Так, в нескольких лирических песнях противопоставляются безрадостная, тяжелая служба солдата и ее приукрашенное описание в солдатском письме. Солдат скрывает от матери суровую правду Афганистана, чтобы не заставить ее страдать. Таким песням свойственна назидательность, ложь сына ради спокойствия матери считается святой:

Пришла повестка из военкомата,
Ее вручили матери моей.
Всплакнула мать: сынок идет в солдаты,
Видать, такая участь сыновей.
Писал ей часто, чтоб не волновалась:
"Служу исправно, здесь красив пейзаж.
Не чувствую армейскую усталость,
Купаюсь в море — здесь прекрасный пляж".
А наяву от зноя сохнут губы,
На сотни верст — ни капельки воды,
От пыльной бури кожа стала грубой
И схожа с цветом каменной гряды.

А мать писала: "Что дают на ужин?
На чем ты спишь и в комнате какой?"
Не знала мать, что я уже контужен,
Что вел с душманами неравный бой.
И хорошо, пусть горя мать не знает
И спит спокойно и в метель, и в дождь.
Сыновнюю неправду мать прощает.
Простит ли мне мою святую ложь?

Солдат пытается представить себе, что будет, если элементы жизни армии перенести на "гражданку":

Скоро снова я вернусь на гражданку.
Погуляю немного, женюсь.
Закачу я веселую свадьбу
И на ней до упада напьюсь.
Я жену приучу к распорядку,
Будет знать, что такое подъем,
Будет пулей лететь на зарядку,
Будем бегать с ней кроссы вдвоем.
Даже дети, когда они будут,
Пройдут курс молодого бойца,
А впоследствии будут гордиться,
Что имеют такого отца.
Чтоб жена не боялась работы,
Чтоб хорошей хозяйкой была,
Будем делать ночные тревоги,
Чтоб летала она, как стрела.
Возле дома расчищу площадку,
Строевым всех заставлю ходить.
Невзирая на холод и стужу,
Их на тактику буду водить.
Возле дома нарою окопов,
В караул я поставлю семью.
Нарушителей всех арестую
И в подвале устрою "губу".
А когда подойдет воскресенье,
Всю семью я поставлю в наряд,
Ну а сам я пойду в увольнение,
Как обычный советский солдат.

Однако будет неверным считать, что фольклор солдат пропитан духом ненависти к армии. Служба в армии понимается как тяжелая необходимость, только армия обеспечивает существование идеализированного мира "гражданки":

За крики всех новорожденных,
За луг, несущий аромат,
За беззащитных и влюбленных —
За все в ответе ты, солдат.

Чтоб слез не лили милые глаза,
Чтоб матери от горя не седали
И не назрела новая война,
Надели мы солдатские шинели.

Когда наступит час,
Когда вино в бокалах запыхает,
Прошу один бокал поднять за нас,
За тех, кто далеко от вас
Любовь и счастье охраняет!

По-настоящему оценить "гражданку", с точки зрения солдат, может лишь человек, познавший армейскую службу. Эта мысль встречается в солдатском фольклоре довольно часто и преподносится как аксиома:

Кто не знает тяготы сапог,
Тот не знает прелести "гражданки".
Эх, армия — чужая сторона,
Два года глухо словно в танке.
Но все-таки нам армия нужна,
Чтобы понять все прелести "гражданки".

С поэтической стороны творчество современных солдат неоднозначно. Разные произведения (даже варианты одного и того же) отличаются разной степенью художественного совершенства. Это неудивительно: "соавторами" коллективного творчества оказываются не только талантливые, чуткие к слову ребята, но и бездумные переписчики, способные только упростить и испортить услышанное.

Поэтика фольклора современных солдат сформировалась во многом под влиянием профессиональной поэзии. Эта особенность роднит его с подростковым фольклором и со всеми поздними жанрами народного творчества, возникающими и существующими в культуре параллельно с профессиональным искусством, с литературой. Ярче всего это сказалось на стиховой организации солдатского фольклора. Он создается в силлабо-тонике в отличие от традиционного народного тонического стиха. Из размеров преобладает ямб, придающий произведению более возвышенный, романтический настрой, но есть и хорей, столь любимый детьми. Короткие изречения, чаще всего четырехстрочные. Большие стихотворения делятся на четверостишия, в песнях есть повторы стихов и куплетность, припевы. Рифма имеет самостоятельную художественную значимость. Среди типов рифмовки преобладают смежная и перекрестная. Смежная заимствована из детского фольклора (считалки, дразнилки, мирилки, подделки и т.п.). Приведем текст, в котором от детского фольклора взята не только смежная рифмовка, но и принцип присоединения первой строчки, почти бессмысленной, только ради рифмы. Исполнитель как бы делает на ней ритмический разбег. Бессмысленность ее подчеркивает нелепость всего, о чем здесь говорится, несуразность самого предмета изображения:

Сосна вместо елки,
Сержант вместо телки,
Парад вместо пьянки,
Отбой вместо гулянки.

Перекрестная рифмовка более книжная и потому сложная. Встречается и облегченный тип перекрестной рифмовки, как в частушках: рифмуются только четные стихи, что говорит об экспромтном характере произведений:

А дни идут, а дни летят	А
За горизонт в закатном свете.	Б
Я жду письмо твое. Так жду,	В
Что ты не можешь не ответить.	Б

Профессиональная поэзия оказала и более конкретное воздействие на творчество современных солдат: наблюдается прямое заимствование из литературы или творчество по конкретному образцу. И это вполне понятно: в армию приходят люди, у которых за плечами по меньшей мере среднее образование. Это влияние проявляется в аллюзиях из классической, "высокой" поэзии, переделках хрестоматийных стихов русских поэтов, чаще всего романтического направления:

Ты верь, солдат, взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Настанет дембель, и тогда
Заплачет девушка от счастья.

Пушкинский романтизм отвечает духу солдатского творчества. Качество этой переделки, как и многих других, невысоко. Здесь к двум взятым почти без изменений строкам юный поэт как бы наскоро добавляет две свои, не боясь тавтологии, не особенно заботясь о рифме и уж, конечно, в своем искреннем порыве не замечая вопиющего стилевого диссонанса: "пленительное счастье" — и "дембель". Другой вариант этого текста более полный и близкий к литературному источнику — стихотворению Пушкина "К Чаадаеву". Далее вклинивается переделка стихотворения "В Сибирь". Это неожиданно, но вполне объяснимо сходной ритмикой обоих источников:

Солдат, ты верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Пройдет два года, и тогда
Из древних списков нашей части
Исчезнут наши имена.
Солдат, ты верь, придет и он:
Приказ Министра обороны.
Казармы рухнут, и свобода
Нас встретит радостно у входа.
И на обломках КИП
Напишем буквы — "Д М Б"!

В другой переделке послания "В Сибирь", очень близкой к источнику, высокий пафос нарочито снижен бытовой, низменной, дающей комический эффект концовкой:

Часы тяжелые пробьют,
Темница рухнет, и свобода
Нас примет радостно у входа,
И нас на ужин поведут.

При переделках отдельных литературных цитат сохраняется их ритмика, стилистические приемы и некоторые слова, но смысл изменяется. Так, некрасовская антитеза стала удобной стилистической формулой:

Умом ты можешь не блистать,
А сапогом блистать обязан.

Более удачны стихотворения солдат, не ориентированные на конкретный литературный источник, а подражающие стилю того или иного поэта. Есть среди нашего материала прекрасная "лесенка" в духе Маяковского:

Люблю всего три слова я:
Кино,
отбой,
столовая!

Не меньшее влияние на солдатскую поэзию оказала массовая культура. Приведем в качестве примера переделку эстрадной песни А. Пугачевой "Журавлик":

Тишина стоит в казарме, улеглись все "старики",
Только маленький "салага" умирает от тоски.
Он на "деда" смотрит нежно и качает головой:
"Я хочу с тобой на "дембель", ты возьми меня с собой!"
А "старик" сказал "салаге": "Ах, зеленый ты нахал!
Ведь сейчас идут на "дембель", кто два года отпахал.
А твой "дембель" — как в тумане, потерпи еще, родной!
Вот отпахнешь ты два года и вернешься сам домой".

В фольклоре современных солдат есть и несерьезное, пародийное использование литературных источников, в частности "взрослых" песен (патриотических, лирических). Пародийность содержания и формы воспринята от детского фольклора. Но если последний пародирует жизнь и искусство взрослых, то творчество солдат отчасти самопародия: они по-детски иронизируют над самими собой как над взрослыми, психологически примеряя на себя взрослую одежду. Такие произведения изображают армейскую жизнь гротескно, преувеличивают ее жестокость:

Мы сегодня до зари встанем,
На зарядку побежим строем.
Каждый день мы так встаем рано,
А сегодня не смогли трое.

П р и п е в:

Кто-то в поле упал
И не выдержал тактики,
Кто-то в бане примерз у стены.
Просыпаемся мы,
И грохочет над криками
"Рота, подъем!" —
Это голос отца-старшины.

Бьют дождинки по груди впалой,
А сержанты все кричат: "Мало!"
Не решетка на окне — рама.
Почему же как в тюрьме, мама?

Обещает быть весна скорой,
Только я не доживу, знаю.
Нас осталось человек сорок,
Да и те уже помрут к маю.

Связь солдатского фольклора с литературой, эстрадной и самодеятельной песней, массовой культурой нуждается в дальнейшем тщательном изучении, в сравнении с источниками, вариантов между собой, в проникновении в стилистику произведений.

В жанрах современного армейского фольклора наряду с литературным влиянием мы находим и художественную форму, выработанную фольклорной традицией. Она используется в народной песне, частушке, малых жанрах фольклора, детском и подростковом творчестве. Но в фольклоре солдат эти стилистические приемы выражают иное содержание: "Жизнь нас учит всему, даже смеяться сквозь слезы".

Самоирония, грустная, спокойная или жестокая ирония над ситуацией, в которую попал лирический герой, — одно из главных свойств стихов, песен, изречений солдат. При этом в них может быть больше грусти или больше юмора. Ребята с помощью фольклора пытаются психологически подготовить себя к худшему для них, например, к тому, что любимая девушка не дождется. Неверность солдатской подруги выводится в фольклоре как закон человеческой природы, на который нельзя роптать:

Когда девчонке восемнадцать,
А парню дембель через год,
То больше нечего бояться:
Его уже никто не ждет.

Верность же осмысливается как приятное и неожиданное исключение из этого закона:

Парень встретил девушку — это история,
Они полюбили друг друга — это роман,
Парень ушел в армию — это трагедия,
Девушка дождалась парня — это фантастика!

В иронических произведениях наиболее значимым стилистическим приемом является развернутое сравнение. С его помощью солдат определяет свое отношение к важным для него понятиям. Причем предмет сравнения относится к миру армии, а то, с чем сравнивают, — к миру "гражданки", или наоборот:

"Армия — это школа. Но, как ни учишь, все равно на второй год оставят"; "Армия — это факел, на котором медленно сгорает молодость"; "Солдатский ремешок — как любовь девушки: чем ближе к дому,

тем слабее"; "Любовь — пуля, попадающая в сердце, бьющая по карману и выходящая боком".

Жизнь — это трудный экзамен,
Да жаль, расписания нет,
И часто мы выбираем
Невыученный билет.

Предметом развернутого сравнения часто бывает девушка, а сравнивают ее с чем-то приземленным: предметами обихода, оружием, средствами транспорта и т.п. Стилистическое снижение образа подруги помогает менее остро переживать разлуку, измену:

"Не гонись за девушкой, как за трамваем. Помни: сзади идет другой"; "Девушка (по вариантам — жена) как чемодан без ручки: нести тяжело, а выбросить жалко"; "Девушка как парашют: может отказать, поэтому нужно сшить запасной".

Иногда сравнение разворачивается в целое стихотворение-матригал:

ЗИЛ-130

Как ЗИЛ-130, ты красива,
Как шины, грудь твоя полна,
Как датчик масла, ты правдива,
Как обличовка, хороша!
Твои глаза, как фары светят,
Как диафрагма, дышит грудь,
Как диффузор, трепещут губы,
Когда хочу поцеловать.
Ты горяча, как радиатор,
Ты без зарядки хороша.
Клянусь катушкой зажигания,
Клянусь я ручкой заводной:
До капитального ремонта
Мы не расстанемся с тобой!

Штампом солдатского афористического фольклора стало сопоставление девушки с автоматом: солдат обнимает, прижимает к груди, держит в руках автомат, юноша на "гражданке" — девушку: "Юность — прекрасное время, если в твоей руке не автомат, а рука любимой девушки"; "Люби свой автомат: он не девушка, не подведет".

Здесь нет людей — одни солдаты,
Здесь нет любви — одна тоска,
Здесь вместо женщин — автоматы
С блестящим лезвием штыка.

А когда на "гражданке" ребята
Вечерами целуют девчат,
Я стою на посту и мечтаю,
Прижимая к груди автомат.

Сравнение может соединяться с антитезой: "Для солдата праздник — что для лошади свадьба: голова в цветах, а шея — в мыле". Антитеза употребляется и самостоятельно, играя важную роль: "Редко солдат уходит в армию, не имея девушки, — реже приходит, имея ее". В данном примере противопоставление первой и второй частей изречения подчеркивается употреблением одних и тех же и однокоренных слов. Прием антитезы характерен для афоризмов философской тематики, он вскрывает контраст подлинных и мнимых духовных ценностей человека, внешнего, поверхностного, и внутреннего, сущностного:

Чтоб мудро жизнь прожить,
Знать надобно немало.
Два правила запомни для начала:
Ты лучше голодай,
Чем что попало есть,
И лучше будь один,
Чем вместе с кем попало.

Антитеза может быть осложненной: противопоставляются не два, а три компонента. Так, о службе в армии говорится:

Кто был — помни,
Кто не был — радуйся,
Кто будет — вешайся.

Употребление метафор не характерно для солдатского фольклора за исключением шуточных изречений: "Если девчонка доверила ключи от сердца, то будь уверен, что завтра она сменит замок". На обыгрывании метафоры строится шуточный рецепт: "Если тебе изменит девушка, отколи полкопейки, положи в конверт и напиши: "Оцени себя и вышли сдачу!"

Используется и оксюморон, построенный на столкновении значений одного и того же слова в литературном языке и в солдатском жаргоне: "Армия — это единственное место, где "молодой" хочет стать "дедушкой".

Если в этом изречении опустить слово "армия" и из утверждения сделать вопрос, перед нами была бы традиционная народная загадка в форме шуточного вопроса. Еще более типичны в солдатском репертуаре шуточные ответы: "Почему в армии нет КВН? Потому что веселых там нет, а находчивые туда не попадают. (Потому что все веселые на "губе", а находчивые — в санчасти.)" Подобные вопросы любимы и детским фольклором. Близки к этому типу изречений шуточные рифмованные определения, по своей стилистике сходные с определениями из традиционного школьного творчества (типа: "часть речи, которая упала с печи..."):

Часовой — это живой труп,
Завернутый в тулуп,
Проинструктированный до слез
И выставленный на мороз,
Во все стороны смотрящий:
Не идет ли разводящий?
Автобат — это такая тайная организация,
Где поздно ложатся и поздно встают,
Ничего не делают, но всегда устают.

Распространен также прием переделки известной пословицы, при этом смысл ее может либо уточняться, либо принципиально изменяться — тогда фольклор солдат оспаривает прописные истины: "Сколько моряка ни корми, все равно на гражданку смотрит"; "Ученье — свет, а неученье — приятный полумрак".

Интересное поэтическое явление солдатского творчества — стилизации архаичного стиля, приписывающиеся известному историческому лицу. Здесь проявляется действительно незаурядное мастерство создателей. Таков указ, написанный якобы Петром I: "Бабу или иную какую тварь на корабль не пускать. А если и пускать, то по одной на брата. Дабы не было сумятцы. В иноземных портах моряков на берег не пускать, ибо дело они свое знают: напьются так, что слова доброго от них не услышишь, и драку учинят всемирную (Петр I)".

Офицерам солдатский фольклор приписывает множество смешных высказываний, которые мы публикуем в Приложении. Они основаны на имитации глупости, прямолинейности, невежества или случайных речевых оговорок, нарушении стилевых норм. Это достигается при помощи игры слов, их значений, смешения или разрушения пословиц, фразеологизмов.

Наконец, несколько слов о "жестоком романсе", примеры которого наряду с другими видами песен есть в Приложении. Лирико-эпическая песня типа "жестокое романса" с трагической развязкой и дидактическим выводом в конце пышным цветом расцвела на фоне тяжелых условий быта, опасностей, тревог, тоски, разочарований. Этот жанр представляет собой солдатский эквивалент "жестокых романсов" девочек-подростков, с их сентиментальностью, мелодраматизмом. "Жесткие романсы", как нам представляется, рождаются и бытуют в детской среде независимо от подобных жанров "взрослого" фольклора (как и детские частушки, детские анекдоты и т.п.). Наиболее универсален сюжет о девушке, которая разлюбила солдата, и тот сводит счеты с жизнью:

И тишину ночную выстрел оборвал,
Мальчишка тот вдруг тихо на землю упал,
А перед ним лежал разорванный листок:
"Любовь сильна, а мир жесток".

На примере этого жанра особенно отчетливо видна двойственность, о которой говорилось выше: солдаты пытаются общаться со своими подругами на свои (армейские, мужские) темы, но как бы на их (гражданском, девичьем, детском) языке.

Поэтику фольклора современных солдат необходимо изучать, постичь ее пестроту и в то же время определенную целостность, исследовать поэтическую систему каждого жанра — композицию, систему образов, остановившись отдельно на образе лирического героя, стилистическое своеобразие, организацию стиха. Выявить закономерности внутрижанровой эволюции и взаимодействия жанров. Особо следует остановиться на изучении солдатского блокнота и дембельского альбома как рукописных фольклорных собраний, рассмотреть их функции, структуру, соотношение в них фольклорных и нефольклорных текстов. Все это поможет сделать выводы о роли фольклора в современном мире, его особенностях, отношении к профессиональному искусству и массовой культуре.

Творчество солдат срочной службы — явление традиционное и оригинальное, это законсервированный фольклор детей, которые еще не осознали, что выросли, и тоскуют по своему детству.

Автор выражает признательность исполнителям, пожелавшим остаться не названными, и собирателям (их имена указаны в Приложении) и благодарит всех за бескорыстную помощь, поддержку и ценные советы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. СОЛДАТСКИЙ "ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ"

АРМИЯ — это сон, и не дай Бог, он еще раз приснится.

Варианты: *Армия* — два года над пропастью.

Армия — безумный мир.

БАНЯ — каким ты был, таким ты и остался.

Варианты: *Баня* — в мире животных.

Баня — хочешь жить — умей вертеться.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОВЕРКА — никто не хотел умирать.

ВРАЧ — убийца в законе.

ВСТРЕЧА С ПАТРУЛЕМ — обратной дороги нет.

ВТОРОЙ ГОД СЛУЖБЫ — веселые ребята.

ВЫЗОВ К КОМБАТУ — иду на грозу.

ГОСПИТАЛЬ — у Христа за пазухой.

ГРАЖДАНКА — как прекрасен этот мир.

"ГУБА" — укрощение строптивых.

Вариант: *"Губа"* — как закалялась сталь.

"ДЕД" — конбой на отдыхе.

ДЕЖУРНЫЙ ПО РОТЕ — ночной призрак.

ДЕЖУРНЫЙ ПО СТОЛОВОЙ — праздник живота.

ДЕЖУРНЫЙ ПО ЧАСТИ — Иван Грозный.

Варианты: *Дежурный по части* — гончая собака.

Дежурный по части — зоркий глаз.

ДЕМБЕЛЬ — свет далекой звезды.

Вариант: *Дембель* — это сладкое слово "свобода".

ДЕМБЕЛЬ (в значении солдат) — джентльмен удачи.

ДНЕВАЛЬНЫЙ ПО РОТЕ — спящая красавица.

ЕФРЕЙТОР — путь на арену.

ЖЕНИТЬБА В АРМИИ — история одной глупости.

ЗАВТРАК — пир хищников.

ЗАРЯДКА — игра в прятки.

Вариант: *Зарядка* — казнь на рассвете.

КАЗАРМА — хижина дяди Тома.

КАПТЕРКА — остров сокровищ.

КАРАНТИН — Али-баба и сорок разбойников.

КАРАУЛ — а зори здесь тихие.

КИНО — луч света в темном царстве.

КРОСС — никто не хотел умирать.

КУРИЛКА — хочу все знать.

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ — есть в жизни счастье.

"МОЛОДОЙ" — приказано выжить.

НАРЯД ПО РОТЕ — три мушкетера.

ОБЕД — борьба за существование.

Вариант: *Обед* — штурм Зимнего.

ОТБОЙ — я люблю тебя, жизнь.

ОТПУСК — десять дней, которые потрясли мир.

Вариант: *Отпуск* — один шанс из тысячи.

ОФИЦЕР — жизнь прошла стороной.

ПАТРУЛЬ — три богатыря.

Варианты: *Патруль* — слуги дьявола.

Патруль — их знали в лицо.

ПЕРВЫЙ ГОД СЛУЖБЫ — без вины виноватые.

ПИСЬМО ДЕВУШКЕ — повесть о настоящем человеке.

Вариант: *Письмо девушке* — записки сумасшедшего.

ПИСЬМО СОЛДАТУ — меня еще помнят.

ПОВАР — человек, которого любят.

Вариант: *Повар* — кому на Руси жить хорошо.

ПОВЕСТКА — черная метка.

ПОДЪЕМ — возвращение из рая.

Вариант: *Подъем* — зачем я на свет родился.

ПОЛИТЗАНЯТИЕ — тихий час.

Вариант: *Политзанятие* — не храпи, разбудишь соседа.

ПОЛУЧКА — смешные люди.

Вариант: *Получка* — бешеные деньги.

ПОСТРОЕНИЕ — вечный зов.

ПОСЫЛКА — шкура на троих.

ПРИЗЫВ — прыжок в бездну.

ПРИЗЫВНИК — изгнанник из рая.

ПРИКАЗ (о демобилизации) — шаг в будущее.

ПРИСЯГА — смех сквозь слезы.

ПРОВОДЫ (в армию) — тысяча и одна ночь.

ПЬЯНЫЙ — по тонкому льду.

РАЗВОД НАРЯДА — место встречи изменить нельзя.

РАСПОРЯДОК ДНЯ — чертова карусель.

РОТНЫЙ — укротитель тигров.

САМОВОЛКА — подвиг разведчика.

Вариант: *Самоволка* — опасные гастроли.

САНЧАСТЬ — у Христа за пазухой.

СОЛДАТ — это футбольный мяч, которым играют с утра до вечера.

Вариант: *Солдат* — человек без паспорта.

СОН НА ПОСТУ — тревожное счастье.

СПОР СО СТАРШИНОЙ — вызываю огонь на себя.

СТАРШИНА — собака Баскервилей.

Варианты: *Старшина* — большой души человек.

Старшина — волк на псарне.

СТОЛОВАЯ — люди и звери.

СТРОВАЯ ПОДГОТОВКА — хождение по мукам.

ТАКТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ — поле чудес в стране дураков.

ТРЕВОГА — крик сумасшедшего в ночи.

Вариант: *Тревога* — играют мальчики в войну.

УБОРКА — равномерное размещение грязи.

УВОЛЬНЕНИЕ — вам и не снилось.

УТРЕННИЙ ОСМОТР — следствие ведут знатоки.

2. СМЕШНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, КОТОРЫЕ ПРИПИСЫВАЮТСЯ ОФИЦЕРАМ

А. Приказы, требования, наставления

- Копать окоп от меня и до обеда!
- Сегодня копаем от забора до ужина. С лопатами я уже договорился.
- Короткими перебежками от меня до следующего дуба!
- Доложить о наличии людей. Кто не все — того накажем!
- Всех отсутствующих построить в одну шеренгу!
- Или вы прекратите курить — или одно из двух!
- Как вы строитесь? Бегите один по одному!
- Эй, вы, трое! Оба ко мне!
- Возьмите устав и перепишите наизусть.
- Не тяните резину в долгий ящик.
- Взвод! Спиной друг к другу в шахматном порядке по диагонали становись!
- Рота! На помойку в баню становись!
- Молчать! Я вас спрашиваю!
- Если хотите что-то сказать, стойте и молчите!
- Сегодня сдать все имущество во главе со старшиной!
- Здесь вам не тут: здесь вам быстро отвыкнут водку пьянствовать и безобразия нарушать!
- Живете, как свиньи в берлоге!
- Ты у меня смотри! Я где нормальный, а где и беспощаден.
- Что вы мотом ругаетесь? Как маленькие дети!
- Что у вас за вид, товарищ курсант: брюки не глажены, ботинки не чищены, морда не брита? Как пятилетний!
- В каком вы виде, товарищ курсант? Перед вами целый майор стоит!
- Товарищ курсант, не делайте умное лицо! Не забывайте, что вы — будущий офицер!
- Я ведь знаю, что у вас вместо головы — задница. Поэтому все должно быть в записных книжках, вот как у меня.
- Отпустите меня в увольнение! — Зачем? — Куплю дипломат. — Зачем дураку дипломат? Ты меня хоть раз с дипломатом видел?
- Что за свинья прошла здесь? Корова, что ли?
- Не каждый дурак может учиться в военной академии, а я ее кончил.
- У меня здесь ничего нет (показывает прическу), и у вас ничего не должно быть!

- Когда вы попадете в плен, вас будут долго бить, а вам и сказать будет нечего, и вовсе не потому, что вы такой стойкий, а просто вы ничего не знаете.
 - Вы всегда должны помнить: все, что бы вы ни делали, вы делаете неправильно.
 - Товарищ курсант, что у вас за форма? Как корова языком постирала!
 - Что вы спите, стоя на ходу?
 - Ты что со штативом делаешь? Если тебе все три ноги раздвинуть!
 - Как вы ходите? Удар должен быть одновременный под срез сапога товарища.
- Почему у вас в тумбочке бардак валяется?
- Кто там газету читает, не вижу фамилии?
 - Вам бы все булочки, девочки и сметана.
 - Это вам чревато боком.
 - Сейчас разберусь как следует и накажу кого попало.
 - Вывести бы вас в чисто поле, поставит лицом к стенке, да пулю в лоб!
 - Начищенные до блеска сапоги надо ставить в изголовье ног.
 - Сапоги нужно чистить с вечера и утром надевать на свежую голову.
 - Лицо на фотографии должно быть квадратным.
 - Все пуговицы должны быть пришиты намертво, как шлагбаум.

Б. Жизненные наблюдения, учебные разъяснения

- По команде "отбой" наступает темное время суток.
- Командир батальона пешком не ходит: он берет с собой ГАЗ-69 или зампотеха.
- Когда курсанта вызывают, он должен встать и покраснеть.
- Каждый курсант должен быть либо наказан, либо поощрен.
- Голова у солдата — чтобы думать, а мозги — чтобы соображать.
- На этот счет существует два мнения: одно мое, другое — ошибочное.
- Хоть эта книга и художественная, но читать ее можно.
- Что такое решетка? Это металлический лист с прорубленными в нем отверстиями.
- Овал — это круг, вписанный в квадрат со сторонами два на четыре.
- Скоростная укладка парашюта приводит к скоростному спуску.
- Рулевое управление служит для поворота налево, направо и в другие стороны.
- Автомат ставится на колено левой руки.
- Диаметр отверстия — 2,4, точнее — 3,8.
- Воздух отсюда попадает в атмосферу, точнее, в вентиляционный короб.
- Кабина у машины деревянная, обита металлическим железом.
- Книзу к аппарату приваривается отверстие.
- Машину надо мыть горячей водой, так как уменьшается липучесть атомов.
- Товарищи курсанты! "Пи" — это иррациональное число, а иначе оно равно 3,14.
- Дозорная машина высылается вперед на расстояние зрительной памяти.
- Сигнал к атаке — три зеленых свистка.
- Близлежащий личный состав...
- Выступаем вечером на рассвете.
- Взвод выходит на опушку деревьев.
- Хвойный лес горит лучше, чем лесистый.
- Автомат работает так: раз, два, три — и вас нет.
- Танки наступают небольшими группами: по два-три человека.
- Пусть число танков равно "к"; нет, "к" мало, возьмем "м".
- Если вы будете блудить — пушу ракету.
- А что вы думаете, вот война придет, а майора Скерчерова там не будет, нет.
- После окончания стрельб боевые и учебные патроны должны быть приведены в исходное положение.
- Строевая подготовка — это вам не высшая математика, на арапа не возьмешь.
- Военная тайна — не в том, что вы изучаете, а в том, что это изучаете вы.

3. ПЕСНИ

1. Орден

Мне старушка одна на вокзале, поохав, сказала:
"Как не стыдно, сынок, свою жизнь начинаешь с обмана!
Где-то орден купил, нацепил и бахвалишься людям!
Сам такой молодой, только совести грамма не будет.
Весь такой загорелый, видно, с отдыха, с жаркого юга.
Там на папины деньги гулял, веселился бездумно.
Ты сними, не позорь, не позорь фронтовые седины!
Что ты знаешь, сынок, о войне? Ничегошеньки, милый!"
Что ответить старушке седой? Не обидеть бы старость.
А слова оправдания не лезут, как будто бы в тягость.
Только орден рукою прикрыл, чтоб обидой не пачкать,
И вдруг вспомнил афганское небо, это небо прозрачное.
Я бы мог рассказать той старушке, как плакали горы,
Как снега вдруг краснели от яркой рябиновой крови,
И как горные реки топили последние крики,
И как небо швыряло на землю горящие "МИГи".
А еще расскажу, как врывается горе в квартиры,
Как безумную мать не могли оторвать от могилы,
И тогда ты, старушка, поймешь и меня не осудишь.
Ордена, как у нас, на базаре не встретишь, не купишь.

2

Здесь вам не гражданка, здесь климат иной,
Отсюда не каждый приходит домой,
И даже с больничной койки пишут: "Здоров".
А все почему? А все потому,
Что горы в Афгане — не горы в Крыму,
И здесь тревога — лучший из докторов.
Она поднимает с постели нас,
Дает оружие и приказ:
"Давай, солдат, вперед, на большие дела!"
Надеемся только на автомат,
На руки друга и пару гранат,
И молимся, чтобы машина не подвела.
Под свистом пуль и светом ракет,
Летающих в небе, как стаи комет,
Мечтают мальчишки, России далекой сыны:
Кордон пересечь и в землю не лечь,
И горе друга не скинуть с плеч,
Чтоб люди вставать по утрам без опаски могли.
Кто здесь не бывал, тот не рисковал,
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже он где-то и звезды хватал из тьмы.
А дома не встретишь, как ни тянись,
За всю свою короткую жизнь
Десятой доли того, что увидели мы.

3. Здравствуй, мама!

"Здравствуй, мама!
Я опять пишу письмо.
Здравствуй, мама!
Все, как прежде, хорошо.
Светит солнце, все нормально,
Все, как прежде, хорошо.

Все нормально,
Над горой стоит туман.
Здесь не страшно,
Просто здесь Афганистан.
Знаешь, мама, здесь не страшно,
Просто здесь Афганистан.

Как там дома?
Как у всех идут дела?
Ты бы, мама,
В гости Люду к нам звала.
И скажи ей, что вернусь я,
Чтоб она меня ждала".

...Мать читает,
А в глазах стоит туман.
Мать читает:
Все здесь ложь, один обман.
Мать не в силах оторваться
От могильного холма.
Сын в земле — а на ладонях
Листик этого письма.

Лишь вчера осенним ветром
Горе стукнуло в окно,
А сегодня на рассвете
Почтальон принес письмо.

В нем живой он засмеется
И так хочет дома жить!
Здравствуй, мама, здравствуй, вечность!
Мы не вправе их забыть.

4. Я ухожу

Шумит сосна, река жемчужная течет,
А вдоль реки парнишка с девушкой идет.
Они идут и замедляют каждый шаг,
А у того парнишки слезы на глазах.

"Я ухожу, — сказал мальчишка ей сквозь грусть. —
Ты меня жди, два года жди, и я вернусь".
Ушел совсем, не встретив первую весну,
Домой пришел в солдатском цинковом гробу.

Всего лишь час он до рассвета не дожид,
Упал на снег и землю кровью оросил,
Упал на грудь не в дни войны, а в мирный час,
Когда весна звезду любви зажгла для нас.

Он, как и все, с одной девчонкою дружил,
Дарил цветы и на свиданье к ней ходил.
А в этот миг, когда на белый снег упал,
Он имя той девчонки кровью написал.

Развевает ветер над границей черный дым.
Девчонка та идет по жизни уж с другим,
Девчонка та, что обещала: "Подожду!"
Пришла весна, исчезло имя на снегу.

Рыдает мать, и, словно тень, стоит отец,
Ведь он для них еще по-прежнему юнец.
А сколько их, не сделав в жизни первый шаг,
Пришло домой в солдатских цинковых гробах!

5

Вечер опускается на лагерь,
И давно уже пробит "отбой".
Лишь один солдат не спит, а плачет,
Горько плачет над своей судьбой.

Привезли вчера его Наташку,
Привезли из девушек одну.
Говорят, что мать с отцом убила.
Расстрелять приказано ему.

А наутро выдали патроны,
Дали новый черный автомат.
"Ты пойдём, пойдём со мной, Наташка,
Лишь один вернись назад".

Она села у березы белой,
Улыбаясь, не отводит взгляд.
"Ты беги, беги, моя Наташка,
Я скажу: заклинил автомат".

Но она с улыбкой отвечала:
"Никуда я, милый, не пойду.
Видно, у меня судьба такая.
Буду ждать тебя по-прежнему".

Прогремели выстрелы над рощей,
И сердцам уж больше не стучать.
А наутро под березой белой
Их два трупа рядышком лежат.

6

Осенний ветер обрывает
С березы желтую листву.
В солдаты парня провожают,
Девчонка вытерла слезу.
И вот, прощаясь у вокзала,
Ее стал нежно целовать,
Ну а девчонка обещала,
Что все два года будет ждать.

Года, как птицы, пролетают,
Солдат надеждою живет,
Что где-то милая, родная
Солдата все два года ждет.
Но вот однажды среди ночи
Письмо солдату принесли,
А на листке всего две строчки:
"Я вышла замуж, извини".

Вот вам история такая,
Она случилась наяву,
Как будто всем напоминает
Собою истину одну:
Девчонка ваша выйдет замуж,
Еще и года не пройдет,
И только старенькая мама
Солдата все два года ждет.

7. Ты моя отрада

Золотилось поле полосой несжатой,
Обнимал девчонку парень с автоматом.
Говорил он: "Оля, ты моя отрада,
Ты моя отрада, мне другой не надо".

На прощанье Оля скажет "до свиданья"
И подарит сына парню на прощанье.
Но не знала Оля, что в далеком крае
Ждет солдата-мужа женщина другая.

И, качая сына, Оля напевала:
"Спи, моя малютка, спи, моя отрада.
Я не виновата, что люблю солдата,
Что люблю солдата, парня с автоматом".

И теперь уж Олю больше не обманешь,
И в кусты сирени больше не заманишь.
Оленька родная, ветка золотая,
Не влюбляйся, Оля, паренька не зная.

8

Мы из дома ждем крылатых писем,
Вспоминаем девушек знакомых.
Это ничего, что мы с тобою
Далеко живем теперь от дома.

Будет еще небо голубое,
Будут еще в парках карусели.
Это ничего, что мы с тобою
До сих пор жениться не успели.

Пусть нас от подъема до отбоя
Учат лейтенанты и майоры.
Все равно мы скоро будем дома
И своих подруг обнимем скоро.

Пусть женатый пьет и веселится —
Он за все своей свободой платит.
Мы еще успеем, друг, жениться,
Девушек на нашу долю хватит.

И когда поднимутся бокалы,
Доверху наполненные водкой,
Мы с тобой пойдем из ресторана
Вовсе не солдатскою походкой.

Мы из дома писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы солдаты.
К счастью, можем снять свои погоны.

9. Я люблю тебя, жизнь

Я люблю тебя, жизнь,
Но не эту солдатскую муку.
Я люблю тебя, жизнь,
Жизнь гражданская, дай свою руку.

Вот уж окна зажглись,
Я стою на поверке устало.
Я люблю тебя, жизнь,
Но не ту, что в страницах устава.

Мне немало дано
Замечаний, взысканий, арестов.
И известно давно,
Что "губа" — неприятное место.

Как поют соловьи
В полумрак на холодном рассвете!
Вот и снова бежит
Строй солдатский при утреннем свете.

Позабудь обо всем,
Укрываясь теплой одеялом.
Завтра снова подъем,
Все опять повторится сначала.

10. Сигнал

Я жду тебя уж целый час,
Пою тебе сигнал
Из песенки, что я тебе отдал.
Тебя, возможно, нет сейчас,
Не знаешь, что я жду.

А может, ты с другим сейчас в саду.
Окончил жизнь солдатскую,
И вот я снова здесь.
И до сих пор в карманчике
Твой портретик есть.
Тебя, возможно, нет сейчас,
Не знаешь, что я жду.
А может, ты с другим сейчас в саду.

Вот, проходя по улице,
 Сигнал услышал я.
 Я подбежал обнять тебя,
 Но ты с другим была.
 Солдата, друга своего,
 Забыть успела ты.
 Другому отдала любовь, мечты.
 Другому подарила ты
 Любимый наш сигнал
 Из песенки, что я тебе отдал...

4. ВОПРОСНИК ДЛЯ СОБИРАНИЯ ФОЛЬКЛОРА СОЛДАТ

- А. 1. Ваш возраст, место рождения, образование, профессия, национальность.
2. Где Вы служили в армии (регион, род войск)? Какое звание, какую специальность Вы там получили?
3. Ваши общие впечатления от службы.
4. Какова, по Вашему мнению, роль фольклора в армейской службе?
- Б. 1. Вели ли Вы солдатский блокнот? Какого он вида? Что Вы туда записывали, в каком порядке и зачем? Откуда брали материал? Как относились офицеры и прапорщики к ведению блокнотов? Где Вы хранили блокнот в армии, где — после демобилизации?
2. Оформляли ли Вы дембельский альбом? Когда, зачем? Что из Вашего блокнота перешло туда, почему именно это? Что еще там хранится, какого он вида? Где он сейчас?
- В. 1. Какие песни Вы пели или слышали в армии? Кто Вас учил, кого учили Вы? Когда и зачем пелись песни, какие Вам больше нравятся, почему? Если Вы их переписывали в блокнот, то делали это "со слуха", по памяти или из письменного источника? Записывали ли ноты?
2. Есть ли среди песен авторские, принадлежащие: а) известным поэтам, бардам; б) вашим знакомым, сослуживцам? Есть ли переделки известных эстрадных, самодельных песен? Как они изменились?
3. Напишите, пожалуйста, несколько текстов солдатских песен.
- Г. 1. Какие стихи Вы записывали в свой блокнот, альбом? О чем они? Кто их сочинял? Как они попали к Вам, не изменили ли Вы их? Какие из них Вам нравятся больше всего, почему?
2. Напишите, пожалуйста, несколько текстов солдатских стихов. Какие из них Вы помните наизусть?
- Д. 1. Знаете ли Вы армейские изречения в прозе и стихах:
 - а) о службе в армии, о солдатской жизни, о вашей части;
 - б) о "гражданке", о девушках, их любви и неверности, о маме;
 - в) философские: о жизни, о человеке вообще;
 - г) шуточные: например, смешные высказывания офицеров, "толковый словарь" солдата, стилизованные указы, законы и др.;
 - д) поздравления, пожелания, тосты, подписи к фотографиям?
2. Откуда Вы знаете изречения? Не сочиняли ли их Вы, Ваши знакомые, не произносил ли их кто-либо экспромтом, случайно? Какие из них Вам нравятся, почему? Какие и в каком порядке Вы помещали в свой блокнот, альбом? Много ли их у Вас?
3. Напишите, пожалуйста, несколько известных Вам солдатских изречений на разные темы.

- Е. 1. Рассказывали ли у вас в части анекдоты об армии, о прапорщиках, офицерах? Были ли анекдоты, касающиеся именно вашего рода войск, вашей части? Славилась ли некоторые солдаты как большие знатоки и хорошие рассказчики анекдотов? Где, когда исполняли анекдоты?
2. Записывали ли Вы анекдоты? Куда и зачем? Правятся ли они Вам? Рассказываете ли Вы их после демобилизации?
3. Напишите, пожалуйста, тексты известных Вам анекдотов об армии.
- Ж. 1. Какие еще жанры солдатского фольклора Вы исполняли, слышали, переписывали? Когда, зачем? Откуда их узнавали? Что вам нравится больше всего?
2. Приведите, пожалуйста, примеры.
- З. 1. Что из всего перечисленного выше Вы посылали в письмах своим друзьям, девушкам? Нравилось ли им? Что и почему?
2. Присылали ли Вам девушки в письмах песни, стихи, изречения, пожелания и т.п.? Переписывали ли Вы это в блокнот, альбом, делились ли с друзьями?
3. Присылали ли Вам фольклорные тексты друзья, служащие в армии в других местах? Что именно? Отличается ли это от известных Вам текстов? Чем? Посылали ли Вы им свои?
- И. 1. Как в Вашей части назывались солдаты разных периодов службы? Откуда пошли такие названия?
2. Какие еще слова солдатского жаргона Вы помните? Что они означали? Когда и зачем Вы и Ваши сослуживцы их употребляли?
3. Используется ли солдатский жаргон в армейском фольклоре? Приведите примеры.
- К. 1. Использовали ли Вы солдатский фольклор в художественной самодеятельности? Что, как, когда? Каким образом изменяли тексты?
- Л. 1. Как Вы думаете, есть ли связь между фольклором солдат и современным фольклором детей и подростков? Какая? Докажите.
2. Есть ли связь между фольклором солдат и тюремным фольклором? Какая? Докажите.
3. Что Вы еще можете сообщить о фольклоре современных солдат, его функциях, роли в армейской жизни?

Благодарим Вас за ценные сведения и наблюдения. Они будут иметь большое значение в науке о современном фольклоре.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ МАТЕРИАЛА ДЛЯ СТАТЬИ

БОЛЕЗНОВА ЕЛЕНА — студентка Орехово-Зуевского педагогического института

ВЕДЕНКОВ АНДРЕЙ — студент Московского инженерно-физического института

ГАЙВОРОНСКИЙ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ — инженер-программист,

бывший военный

КРЮКОВА НАТАЛЬЯ — студентка О-ЗПИ

ОСЕЦКАЯ ЕЛЕНА — студентка О-ЗПИ

ПАХОМОВА НАТАЛЬЯ — студентка О-ЗПИ

ПУСТОВАЯ ЕЛЕНА — студентка О-ЗПИ

РАЙКОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — инженер-химик

РАЙКОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА — преподаватель О-ЗПИ, аспирантка
Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

САМСОНОВА ОЛЬГА — студентка О-ЗПИ

СЕЛИВАНОВА ОЛЬГА — студентка О-ЗПИ

СИННИХ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ — бывший военный, студент-заочник О-ЗПИ

СОКОЛОВ ИЛЬЯ — студент Московского энергетического института

СУДАКОВА ЕЛЕНА — студентка О-ЗПИ

ТАРАСЕНКО ЕВГЕНИЙ — студент О-ЗПИ

ШОМИН ИЛЬЯ — студент О-ЗПИ

В.А.КОРШУНКОВ
(Вятка)

ОБРЯДОВОЕ ХЛЕСТАНИЕ В ДЕТСКОЙ ПОТЕШКЕ

Добренькая бабушка

Корней Чуковский однажды назвал "Ладушки" бессмертными [1]. Это действительно так. В наше время "Ладушки" — одна из самых известных песенок-потешек для детей. И это притом, что ее текст, несомненно, очень древний. Имеются и редкие, полузабытые варианты текста "Ладушек", они очень важны для исследователей (и речь пойдет главным образом как раз о них). Но обычный, наиболее распространенный и повсеместно известный вариант текста на удивление стабилен. Он сформировался и устоялся за долгие века до того, как попал в поле зрения фольклористов [2, с. 69-70]. Вот этот расхожий вариант: "Взяв ручки ребенка, хлопают ими в ладоши, в такт, а при последних словах ручки разводят и поднимают на голову ребенка:

— Ладушки, ладушки!
Где были? — У бабушки.
— Что ели? — Кашку.
— Что пили? — Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.
Попили, поели, —
Шу-у-у — полетели,
На головушку сели [3, с. 119].

Этот текст опубликован П.В.Шейном на рубеже нашего века, за сто лет он не изменился.

Бабушка, о которой говорится в потешке, угощает, кормит-поит. Она "добренька". Но фольклористы отметили и такие варианты текста, где бабушка бьет своих гостей. Четыре из них приводит О.И.Капица в своей книге о детском фольклоре. К сожалению, это не полные тексты, а только отрывки из них:

— Что били? — Спинку.
— Чем били? — Веничком.
Кашку ели с семечком,
Погнали нас веничком.
Били лозенькой.
Сек, сек, сек;
Проводили голичком [4, с. 56].
Чем бабушка била?
Била лозенькой
Сек, сек, сек... [4, с. 199].

Характерно, что в недавно вышедшем сборнике детского фольклора, в котором перепечатаны три из этих четырех текстов, они сопровождаются таким указанием: "окончания "Ладушек" с заменой стиха о доброй бабушке — стихом "Бабушка недобрая" [3, с. 121]. Однако едва ли в предыдущих, не опубликованных Капицей строках было сказано, что "бабушка — недобрая". На той же самой странице сборника детского фольклора, где перепечатаны тексты из книги Капицы, есть еще один вариант "Ладушек" (из собрания П.В.Шейна):

— Ладушки, ладушки!
Где были? — У бабушки.
— Что ели? — Кашку.
— Что пили? — Бражку.
— Кого били? — Машку.
— За что про что?
— Не ешь нашу кашку,
Не пей нашу бражку!..
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька... и т.д. [5].

Правда, тут не сказано прямо, что бьет добренькая бабушка. Однако в других случаях бабушка, стегаящая детей веником-голиком названа доброй:

...Кашка слатенька,
Бабушка добренька,
Напоила молочком,
Проводила галичком... и т.д. [6].

В другом известном мне варианте — белорусском — бабушка, угостив детей кашкой-бражкой, приглашает их прийти к ней еще, тогда она угостит получше:

Ладу-ладу-ладкі.
— А дзе былі? — У бабкі.
— А што елі? — Кашку.
— А што пілі? — Бражку.
Бабулька казала,
Як нас частавала:
— Прыхадзіце часцей,
Пачастую ляпей:
Дам вам сыравашкі,
Бярозавай кашкі,
Піражкоў у маку
І розных прысмакаў [7].

Бабушка обещает разные вкусности, в том числе простоквашу и пирожки с маком. И в этом перечне лакомств упомянуто такое своеобразное угощение, как "березовая каша". А это выражение вроде бы определенно означает хлестание березовыми прутьями, вообще сечение, порку [8, с. 83]. Если так, то в контексте этой потешки вряд ли следует понимать намерение бабушки попотчевать детей березовой кашей как

иронию. Ирония в песенке-потешке для самых маленьких вряд ли уместна, в таком возрасте она еще не воспринимается. Да и прочие сулимые бабушкой яства действительно должны быть желанны и лакомы для ребят. Выходит, что радушная хозяйка и впрямь добра к детям, она хочет их вкусно накормить и немножко посечь, но это хлестание почему-то не должно их обидеть. Впрочем, весьма вероятно и другое объяснение "березовой каши", но об этом дальше [9].

И самое важное, что в наиболее распространенном варианте "Ладушек", приведенном выше, бабушка всегда "добренька".

Как бы то ни было тема битья, хлестания, сечения бабушкой детей достаточно хорошо засвидетельствована, чтобы не считаться случайной:

...Проводила галичком:
Не ходи босичком,
А в обуточках [10].
— Ладушки, ладушки,
Где были? — У Аннушки.
— Что ели? — Оладушки...
А у Сенечки — семечки.
Провожали нас веничком [11].

Итак, в некоторых вариантах "Ладушек" бабушка сечет пришедших к ней в гости детишек веником или лозою, а порой и тем, и другим ("Били лозенькой... / Проводили галичком"). Странно это хлестание лозой — как будто ивняк или прутья вербы всегда находились под рукой в избе у всякой деревенской бабки. Странно и то, что, судя по всему, это битье не воспринималось как наказание.

Встреча птиц и Вербное воскресенье

Мне уже приходилось отмечать, что текст песенки-потешки "Ладушки" (как и текст других детских потешек — "Сорока", "Дроздок") отражает реалии весеннего обряда встречи птиц [12]. Вот и в приведенных выше вариантах "Ладушек" упоминается обрядовая еда. "Бражка пьяненька" отнюдь не детский, зато традиционный обрядовый напиток. И еще более показательна "кашка с семечком", т.е. "семянная каша" с добавлением конопляного семени. Она была обычным кушаньем во время постов, а встреча птиц приходилась как раз на Великий пост. Кроме того, очень часто "семянная каша" использовалась в качестве еды обрядовой [13].

Примечательно, что обрядовая еда праздника встречи птиц упоминается в тех же текстах, где говорится и о хлестании детей доброй бабушкой. В народной традиции ритуальное хлестание детей лозой, ивняком и прежде всего ветками вербы хорошо известно. И приходится оно как раз на весеннюю пору. Это обычай "отвербовывания", приуро-

ченный к последнему воскресенью перед Пасхой — Вербному воскресенью.

Согласно церковной традиции, вербные прутья в этот день должны символизировать пальмовые ветви, с которыми жители Иерусалима приветствовали Иисуса Христа при въезде его в этот город [14]. Однако в Западной и Центральной Европе в этот день использовали не только пальмовые и вербные ветви, но довольно часто и ветви других растений: оливы, самшита, розмарина, лавра, бука, орешника, падуба, можжевельника, ели, сосны, фисташки, кизила, лимона, апельсина, а также просто украшенные палки [15]. То, что на Руси пальму символизировала именно верба (или похожий на вербу ивняк), обычно объясняют дохристианским происхождением этого обычая [16, с. 98]. Верба и родственные ей ивовые растения по весне первыми среди прочих деревьев и кустов наливаются жизненной силой и выпрастывают пушистые почки. Приобщить человека или животное к этой нутряной плодотворной силе растения можно, похлестав его прутом или веником из прутьев. Это типичный пример контактной магии [17]. Как и во многих других случаях, христианская церковь включила этот распространенный языческий обычай славян в свою систему календарных праздников и обрядов, приурочив обрядовое хлестание весенней лозой к последнему перед Пасхой воскресенью, которое от этого и получило название Вербного. "Освятив вербу в церкви, — пишет В.К.Соколова, — несли ее в дом, где ударяли ею всех домочадцев, чаще же детей. Делали это с магической целью — "для здоровья"... чтобы "здоровьицо у них прибыло"... Об этом же говорилось и в приговорках, которыми сопровождалась удары: "Верба красна, бей до слез, будь здоров!"... "Как вербочка растет, так и ты расти", — говорили в Енисейской губ., стегая ребятишек... При этом обычно прибавляли: "Не я бью, верба бьет". В Белоруссии освященной вербой обычно ударяли больных... [16, с. 98; 18]. В отваре из вербы купали во время полнолуния больных детей [15, с. 100; 19]. Освященную вербу сохраняли до Егорьева дня, когда в первый раз выгоняли скотину в поле. При этом животных ударяли вербными прутьями:

Пришла верба
Из-за моря,
Принесла верба
Здоровья.
Верба хлест,
Бей до слез!
Еще на здоровье,
До красенького яичка! [20].

Словом, верба несла здоровье. И жизненную силу. В Полесье приговаривали так: "Вэрба бье, нэ забье, а ты, бабко, нэ умирай, красного яечка дожыдай" [21]. На Украине бытовало поверье: если из особой

вербы, что растет в лесу, сделать флейту, то от ее звуков мертвые встанут из гробов [22].

Здоровье и жизненную силу несли и прилетающие по весне птицы, воплощающиеся в обрядовом печенье с птичьими названиями: "кулики", "жаворонки" и т.п. Печенье это делалось ко дню встречи птиц, а он обычно приходился на 1, 9 или 25 марта по старому стилю — в разных местах по-разному. В день праздника девушки или дети закликали птиц, рассаживая печеных "куликов" и "жаворонков" на кольях забора, на верхушках стогов, на палках и жердях, на соломе, на проталинах [16, с. 76; 23]. Самые распространенные мотивы таких закличек-веснянок — это призывание весны и птиц (птицы должны принести с собою весну), повеление замкнуть холодную зиму и отомкнуть "весну-красну" и "тепло летечко". По древним народным поверьям, весенние птицы летят из заморской потусторонней страны — из вырия — и несут с собой здоровье и жизненную силу, которой так не хватает людям и животным в это время года. Эти представления отразились в текстах закличек:

Жаворонки, жаворонки,
Летите из-за моря!
Несите здоровья!
Кому крошку,
Кому ложку,
А мне цельную лепешку!.. и т.д. [24].

— Весна, весна,
На чем пришла?
— На сохе, на бороне,
На кобыле вороне!

Ой вы, жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье,
Второе овечье,
Третье человечье! [24, с. 186].

Наигравшись с печеными "птичками" и исполнив песенки-заклички, печенье обычно съедали: принесенное птицами здоровье представлялось как нечто вполне вещественное. Но съедали не всегда сразу, иной раз несколько печений сохраняли до другого праздничного дня. И ели "птичек" не только участники обряда. Считалось нужным приобщить к здоровью и жизненной силе все семейство. Поэтому обычно количество приготавливаемого ко дню встречи птиц обрядового печенья зависело от количества членов семьи. А если встреча весны в какой-либо деревне по традиции приходилась на 9 марта (по православному календарю это Сороки — день сорока мучеников севастиийских), то хозяйки старались сделать сорок таких печений или сорок круглых хлебцев, колобков, шариков. Нужно было передать здоровье и домашней скотине ("первое

коровье, второе овечье”), поэтому кусочки печенья скормливали скоту. В Калужской губернии куски печенья дети бросали в воду. На вопрос, зачем это они делают, был ответ: “Чтобы никто не помер” [25]. Очевидно, сходные представления лежали в основе близкого по смыслу обычая: когда молодежь начинала петь веснянки, пожилые женщины бросали в воду специально испеченные пироги [16, с. 68; 26].

Получается, что с двумя видами весенних священных предметов: с освященными вербными прутьями в день Вербного воскресенья и с обрядовым “птичьим” печеньем в день праздника встречи птиц — связывались в народном представлении сходные идеи. И верба, и “кулики-жаворонки” пришли из-за моря (из вырия) и принесли с собой людям и скоту здоровье и жизненную силу, вплоть до явного противодействия старости и смерти. Может быть, это сходство объясняется всего только временной близостью двух весенних народных праздников — фиксированного (встреча птиц) и переходного, зависящего от даты Пасхи (Вербного воскресенья)? Однако сходство двух праздников не ограничивается только этим.

Каша вербная и березовая каша

Обрядовое печенье в день встречи птиц съедали, чтобы быть здоровыми. Но известны случаи, когда из подобных же соображений ели и почки вербы в день Вербного воскресенья, а также обрядовое печенье, приготавливавшееся к этому дню. “В Вербное воскресенье крестьяне во время утрени молятся с освященной вербой и, придя домой, глотают вербные почки для того, чтобы предохранить себя от болезни и прогнать всякую хворь. Детей своих (а также и скотину) крестьяне слегка хлещут вербой, приговаривая: “Не я бью — верба бьет, верба хлест бьет до слез”. В этот же день бабы пекут из теста орехи и дают их для здоровья всем домочадцам, не исключая и животных” [27]. По свидетельству И.П.Калинского, в старину ели по девяти шишечек-сережек со священной вербы, чтобы обезопасить себя от лихорадки [28]. В Ярославской губернии “бабушки запекали в хлебцы шишечки вербы и обязательно скормливали его скотине” [29]. Был и такой обычай: придя с заутрени, хозяин бросал веточки вербы в корм скоту, чтобы предохранить его от падежа [30].

В Словаре В.И.Даля отмечено выражение “вербная каша”. Это “цвет вербы, сережки, которые варят в каше и едят в этот день”, т.е. в Вербное воскресенье [8, с. 178].

В этой связи можно вспомнить сходное выражение — “березовая каша”, а также приведенную выше белорусскую потешку, в которой бабушка сулит ее детям. Примечательно, что в этой потешке березовая

каша упоминается среди кушаний. Кстати говоря, языковеды ставят это выражение в один ряд с длинным перечнем похожих по структуре (да и по смыслу) фразеологизмов: сочетание глагола "дать" с существительными (или их перифразами), имеющими переносное значение. В этих русских фразеологизмах "наиболее активным компонентом... являются существительные, обозначающие пищу: дать алабыш, бабашку, булку, блин, буханцев, жареху... — есть и много других выражений, означающих "ударить, побить" [31].

По-видимому, и березовой кашей, подобно каше вербной, поначалу называли настоящую кашу, весеннюю обрядовую, в которую добавляли березовые почки. Если верно предположение, что "Ладушки" отражают обрядовые реалии праздника встречи птиц, то такую кашу, надо думать, готовили в день встречи птиц — подобно тому, как вербную кашу варили в Вербное воскресенье. Использование березы в обрядовых целях 1 марта, в день встречи птиц, засвидетельствовано. Например, 1 марта по березовой ветви начинали гадать: сколько дней ветвь простоит черной, без листьев, столько недель пройдет до первого выгона скота в поле [32]. Этот обычай является еще одним свидетельством сходства между обрядами дня встречи птиц и Вербного воскресенья, так как скот обычно выгоняли, ударяя освященной вербой.

Во времена Даля выражение "березовая каша" уже перестало восприниматься буквально и стало означать хлестание ветвями, порку розгами. Это изменение значения было естественно: ведь и в Вербное воскресенье не только ели вербную кашу, но и хлестали друг друга прутьями. По всей видимости, сходным образом могли поступать с березовыми ветвями и березовыми почками и в день встречи птиц. Кстати, и в народных загадках про березу среди прочих четырех "угодий" или "дел" этого дерева непременно отмечается "хворому полегчение", "старому здоровье", "больным исцеление" и т.п. [33]. В XIX в. использование березы (и других весенних деревьев и кустов — той же вербы, ивняка) на празднике встречи птиц было уже редким, иначе бы в сделанных тогда описаниях обряда были бы ясные указания на этот обычай, и его не пришлось бы реконструировать по дошедшим до нас косвенным свидетельствам. Однако к тому времени, когда Даль собирал материалы для своего Словаря, обыкновение варить березовую кашу ушло в прошлое, прекратилось, стало забываться. А само словосочетание "березовая каша" в народной памяти закрепилось, только этими словами стали обозначать иной обычай того же праздничного дня — обрядовое хлестание ветками березы. Этот обычай, очевидно, был более устойчив, он подкреплялся сходными и очень распространенными действиями: вербным хлестанием, обыкновением париться в бане с березовыми вениками и т.д. Но и он постепенно начал входить из календарно-праздничного обихода, передав обозначающее его словосо-

четание всякому, уже не обрядовому хлестанию, а сечению, битью розгами. Почему словосочетание "березовая каша", изменив свое значение, все же осталось в нашей речи как фразеологический оборот, а "вербная каша" так помаленьку и забылось вовсе? Трудно сказать. Однако можно предположить, что на изменение первоначального смысла выражения "березовая каша" повлияло то, что в народном обиходе уже были сохранившийся в диалектах старый фразеологизм "березовицу точить" — плакать [34]. В этом фразеологическом обороте березовый сок уподоблен слезам, береза ассоциируется с болью и печалью. Сходным образом и иное лакомство, к которому имела отношение береза, — березовая каша — тоже стало восприниматься метафорически [35]. И мы должны отметить глубокий архаизм белорусской потешки, в которой, по всей видимости, запечатлелось первоначальное значение этого выражения.

Итак, исследование детского фольклора на фоне народных весенних обрядов позволяет предположить, что в древности при встрече птиц и весны восточные славяне употребляли березовые ветви. Известно, что месяц апрель стали называть березозолом [36]. А до того этим словом и другими словами, образованными от существительного "береза", называли март. И едва ли только "от действия весеннего солнца на березу, которая начинает наливаться сладким соком и пускает почки" [36, с. 99-100]. Важнее было другое — обрядовое использование березы в день праздника прилета птиц и начала весны, в первый день первого весеннего месяца.

Барашки

До сих пор дети по весне любят играть почками вербы и ивы. До сих пор богомольные старушки хранят дома освященные в Вербное воскресенье прутья, чтобы в случае какой-либо хвори съесть их пушистые почки. Эти почки называют барашками [37]. Они действительно мягкие и пушистые, как маленькие зверьки. Но мало ли пушных зверей — и домашних, и диких? Почему же сравнивают эти вербные пушочки именно с барашками? Почему они не называются, допустим, козочками, кошками, собачками, лисичками, белками, мышками, куницами?

Белорусы-пинчуки называли почки освященной вербы, которые они ели от лихорадки и зубной боли, овечками [16, с. 100]. Выше приводилось свидетельство, что в Ярославской губернии шишечки вербы в Вербное воскресенье запекались в обрядовые хлебцы. В костромских деревнях к Вербному воскресенью пекли обрядовое печенье в виде вербных почек, и называлось оно "барашки" [38]. "В Нерехте крестьянки

пекут барашки в Вербное воскресенье и, когда придут из церкви, то этими барашками кормят скотину..." [39]. Жители Костромского края кормили баранов печеными барашками, веря, что "в Вербное воскресенье барашки (овцы) именинники" [40]. По свидетельству И.П.Сахарова, пожилые женщины, используя соль, пережженную в печи на Благовещение, пекли "барашки" — "небольшие булки, назначаемые ими для излечения скота" [41]. А.С.Петрушевич отмечал, что на Благовещение с пережженной в печи солью пекли "бяшки" (булки) для кормления овец [42]. "Бяшка" — это диалектное название барана [43]. В русских диалектах встречаются и такие названия обрядовых хлебцев: "бараны", "баранко" [44].

Как в день встречи птиц "жаворонки" и "кулики" несли здоровье людям и скоту (причем в закличках особо оговаривалось "здоровье коровье и овечье"), так и освященной вербой или же печеными барашками кормили коров и овец ради их здоровья. Примечательно, что в Сибири "жаварёнками" и вербой кормили овец и коров в один и тот же день — в Чистый четверг [45]. Временной близостью и сходством содержания обрядов встречи птиц и Вербного воскресенья объясняется и такое, несколько сумбурное, свидетельство: "В Вербное воскресенье бабашки пекли. Это бывало 9 марта. Это встреча весны. И "жаворонки" у нас пекли" [46]. Судя по всему, день встречи весны и Вербное воскресенье в памяти информатора слились воедино — как бабашки-барашки и жаворонки.

На Украине весной "под вербами "круглый танец иде", дивчата поют веснянки" [47]. Есть и такая народная примета: "Увидал на вербе пушок — и весна на шесток" [48]. Замечательно в ней это соединение пушистой вербы с древним образом птицы-весны на шестке. Этот образ, несомненно, навеян обрядовыми действиями при встрече птиц, когда "жаворонков" и "куликов" рассаживали на палках и шестах. Иногда и в веснянках поется, что весна пришла "на жердочке" [49].

В Калужской губернии пение веснянок-закличек приурочивалось не только к 9 марта, Благовещенью (это обычные дни встречи птиц), но также и к Вербному воскресенью [50]. Не одно лишь закличание птиц, но и другие разнообразные обрядовые действия, знаменовавшие встречу весны (с пением веснянок, с употреблением обрядовых хлебов, при участии, как правило, девушек и женщин), были приурочены в разных восточнославянских землях к Вербному воскресенью [16, с. 75]. Наконец, любопытно, что в некоторых русских диалектах "барашком" или "баранчиком" называют птиц. Обычно это кулики (бекасы) [8, с. 47]. Взаимозаменяемость слов "кулик" и "барашек" в обозначении птицы весьма существенна, если вспомнить, что "кулик" — расхожее наименование тестяной "птички", приготовляемой ко дню встречи птиц.

Святая Евдокия

День 1 марта, когда справляли обряд встречи птиц, по православному календарю — день святой Евдокии — покровительницы овец [51]. "Авдотькой" или "авдошкой" называли большого болотного кулика, а также пестрого хохлатого удода — потатуйку [52].

В селе Павловском-Куракине Пензенской губернии в конце прошлого века канун Вербного воскресенья отмечался очень интересным обрядом, который включал в себя полуночный обход молодежью деревенских дворов. При этом, зайдя в дом, слегка ударяли вербой сонных хозяев, приговаривая, между прочим, так: "Вставай рано, бей барана". Уходя, пели:

Не нашего околотка девки толстопряхи,
А нашего — тонкопряхи... [16, с. 100-101].

Эта песня близка по теме к известной народной песне о Дуне-тонкопряхе:

Жила-была Дуня,
Дуня-тонкопряха.
Вали-вали, Дуня,
Дуня-тонкопряха!
Пряла наша Дуня
Ни толсто, ни тонко —
Потолще каната,
Потолще каната —
Потоньше оглобли!.. [53].

Известно много вариантов этой песни. И неудачливая тонкопряха именуется в них Дуней — Евдокией. Не получается у пряхи Евдокии толком прясть. Ей препятствуют в ее деле постоянные помехи: "Пряжа не прядется — // Тонка нитка рвется". Дуня и "берда не сыскала", и не смогла намочить концы и т.д. [53, с. 133-134]. Видимо, это оттого, что в день встречи птиц — на Евдокию, на Сороки и особенно на Благовещение — нельзя было прясть. Бытовали и поговорки: "Весною прясть ленно" (то есть лень); "Не до пряля прялье (то есть пряхе. — В.К.), весна красна!"; "Что нам прясть, пряди кукушка!" (прилетевшая весною, добавляет Даль) [8, т. 3, с. 533]. Говорили, что кукушка на Благовещение вила гнездо и была за это наказана — с тех пор так и мыкается без своего гнезда [54]. Известно было растение "сорочья пряжа", известен был и такой запрет: "Не клади пряслицы на стол — сорок грехов наживешь" [8, т. 3, с. 533; т. 4, с. 275]. Птица сорока и число сорок (не семь, не десять, не дюжина, не сто) упоминаются тут в связи с пряжей, очевидно, потому, что верили, будто на Сороки сорока гнездо завивает и кладет в него сорок палочек [55].

Запрет на пряденье и прочее женское рукоделие 1, 9 и 25 марта известен и другим славянским народам [56]. Этот запрет характерен для календарных женских и девичьих праздников. "В Благовещенье

день — птица гнезда не завивает, девица косы не заплетает" [57]. В этот день "на суровую пряжу не глядят" [58], и вообще "робить ничево нильзя" [59]. У восточных славян прядение связывалось с языческой богиней, чьи функции после принятия христианства перешли главным образом к Параскеве-Пятнице [60]. При этом важно заметить, что "Пятнице приписывают влияние на здоровье, урожай хлеба и плодородие скота" [60, с. 88]. То же самое, по народным поверьям, приносят весенние птицы. Если учесть, что при обряде встречи птиц, по всей видимости, звучали обрядовые песнопения со словом "ладо", а ритуальное действо исполнялось девушками и женщинами, то можно предположить, что этот весенний праздник в языческие времена был связан с богиней любви и плодородия Ладой. Далекий отзвук этого языческого божества можно уловить и в народных сказаниях о появляющихся с приходом весны лихорадках.

Дида и Лада

Выше приводились свидетельства, согласно которым шишечки освященной в Вербное воскресенье вербы предохраняли от лихорадки. К этому можно добавить, что так называемая старая (то есть прошлогодняя) верба входила в состав двенадцати трав от лихорадки. А выжатый сок растения вербянки (вербяна аптечная, железняк) давали при лечении лихорадки [61]. В Купянском уезде Харьковской губернии окуривали себя от лихорадки зажженной веточкой вербы [62]. Лихорадки, или, по-простонародному, трясавицы представлялись нашим предкам злобными девами, перелетающими от одного человека к другому, чтобы терзать его и мучить болезнью. Оберегала от трясавицы не только верба, спасал от нее и мученик Сисиний — один из сорока мучеников севастиийских, которым был посвящен день 9 марта [63]. Не потому ли, кстати, чтобы оградиться от лихорадки, нужно было съесть именно девять вербных "барашков" (реже — три) [64].

И.П.Калинский пишет: "В старину этого угодника весьма часто можно было видеть на иконах в особенной обстановке, в которой довольно точно выражалось народное верование, приурочиваемое к мученику Сисинию. На одном из этих своеобразных иконных изображений, сохранившемся до нашего времени в одной из церквей Орловской губернии, представлено нечто вроде скалы, возвышающейся над озером с водою черною. В озере купаются 12 дев совершенно нагих, желтого, синего и других цветов, с растрепанными волосами. На скале по одну сторону изображается мученик Сисиний, простерший правую руку на озеро, а по другую — архистратиг Михаил, поражающий дев. Понятно, что эти девы изображают собою лихорадок, трясавиц или ворогуш. Но

спрашивается: каким образом это фантастическое народное представление о трясавицах слилось с именем св. Сисиния, когда в церковном свидетельстве о Сисинии нет никакого намека на дар благодати прогонять от людей трясавиц?" [65].

9 марта, когда почитали уберегающего от дев-трясавиц св. Сисиния, отмечали встречу птиц. Обряд этот отразился в тексте нынешней потешки "Ладушки". Само слово "ладушки" происходит от рефрена древних обрядовых песнопений "дидо-ладо", "ладо-ладу", "дидо-ладо, дидо-ладушки" [66]. В заговорах же против лихорадок перечисляются имена дев-трясавиц. И среди прочих имен вроде Огневица, Знобея, Крикуша, Чернетея, Пухлея, Желтея, Дряхлея и других им подобных есть и такая пара: Дида и Лада [67]. Такой выбор этих имен связан с тем, что в один и тот же день — Сороки — пели весенние обрядовые песни с припевом "дидо-ладо" и обращались к мученику Сисинию за защитой от лихорадки [68]. То, что тема злых чудищ-трясавиц была актуальна именно в день встреч птиц, не должно удивлять. Перелетные птицы возвращались на Русь из потусторонней страны — вырия. Вырий в это время был распахнут, отомкнут (отмыкание весны — обычный мотив веснянок), и все вредоносные и болезнетворные силы могли беспрепятственно проникать в этот мир, к людям и животным. Кстати, облик дев-трясавиц в народном представлении уподоблялся зимующим в заморском inferнальном вырее птицам: "Лихорадки крылаты, их земля держит в своих челюстях на цепях" [69], либо же они выходят на землю из вод.

Все это еще раз указывает на сходство действий и образов, приуроченных ко дню встречи птиц и к Вербному воскресенью. Многочисленные случаи такого сходства двух народных праздников вполне объяснимы. Встреча птиц была одновременно и встречей весны. Но говорили и так: "Без вербы — не весна" [70]. Выходит, начало весны знаменовалось как прилетом птиц, так и пробуждением вербы, на которой появлялись пушистые почки — зримые предвестники теплой поры года. Предвещающее, приметное для крестьянина значение прилетающих птиц и зацветающей вербы и было общей основой двух близких обрядовых комплексов. Оба они отмечали, по сути, одно и то же — приход весны. И отмечали сходным образом: в день встречи птиц не только пекли "жаворонков" и "куликов", но, судя по всему, тогда бытовало и обрядовое хлестание березовыми ветками. А в Вербное воскресенье, помимо обрядового хлестания ветвями вербы, было заведено печь "барашков". И все эти действия должны были дать здоровье и жизненную силу людям и домашнему скоту.

Трясавица, Лада, Параскева-Пятница

На описанной Калининским иконой трясавицы представлены двенадцатью нагими девами с растрепанными волосами. Они купаются в озере. Этот образ — что-то среднее между русалкой и Параскевой-Пятницей, точнее — двенадцатью наиболее почитаемыми в году пятницами [71]. Есть свидетельства о том, что на Украине Пятницу причисляли к русалкам, а белорусское слово "патніца" означало нечистую силу [72]. В 40-й главе Стоглава говорится, что ходят "по погостам и по селам и в волостях лживые пророки, мужики и жонки, и девки и старые бабы, наги и босы, и волосы отроствив, распустя трясутся, и убиваются, а сказывают, что им является св. Пятница..." [73]. Также и в Духовном регламенте Петра I упоминается о том, что "в Малой России, в полку стародубском, в день уреченный праздничный водят жонку простовласую по имени Пятницы, а водят в ходе церковном..." [74]. Нагая женщина с распущенными волосами и трясушаяся: кто это — Пятница или лихорадка-трясавица? Или за этими сходными мифологическими персонажами проглядывает еще более древний образ языческой Лады?

Итак, поразительное — по многим фактам и многим общим мотивам — сходство обрядов, приуроченных ко дню встречи птиц и к Вербному воскресенью, объясняется, по-видимому, как тем, что эти обряды имели единую основу, так и тем, что они были связаны с неким языческим женским божеством, почитавшимся в эту пору года.

Выше упоминалось о праздновании молодежью села Павловского-Куракина Пензенской губернии кануна Вербного воскресенья — Лазаревой субботы. Это обрядовое действо включало в себя не только полуночный обход дворов, хлестание вербными прутьями под соответствующие приговоры (с упоминанием о баране), песни, в том числе о девках-пряхах. Была и обрядовая еда: "курник", каша, блины — и совместная трапеза, были также, по словам информатора, "неприличные коверканья". В.К.Соколова, дав описание этого праздника, отмечает, что в нем "причудливо слились элементы древних весенних игрищ молодежи, эротические моменты, обрядовая еда, удары вербой с традиционными приговорами, обход дворов и явно позднего происхождения "гимн" и песни" [16, с. 101]. Можно кое-что уточнить: приговоры о баране отнюдь не традиционны, но все же вполне уместны на Вербное воскресенье. Песня о пряхах, возможно, и поздняя, но сама ее тема, безусловно, давняя.

В.К.Соколова пишет: "На основании данного описания нельзя, конечно, сказать, имеем ли мы здесь дело с пережитком древнего ритуала или это какое-то местное творчество, составленное из элементов разных обрядов. Но надо вспомнить, что у южных славян "лазарева суб-

бота" сопровождалась рядом весенних обрядов, в частности, у болгар это был девичий праздник — лазарование (лазаруване). Весьма вероятно, что и у восточных славян когда-то к этому времени был приурочен более сложный праздничный ритуал, не ограничивавшийся только ударами веткой вербы" [16, с. 101]. Это проницательное суждение подтверждается как уже рассмотренным в этой работе материалом, так и следами иных, помимо вербного хлестания, обрядовых действий в Вербное воскресенье у русских в Латвии. В этот день при отвербовывании они хлестали друг друга, животных, предметы домашнего обихода со словами:

Верба свята,
Верба свята,
Не я освящаю,
Бог освящает,
Печки-перепечки,
На божью милость.
На жите-бытье,
На корысть, на радость,
На божью милость
Хлеб спор,
Животам приплод.
На тебе веревочку,
А мне пару яичек [75].

В этом тексте упоминаются "перепечки" — ритуальное печенье, хлебцы [76]. А две конечные строки, сходные как с обращением к прилетающим птицам в весенних закличках / "Дайти нам лсто, / / А мы вам зиму" [77]; "Мы вам посошочек, / / А вы нам денег мешочек" [78], так и с традиционным мотивом колядок, очевидно, отражают некогда бытовавший обрядовый обход дворов, известный и в болгарском лазаровании.

Все свидетельствует о том, что в глубокой древности у язычников восточных славян был приуроченный к началу весны, т.е. к весеннему равноденствию, обрядовый комплекс, включавший в себя много разных элементов: обрядовую еду ("семянную кашу", вербную и березовую кашу, обрядовое печенье в виде кругляшей, фигурок птиц и животных), ритуальное хлестание вербными и березовыми ветвями, обрядовые песнопения. Очевидно, женщины и девушки в это же самое время обращались к некой языческой богине любви и плодородия.

Этот праздник был, конечно, праздником встречи весны. Но, видимо, не только.

Веник в фольклоре и в весенних обрядах

В некоторых вариантах потешки "Ладушки" поется о том, что бабушка сечет детей не только лозой, но и веником, а в одном известном мне случае — лозой и веником разом.

На Егорьев день скотину в поле выгоняли освященной в Вербное воскресенье вербой. Но иногда — веником- голиком. В егорьевской песне поется:

Выгоню коровушку
Со двора голиком,
Приходи ко мне, коровушка,
Со всем молоком! [79]

Ясно, что составленный из прутьев веник и в этой песне, и в "Ладушках" заменяют свежие весенние ветви. Но значение веника в народной традиции не сводится только к такой замене. В связи с древним образом некогда почитавшегося весной женского мифологического персонажа помело (веник) — обычный атрибут ведьмы, Бабы Яги. Видимо, не случайно "мохры от помела, в ладанке, прогоняют лихорадку" [8, т. 3, с. 271].

Если учесть, что колядование в старину было приурочено к весеннему началу года — 1 марта [80], а в колядках встречается угроза ушибить метлой [81], то можно предположить, что в день встречи птиц в обрядовых целях использовали и веник — на что вроде бы указывают и отмеченные варианты "Ладушек". И еще некоторые факты. Так, по словам В.Н.Добровольского, в Дмитровском уезде Орловской губернии "открытие весны сопровождается хороводною игрою "Перцы-воротцы": девушка, изображающая весну, прогоняет веником из хоровода старуху зиму" [16, с. 93, прим. 80]. А в новгородской веснянке, которая "бытует как детская игра" на масленицу, поется:

— Весна, весна, на чем подошла?
На чем подошла-подъехала?
На чем подошла-подъехала?
— На сошечке, на бороночке, на веничке [82].

Считается, что обряды масленицы некогда составляли с обрядами встречи весны единый комплекс проводов зимы и встречи весны. Не случайно среди масленичных песен нередко типичные веснянки вроде приведенной выше [16, с. 58-60, 65, 67]. Употребление веников в масленичных действиях засвидетельствовано. Если еще можно сомневаться в том, обрядовыми или бытовыми целями вызывалось использование веников при сжигании масленицы [83], то обрядовое значение веников в убранстве масленичного поезда несомненно. Веники надевали на дугу и к хвосту хоня или же просто увешивали ими всю повозку [16, с. 29, 30, 33, 87, прим. 35]. Масленичный выезд вез саму "гостью масленку"

или изображавшего ее человека. Чучело же масленицы олицетворяло собой старуху зиму. Если учесть все это, то резонен вопрос: случайна ли стойкая традиция лепить снежную бабу непременно с веником-го-ликом?

Примечательно, что березовые веники в обряде санного поезда применялись в понедельник масленичной недели, при встрече масленицы [84]. Дело в том, что после принятия Русью христианства на то время, когда справлялся праздник проводов зимы и встречи весны, пришелся Великий пост, и обряды проводов зимы были вытеснены на более ранний срок. Они-то и составили масленицу. Главным действием масленичной недели стали, разумеется, проводы масленицы. Отмечавшаяся в некоторых местах в понедельник встреча масленицы — обряд поздний и неоригинальный, сложившийся под влиянием встречи весны [16, с. 13-16].

В масленичных песнях, особенно в тех, что пелись при встрече масленицы, она именуется Авдотьей [85]. Видимо, это имя было перенесено на масленицу вместе с темами и мотивами песен и обрядовых действий, которые прежде приурочивались ко дню встречи весны, в частности к 1 марта, дню св. Евдокии. Такое перенесение тем более естественно, что и другой день встречи весны — Сороки — тоже, судя по всему, отразился в обрядах встречи масленицы. В начале XX в. во Владимирской губернии четверг масленичной недели назывался "сисинка" и отмечался обходом дворов подростками. Они пели, им подавали блины и деньги [86]. С этого дня — широкого четверга — во многих местах начиналось масленичное гулянье. Этот владимирский обряд — своеобразная встреча масленицы. Возможно, и само его название может быть сопоставлено с именем св. Сисиния — наиболее известного из сорока мучеников севастиийских, которых чествовали в день встречи весны.

Таким образом, относящиеся к масленице данные подтверждают упоминаемое в "Ладушках" обрядовое использование веников на празднике встречи птиц и весны. Тот факт, что обрядовое употребление веников при встрече весны подтверждается именно относящимися к масленице материалами, вполне объясним тем, что некогда два этих праздника составляли единый обрядовый комплекс, разошедшийся после того, как на конец зимы и начало весны пришелся Великий пост. Очевидно, обрядовые действия и тексты, которыми встречали весну, подверглись деформации, частично забылись, частично же стали приурочиваться к иному времени: к неделе перед Великим постом (масленице), к Вербному воскресенью и к другим праздникам. Так что в элементах праздника встречи весны можно было бы, вероятно, попытаться уловить и мотивы изгнания зимы, более заметные на масленицу.

Примечания

Эта работа подготовлена при финансовом содействии Международного Фонда "Культурная инициатива".

1. Чуковский К. От двух до пяти. М., 1955. С. 165.
2. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 69-70.
3. Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество, Детство/Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. В.Аникина. М., 1991. С. 119.
4. Капица О.И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л., 1928. С. 58.
5. Там же. Ср.: "— Ладышки, ладышки, // Где были? // — У бабушки // — Чего ели? // — Кашку // — Кого били? // — Машку // Ее били, колотили, // Приговаривали: // — Не ходи, Машка, // По чужим дворам, // Не качай, Машка, // Чужих детишек... и т.д. (Из собрания В.И.Симакова: Детский фольклор / Публикация В.А.Василенко и В.Г.Шоминой // В.И.Симаков и народное творчество: Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1977. С. 132-133.)
6. Записано автором в апреле 1988 г. в г. Дзержинске Горьковской области от уроженки Новосибирска Л.Н.Поздеевой. Этот вариант "Ладушек" бытовал в Сибири в предвоенное время.
7. Дзіцячы фальклор/Складальнік Г.А.Барташэвіч. Мінск, 1972. С. 187.
8. Ср.: "Накормить кого березовой кашей, постегать" (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I.М., 1981. С. 83.)
9. Любопытно, как трансформировалась малопонятная в таком контексте тема березовой каши в стихах белорусского поэта, написанных по фольклорным мотивам: "...Ладушки, ладушки, // Где были? У бабушки // Что ели? Яичко // Что пили? Водичку // Долго мы сидели, // Долго пили-ели, // А потом играли, // Прыгали, скакали. // Прыгали-скакали — // Бабушке мешали... // Очень рассердилась // Бабушка наша // Обещала нам дать // Березовой каши" (*Витка, Василь, Т.В.Крысько.* Бабушкины гости: Стихи/Пер. с белорус. И.Токмаковой. М., 1987.)
10. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. С. 45. (Из потешки, используемой в качестве колыбельной песни.)
11. Потешки, считалки, небылицы//Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.Н.Мартынова. М., 1989. С. 109.
12. Коршунков В.А. Бабушкино угощенье в потешке "Ладушки" // Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С.Виноградова (Виноградовские чтения) / Сост. В.М.Григорьев, М.А.Мухомин.М., 1990. С. 61-63; Он же. Этнографический комментарий к "Ладушкам" // Дети и народная культура. Четвертые Виноградовские чтения 15-20 мая 1990 года: Тезисы докладов /Отв. ред. М.Н.Мельников. Новосибирск, 1990. С. 18-19; Он же. "На головушку сели!" // Русская речь. 1991. № 1. С. 142-146. В.В.Головин предложил иное объяснение происхождения текста "Ладушек". Соглашаясь с тем, что основа этой потешки обрядовая, он предположил, что "Ладушки" восходят к другому обряду — "бабьим кашам", празднику повивальных бабок и рожениц (26 декабря по старому стилю). (*Головин В.В.* "Ладушки": Вопросы генезиса // Дети и народные традиции: Материалы Пятых Виноградовских чтений/Научн. ред. А.И.Лазарев. Ч. 1. Челябинск, 1991. С. 35-38.) Некоторые наблюдения Головина вполне резонны. С другой стороны, и сам он признает, что по крайней мере заключительные слова "Ладушек" ("Шу, полетели, // На головушку сели!") "могут соотноситься с реальным весенним обрядом". Если так, то как же объяснить, что один и тот же текст может связываться и с весенним обрядом встречи птиц, и с зимними "бабьими кашами"? На мой взгляд, дело в том, что "бабьи каши" — это лишь один из большого числа календарных женских и

девичьих праздников, которые имели много общего между собой. Перечень некоторых из них приведен в книге А.А.Макаренко "Сибирский народный календарь" (Новосибирск, 1993. С. 136-139). Есть все основания полагать, что и праздник встречи птиц, запечатленный в детских потешках, был одним из таких женских и девичьих дней. Впрочем, обширный материал, подтверждающий это, требует отдельного обстоятельного исследования.

13. Пища и питье крестьян-малороссов с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами / Сост. В.И. // Этнографическое обозрение. 1899. № 1-2. С. 292; *Скорняков В.* Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Кн. 6. Томск, 1901. С. 43.

14. *Топорков А.Л.* Православные праздники. М., 1990. С. 17.

15. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Весенние праздники/Отв. ред. С.А.Токарев. М., 1977. С. 22-24, 41, 63, 76, 150, 169, 230, 255, 329; *Токарев С.А., Филимонова Т.Д.* Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев/Отв. ред. С.А.Токарев. М., 1983. С. 155.

16. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

17. Само слово "верба" родственно словам индоевропейских языков со значениями: стебель, прут, палочка, розги, побои (*Срезневский И.И.* Словарь дренерусского языка. Т. 1. Ч. 1. М., 1989. Стлб. 460; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 293). В русских диалектах слово "верба" может обозначать любое дерево, дерево вообще (Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969. С. 120).

18. Применение вербового жезла для исцеления засвидетельствовано уже в XIII в. (см.: *Срезневский И.И.* Словарь. Стлб. 460).

19. *Ермолов А.С.* Народная мудрость в пословицах, поговорках, приметах. Т. 1. СПб., 1901. С. 109.

20. Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста К.Чистова и Б.Чистова. Л., 1984. С. 121.

21. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектическому словарю (А-Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 191.

22. *Костомаров Н.И.* Об историческом значении народной поэзии. Харьков, 1843. С. 48.

23. Об этом обряде см.: *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд — "заклинание весны" в Калужском крае // Сб. Калужского гос. музея. Вып. 1. Калуга, 1930. С. 33-60; Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подг. текстов В.И.Жекулиной, А.П.Розова. М., 1989. С. 177-184.

24. Обрядовая поэзия. С.181-182.

25. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд.

26. Ср. способ уничтожения освященной вербы, хранящейся до Егорьего дня, — бросить в реку, в воду (16, с. 161).

27. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. Т. 2. М., 1993. С. 382-383.

28. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 176-177.

29. Обрядовая поэзия. С. 197.

30. Круглый год: Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и примеч. А.Ф.Некрыловой. М., 1989. С. 456. В Саранском уезде "каждый хозяин, придя домой с вербой, шел прежде всего в хлев и бросал вербу в корм для скота" (16, с. 99).

31. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980. С. 48.

32. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд. С. 37.
33. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Н.Садовников. М., 1959. С. 162-63.
34. Этот фразеологический оборот отмечен, к примеру, В.М.Мокиенко (31, с. 36, прим. 1).
35. Обычное объяснение этого выражения иное: "Из школьного обихода. В старой школе начало какого-л. нового этапа обучения отмечали угощением (кашей) из одного котла (ср. однокашник). Провинившихся и нерадивых учеников вместо угощения кашей пороли березовыми розгами, "угощали кашей березовой" (*Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. С. 16). Такое толкование подразумевает довольно странную сцену торжественной порки лентяев перед тем, как начинать курс наук, а не после его завершения, так сказать, по итогам обучения. К тому же наказывать березовыми прутьями едва ли сподручно. Обычно для этой цели используют длинные, прямые и гибкие побеги ивы или орешника. Скорее всего, школярско-бурсацкие ассоциации этого выражения вторичны. Мокиенко замечает: "Весьма показательно, что именно в русских диалектах (или просторечии) развивается "кулинарная" линия "березовой" темы ("печь березовые блины", "угостить березовым пивом", "полечить березовой лапшой" — все выражения со значением "бить, хлестать"). По его мнению, эти "березовые" метафоры начинались, по-видимому, с сочетания типа "дать березового прута" (31, с.161).
36. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов. С. 39.
37. Ср.: барашки — "пупочки или почки на ветле, вербе, раките" (8, с. 47).
38. Круглый год. С. 456.
39. *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 49-59. Ср.: "В Вербное воскресенье в Нерехотском уезде пекут в масле на сковороде шарики, называемые баранками; в некоторых местах варят их в конопляном соку: сии баранки употребляют в пищу, пришедши от обедни; ими тогда же кормят овец" (*Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий: 1. Рождественские обряды // *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 427. Прим. 25 — со ссылкой на работу М.Диева).
40. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л., 1966. С. 103.
41. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа: Народный дневник, праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 41.
42. *Петрушевич А.С.* Общерусский дневник церковных, народных, семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов, 1866. С. 34.
43. (8, с. 47); Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 360. Там же указано диалектное тульское "бяшка" — булочка, испеченная с пережженной на Благовещение солью, которая давалась скоту как лекарство.
44. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. С. 103, 106.
45. *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь. С. 102-183.
46. Фольклор Московской области. Вып. 1: Календарный и детский фольклор/Сост. В.Б.Сорокин. М., 1979. С. 25.
47. *Костомаров П.И.* Об историческом значении народной поэзии. С. 47.
48. *Рыбаков Б.В.* Народный календарь. Свердловск, 1980. С. 14. Ср. также: "Увидала на вербе пушок — и весна под шесток" (*Объедков М.Ф.* Времена года: Народные суждения о погоде. Горький, 1986. С. 35).
49. См., например: Обрядовая поэзия. С. 182-184; Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. И.И.Земцовского. Л., 1970. С. 278.
50. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд. С. 38.

51. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 352.
52. (8, с. 3). Если учесть, что иногда "барашком" называли хохлатую синицу (Словарь русских народных говоров. Вып. 2. С. 109), которая тоже, как и потатуйка, хохлата, то это надо поставить в связь с обыкновением лепить тестяных "птичек" ко дню встречи весны "с хохолками" (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 354; Пища и питье крестьян-малороссов. С. 313-314).
53. Русская народная поэзия: Лирическая поэзия / Сост., подг. текста, предисл. к разделам, коммент. А.Горелова. Л., 1984. С. 131-132.
54. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 385.
55. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102. Ср.: "На сорок святых сорока сорок паличок у гніздо положить" (Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини / Упоряд. М.М.Пазяк. Київ, 1989. С. 388).
56. Миков Л. Первомастенска обредност. София. 1985 С. 74.
57. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 385.
58. (8, с. 91) Ср. Мотив прядения в веснянках: зима "всю кудельку перепряла" (16, с. 72); "А мы весну ждали, // Ключки допрядали" (Обрядовая поэзия. С. 183).
59. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. С. 51.
60. Народные русские легенды А.Н.Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 84-88.
61. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969. С. 120-121.
62. Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907 (Сб. Харьковского Историко-филологического Общества, XVII). С. 86.
63. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102-103. В Шуйском уезде Владимирской губернии 9 марта молились сорока мученикам "от кумохи или лихорадки" (Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Вып. I. Пг., 1914. С. 171). Было поверье, что лихорадки начинают нападать на людей в самом конце февраля. 25 февраля, по народному календарю, — день Тарасия Кумошника (Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 31; Круглый год. С. 124).
64. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 177; 16, с. 100.
65. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102-103.
66. Коршунков В.А. Этнографический комментарий к "Ладушкам". С. 18.
67. Забылин М. Русский народ. С. 269.
68. Среди прочих имен дев-трясавиц есть и "Голяда" (Забылин М. Русский народ. С. 363). Очевидно, это несколько искаженный иной обрядовый напев — "коляда". Известно, что колядование, которое в позднейшую эпоху проводилось на зимние святки, в старину справлялось и 1 марта (Срезневский И.И. Словарь. Т. 1. Ч. 2. Стлб. 1263). 1 марта — первый день первого весеннего месяца, день встречи птиц и весны. В древности это было и начало года, к которому и было приурочено колядование. Кое-где насчитывали 40 видов лихорадки, в том числе выделяли и "веретенницу", которая нападает на пряж (8, т. II. С. 258). Очевидно, это тоже имеет отношение к дням встречи птиц.
69. Забылин М. Русский народ. С. 269. Ср.: "Я не знаю, что делать с этим известием. Сравнение с чудовищами германской мифологии, которые освободятся от цепей в конце мира, сюда нейдет" (Потебня А.А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 498. Прим. 5).
70. Круглый год. С. 455.
71. Народные русские легенды. С. 85. Наряду с этими двенадцатью пятницами почитали также девять пятниц обетных и насчитывали девять пятниц торговых (Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 44).

72. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 135.

73. Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 232.

74. Цит. по: Народные русские легенды. С. 88.

75. Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды, детский фольклор / Сост. И.Д.Фридрих. Рига, 1942. С. 40-41.

76. Перепеча — "род кулича, коровая, папушника"; перепечь (перепечины) — "все хлебное, печенье, собираемое попами с причтом по домам, после Пасхи, при обходе с образами"; перепека — "высокий и толстый, хорошо поднявшийся хлеб". Рифма "печки — перепечки" традиционна, ср.: "Какова печка, таковы и перепечки"; "Лезти с печки для перепечки" (8, т. III. С. 73). В Каргополье перепечки пекли под Рождество, их давали детям—"христославцам". Перепечки шли и в корм скоту (Дурасов Г.П. Народная пища Каргополья: По материалам XIX-XX вв. // Советская этнография. 1986. № 6. С. 89). Ср. в масленичной песне: "Подайте оладушка-перепенчика, // Подмасленного, поджаренного" (Фольклор Московской области. С. 24). См. также: Судаков Г.В. Красна изба пирогами: Бытовой словарь Древней Руси // Русская речь. 1984. № 3. С. 109. Об украинской "перепичке" см.: Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С.159.

77. Обрядовая поэзия. С. 179.

78. (16, с. 72). "Посошочек" следует, очевидно, сопоставить с палкой, жердью, колом, на который сажали печеных "птичек".

79. (16, с. 163); Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия. С. 121.

80. Срезневский И.И. Словарь. Т. 1. Ч. 2. Стлб. 1263.

81. Капица О.И. Детский фольклор. С. 80 (со ссылкой на Н.Добротворского). Ср. также упоминание помела в колядке: Обрядовая поэзия. С. 71; ср. использование помела на вьюнинах (16, с. 135).

82. Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963-1976 гг./Под ред. В.Г.Базанова, А.А.Горелова, А.Д.Соймонова. Л., 1979. С. 139.

83. "...Не жалеют старых плетней (то есть корзин. — В.К.) и веников" (Огурцов Н. Масленица в Пошехонском уезде дер. Кладово Давыдовской волости//Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 72).

84. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1911. С. 160.

85. Поэзия крестьянских праздников. С. 244, 263.

86. Обрядовая поэзия. С. 166-167.

Е.А.ЗИЛОТИНА,
О.В.СМИРНОВА
(Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕТСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

(Из собрания Фольклорно-этнографического центра
Санкт-Петербургской консерватории)

Художественные формы, связанные с детской музыкально-поэтической, игровой культурой, составляют одну из интереснейших областей русского фольклора. Сопровождая с самого рождения рост и развитие ребенка, они прочно входили в сознание, формировали поведенческие нормы, жизненно-бытовой уклад детей сообразно общепринятой традиции. В лаконичных и простых на первый взгляд формах раннего детского пестования, игрового фольклора, в закличках, приговорках заключен богатейший, совершенно особый образно-поэтический мир. Стремление зафиксировать, понять и объяснить его уже в прошлом веке побуждало собирателей неоднократно обращаться к детскому фольклору. Интерес к этой сфере не ослабевает и сегодня, открывая новые проблемы, аспекты в ее изучении. Одна из тенденций, проявившихся в свете общего развития музыкальной фольклористики, — исследование детского фольклора в контексте региональных традиций. Такой подход дает возможность рассмотрения системы музыкально-поэтических форм детского фольклора в связи с этнографической, этнокультурной, историко-стилевой характеристиками каждой традиции в единстве с жанровой системой в целом.

Ниже представлен материал, составленный на основе фонда экспедиционных записей Фольклорно-этнографического центра СПб: консерватории, а именно материалов экспедиций 1986-1992 гг. в Псковскую (Невельский, Себежский, Пустошкинский, Новоржевский, Порховский, Псковский районы), Новгородскую (Любытинский, Хвойнинский, Пестовский, Парфинский, Демянский районы), Тверскую (Лесной, Бежецкий, Сандовский, Молоковский районы) области*. Общий объем записей за указанный период времени по детской музыкально-поэтической, игровой культуре составляет около 500 текстов и репортажей.

* За период 1986-1992 гг. в перечисленных районах было проведено 14 музыкально-этнографических экспедиций Фольклорно-этнографического центра СПб консерватории с участием сотрудников Центра и студентов МЭО под руководством А.М.Мехнецова.

Записи производились от исполнителей преимущественно преклонного возраста, которые на сегодняшний день нередко становятся единственными носителями традиции, в том числе и детского фольклора. Общее состояние народно-песенной традиции вышеназванных районов в целом является утасующим. Поэтому при огромной художественной, научной ценности предлагаемых материалов имеет место некоторая фрагментарность отдельных текстов и комментариев, отсутствие в нескольких случаях напевов.

В рамках настоящей публикации авторы не ставили перед собой задачи полного освещения этнографического, исторического контекста бытования музыкально-поэтических, игровых форм детского фольклора. Представлены лишь избранные образцы, отражающие традицию детского пестования и детских игр. Краткие разделы составили детские заклички, приговорки на дождь, божью коровку, солнце, утратившие прямую связь с календарно-праздничным циклом и бытующие исключительно в детской среде.

За рамками публикации остались чрезвычайно интересные и обширные материалы, связанные с участием детей в календарных обрядах и с существованием традиции детского исполнения колядок, закличек, приговорок в Новый год, масленицу, Вознесение и другие годовые праздники; ряд хороводных и плясовых песен, исполнявшихся на детских вечерках. Генезис этих форм выводит исследование за рамки собственно детского фольклора, поэтому их целесообразно рассматривать в связи с основным корпусом обрядовых, хороводных и плясовых песен.

Не представлен также жанр колыбельных песен, обладающий особыми стилевыми признаками. Объем записей по этой группе и их художественная ценность заслуживают отдельного монографического издания.

Предлагаемый вниманию материал образует 4 раздела.

I. Пестушки, потешки, прибаутки.

II. Заклички, приговорки.

III. Загадки.

IV. Игры, считалки.

Располагая материал таким образом, авторы придерживаются общепринятой филологической группировки, отдавая себе отчет в некоторой ее условности. Отдельно взятый поэтический текст, на наш взгляд, не позволяет однозначно судить о его жанровой принадлежности. Лишь комплексный анализ типологических закономерностей музыкально-поэтического языка, изучение этнографического контекста исполнения, функционально-смысловых доминант каждого текста может дать полное представление о его связи с той или иной жанровой группой. При этом важную роль играют различные формы коммуникативной направленности, проявляющиеся в детском фольклоре на не-

скольких уровнях: общение взрослого с ребенком (детские пестушки, потешки и прибаутки), общение детей между собой (игры, считалки, вечерочные хороводы), с окружающим миром (заклички, приговорки).

В связи с этим нередко возникает функциональная подвижность одного и того же текста, оказывающегося в разных жанровых группах. Так, известный кумулятивный сюжет "Где кони? — Миколка увел" бытует и как прибаутка (№ 20-24), и как хороводно-игровая песня на вечерках, и как колыбельная (№ 21), и как колядка. Поэтический текст "Как повадился коток" встречается в виде прибаутки (№ 17), колыбельных, игровых припевок. Подобные примеры можно продолжить.

Кратко прокомментируем содержание основных разделов.

В I раздел вошли музыкально-поэтические формы, предназначенные для детей от младенческого до отроческого периода. Наряду с простейшими пестушками, потешками (№ 1-5), прибаутками (№ 6-13) в раздел включены более сложные кумулятивные формы прибауток (№ 20-24), докучные сказки (№ 29, 30). Большинство сюжетов представлены группой вариантов, что позволяет рассматривать особенности художественной формы в их регионально-стилевой развертке.

В раздел "Игры, считалки" вошла та часть игрового фольклора, в которой ключевые смысловые моменты игрового действия обусловили исполнение той или иной художественной формы (считалки, песенки, приговорки, игрового диалога). Раздел составили считалки, уличные игры подвижного характера, игры сюжетного типа, детские игровые хороводы, бытующие преимущественно на вечерках. Дана нотация напевов некоторых прибауток, игровых припевок, закличек, так как часть напевов ушла из памяти исполнителей. В ряде случаев тексты исполняются говорком.

Ведущими организующими факторами в напевах являются, во-первых, вербальное начало — сам стих, слово с особыми формами его произнесения, продиктованными жизненным смыслом, функциональным назначением того или иного фольклорного текста. Во-вторых, метро-ритмический строй, в основе которого легко обнаруживаются простейшие ритмопримитивы, связанные с различными формами движения, счетом.

На анализе метро-ритмических закономерностей остановимся несколько подробнее.

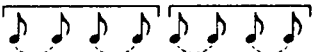
Во всем материале мы выделяем два типа метро-ритмической организации. Первый тип представлен некоторыми считалками и связан исключительно с речевой, счетной формой произнесения текста. В его основе — двухакцентный силлабически неурегулированный стих, при произнесении которого стиховой акцент регулируется единицей счета и усиливается особым игровым жестом.

жест	/	/
счетный акцент	>	>
стиховой акцент	—	—
	Зай — чик	бе — ляй — чик
	Сор — вал	трав — ку

В рамках этого типа мы выделяем две группы считалок, возникающие вследствие различных способов организации стиха. В первой группе отсутствует слоговая мерность стиха. Образ уюющиеся 2- и 3-сложные сегменты, приходящиеся на отдельную единицу счета, препятствуют появлению единой внутрислоговой ритмической пульсации.

Сит — ки	брит — ки	4 сл.
Ва — ро — нь — и	ка — пыт — ки	6 сл.
Сам	ва — ра — нец	4 сл.
Вый — ди	вон на — ко — нец	6 сл.

Связь данного метро-ритмического типа исключительно с речевой формой произнесения подтверждается фактом исполнения этих текстов с напевами, когда структура стиха оказывается подчиненной 4-мерному принципу ритмической организации, на котором мы остановимся несколько ниже.

Зай — чик бе — ляй — чик
Сор — вал трав — ку (па —) и т. д.

Во второй группе при той же 2-акцентной счетной организации стиха имеет место временная внутрислоговая упорядоченность. Возникающая на основе сдвоенного 3-сложного сегмента стиха шестимерность подчиняет себе и стих с другими слогочислительными показателями:

Се — ни — ки	бе — ни — ки	6 сл. ед.
Все ко — ле — са		4 сл.
Шо — ло — бы	бо — ло — бы	6 сл.
Шис — ти — ко —	рыс — ти	5 сл.

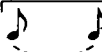
Как единичный случай отметим вариант той же ритмической структуры с 3-акцентной организацией стиха:

Е — хал му —	жик по	до — ро — ге	9 сл. ед.
Сло — мал ко — ле —	со на по —	ро — ге	8 сл.
			9 сл.

Обратимся ко второму, наиболее распространенному в наших материалах типу метро-ритмической организации. В различных по функциональному назначению текстах этого типа (потешки, заклички, считалки) обнаруживаются стилистические закономерности художественных форм, связанных с плясовым движением. В их основе — характерная для плясовых песен ритмическая пульсация 4-мерной ритмо-формулы. Композиционное строение музыкально-временного периода, соответствующего стиху, как правило, совпадает с плясовым типом "Русского" ("Ах вы, сени, мои сени" — дважды повторенное

4-дольное звено:).

Слогочислительная характеристика стиха, изменяясь на протяжении одного текста, соответствует 4-8 слогам в строке.

			
Си - дит	дя - тел	на по - то - ке	8 сл.
В крас - ном	яс - ном	кол - па - ке	7 сл.
Сам в лес	по - бе - гу		5 сл.
Мос - ты	мос - тят		4 сл.
Тра - та - та,	тра - та - та		6 сл.
Выш - ла кош - ка	за ко - та		7 сл.
Дож - дик, дож - дик,	пи - ряс - тань,		7 сл.
Я у - е - ду	в Е - рес - тань.		7 сл.

Как исключительный случай мы отмечаем художественные формы, совмещающие речевой и музыкальный способы метро-ритмической организации текста (№ 99, 28). В прибаутке "Ты скажи, скажи, Гараня" противопоставление музыкальных четко ритмизованных и речевых тирадных разделов становится особым художественным приемом.

Отдельная группа складывается из считалок, в которых 4-сложная структура стиха совпадает с 4-мерной ритмо-формулой (№ 46-51). При этом в речевой форме произнесения текста возникает еще один уровень акцентности, связанный, вероятно, с парностью счета:

главный акцент стиха	>	
счетный акцент	/	/
Ко - ни	но - вы	4 сч. ед.
Чим пад	ко - вы	4 сл.
За - яц	се - рый	
Ку - да	бе - гал	
В лес	ду - бо - вый	

Второй важнейший метро-ритмический тип русских плясовых песен и наигрышей архаического слоя — тип "Камаринского" (метро-ритмический период складывается из трижды повторенной 4-мерной ритмоформулы) в наших материалах представлен одним музыкально-поэтическим текстом:

						12 ♪
Рас-ку-	пы ку - пы	Ку-	па -	нуш -	ка	9 сл.
Где ку-	пал - ся	И-	ва -	нуш -	ка	8 сл.
Се-ре-	ди бе - ло - го		ка -	мыш -	ка	9 сл.
Бе-лый	ка - мень у	ме-	ня, у	ме -	ня	10 сл.

При этом 8-9-сложный 2-акцентный стих обнаруживает черты тонической организации:

˘	˘	-	˘	˘	˘	-	˘	˘	9 сл.
˘	˘	-	˘	˘		-	˘	˘	8 сл.

Краткость данной художественной формы и отсутствие группы песен с подобными структурными чертами не позволяют углубить наши наблюдения над песнями детского фольклора с организационными признаками "Камаринского". Факт значительного преобладания метро-ритмического типа "Русского" как ведущего организационного принципа в рассматриваемом материале требует своего дальнейшего осмысления.

Особенности ладо-интонационного строения публикуемых напевов оказываются в тесной связи с функционально-смысловыми доминантами конкретных художественных форм. Выявление ведущих признаков ладо-интонационного развития закономерно выходит на жанрово-стилевую и историко-стилевую проблематику в изучении материала.

На основе проведенного ладо-интонационного анализа мы выделяем две группы напевов, в которых при едином декламационном характере произнесения текста различаются мелодические формы ярко выраженного плясового характера и напевы, неоднородные по жанровой принадлежности, но в целом представляющие собой различные формы художественного воплощения речевой интонации.

Последнюю группу образуют заклички (№ 32, 36), некоторые прибаутки (№ 18-20, 23, 24), хороводно-игровые песни (№ 79, 89). Напевы этого типа (условно назовем его декламационным) строятся на многократном повторении (точном или вариантном) одной интонации-примитива — терцовой, квартовой, квартового трихорда. Интонационное

зерно, с одной стороны, совпадает с ладо-интонационной формой всего напева, с другой — может стать основой для непрерывного вариантного мелодического развертывания.

Напевы, возникающие из точного повторения начальной интонации-примитива, главным образом характерны для закличек, в чем мы усматриваем их опосредованную связь с некоторыми обрядовыми музыкально-поэтическими формами архаического пласта (простейшие типы колядок, масленичных, весенних закличек, егорьевских песен). Графика мелодической линии, декламационный принцип соотношения напева и текста обнаруживают, на наш взгляд, кличевую природу попевочных образований. Практически все публикуемые нами заклички являются интонируемыми выкриками, что подтверждается комментариями самих исполнителей*.

Пример 1.

♩ = 180

Гой _ ки - па _ гой _ ки, па_го_ним да_мой_ ки.

♩ = 128

Дож_дик, дож_жик, пуш_чи! На_лю_ти_бе_гуш_чи !

Для напевов с текстами прибауток типичным оказывается принцип вариантного развития основной попевки (расширение амбитуса интонирования, незначительные метро-ритмические изменения, мелодические варианты). С нашей точки зрения, такой принцип мелодического развертывания, преобладание нисходящей ("утвердительной") направленности в графике мелодического развития обусловлены главной функционально-смысловой доминантой напевов — повествовательным характером речевой интонации, определяющей ролью вербального начала.

* Исключением является закличка "Дождик, дождик, перестань" № 34 с плясовым типом напева. Единичный характер данной записи не позволяет судить о случайности или закономерности появления такого напева в группе закличек.

Пример 2.

$\text{♩} = 120$

Дар_я Стя _ па_нав_на, Фёк_ла Ни_ка _ ла_ев_на. Них_то
со_вуш_ку ня зна_е, них_то ни пра _ ве_да _ е

$\text{♩} = 128$

На_шлём на те вол_ка. Лю_ди не йдут вол_ка га_нить Волк не йде
ка_зу ись. Ка_за не йдя да_мой жить. Нет ка_зы с а _ реш_кау.

Вариантный принцип мелодического развертывания оказывается в тесной связи с процессом формообразования. В напевах этого типа, как правило, отсутствует четкая строфическая расчлененность, ярко проявляется процессуальный, непрерывный характер становления музыкальной формы (см. № 19, 20, 23 и др.); в исполнении нередко присутствуют черты импровизационности, органично сочетаются пение и говор; особенности мелодического развития в значительной степени обусловлены индивидуальным стилем конкретного исполнителя (см. № 18, 19, 24, 25).

Типологические признаки напевов 1-й (условно "плясовой") группы мы рассматриваем в одном ряду с жанрово-стилевыми закономерностями плясовых песен. Среди наиболее показательных характеристик музыкального языка отметим равномерность метро-ритмической пульсации, элементы функционального соподчинения тонов мелодии, которые легко выстраиваются в вертикаль, обнаруживая при этом типичное для плясовых традиционных наигрышей движение параллельными созвучиями в секундовом соотношении:

ай, ду - ду. ду - ду. ду - ду. си - деу жо_рау на ду_бу

Ряд существенных типологических признаков сосредоточен в области композиционного строения напевов. В их числе четкая структурная расчлененность, периодичность, квадратность музыкально-поэтической формы, принцип повторности (см. № 11, 12, 13, 15). Нередко ладо-интонационные закономерности обеих типологических групп оказываются во взаимодействии (см. № 23, 30, 34).

В ряде напевов мы обнаруживаем особенности ладо-интонационного строения, характерные для песенности более позднего историко-стилевого пласта. Как правило, они сочетаются с традиционным комплексом средств выразительности, рассмотренным выше (см. № 26, 27).

Анализ важнейших музыкально-типологических закономерностей художественных форм детского фольклора позволяет проследить общность ведущих принципов их ладо-интонационной, метро-ритмической и композиционной организации со всей системой песенных жанров архаического пласта. Этот факт выводит нас на проблемы исторической жизни рассматриваемого явления, генетической связи области детского фольклора с некоторыми жанрами календарно-обрядового цикла, хороводно-плясовыми формами, отдельными эпическими жанрами.

В публикуемых текстах полностью сохранена диалектная форма произношения. Все комментарии к прибауткам, закличкам, играм являются комментариями самих исполнителей и даны без кавычек. Авторские уточнения, дополнения помещены в квадратных скобках. В примечаниях представлены полные паспортные сведения к каждому публикуемому тексту. Нотации напевов, расшифровки поэтических текстов и комментариев выполнены научными сотрудниками Фольклорно-этнографического центра СПб консерватории Е.А.Зилотиной (напевы № 11-13, 15, 18, 20, 23, 24, 26-28, 32, 36, 77, 79, 83, 89, 90, 91; тексты № 17-20, 24, 27, 29, 35, 36, 47-50, 52, 53, 60, 63, 66, 68, 72, 77, 79, 80, 82, 89, 91) и О.В.Смирновой (напевы № 2, 10, 14, 21, 25, 30, 34, 75, 92; тексты № 1-5, 8-10, 14, 16, 21, 22, 25, 30, 31, 34, 40-44, 46, 51, 54, 56, 58, 61, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 81, 87, 88, 92). В расшифровке поэтических текстов и комментариев принимали участие студенты музыкально-этнографического отделения консерватории И.Н.Окунева (№ 6, 11-13, 15, 23, 26, 28, 32, 33, 38, 39, 55, 57, 59, 62, 64, 70) и Г.Н.Решотка (№ 7, 74).

1. Пестушки, потешки, прибаутки

Пестушки. В раздел вошли простейшие музыкально-поэтические формы, направленные на восприятие ребенка самого раннего возраста (№ 1-6). Краткими незамысловатыми текстами взрослый занимает внимание малыша, сопровождая речь каким-либо действием — разводит

ручки, водит пальцем по ладошке, подкидывает на коленях. Поэтическим текстам пестушек соответствуют не менее лаконичные напевы с простым, но выразительным, легко запоминающимся мелодическим рисунком.

Потешки, прибаутки. В эту группу входят более сложные по структуре, образно-смысловому ряду тексты. Чаще всего они исполняются взрослым, с одной стороны, играют занимательную роль, с другой — развивают кругозор ребенка, его логическое, образно-эмоциональное мышление. С этой точки зрения, показательными являются поэтические тексты с сюжетами, персонифицирующими образы и поведение животных, птиц (№ 7-14), кумулятивные прибаутки (№ 20-26). Напевам прибауток, как правило, свойственны неторопливая повествовательность или, напротив, оживленный плясовой характер.

1

Ручки розлаживают по сторонам, возьмешь за ручки сама, или мать, или отец и говорят:

Это папы сажень,
 Это мамы сажень,
 Это братику сажень,
 А это нам с тобой пополам!

2

$\text{♩} = 138$

Ла_ды, ла_ды - ла_душ_ки, да где бы_ли? У ба_буш_ки. Пи_ли, е_ли
 пи_раж_ки, на_пи_сы_ли в сы_паж_ки. Ух, ну! Ой, на! Ой, да - да, да, ли да-
 да! Ай, тюх ты па_тюх, рыз_га_рел_ся мой у_тюх. Я те_бе_то у_тю_гом

— Лáды-лáды-лáдушки,
 Да где были? — У бабушки.
 Пили, ели пиражки,
 Написы́ли в сыпáжки!
 Ух, ну! Ой, на!
 Ой, да-да, да, ли да-да!
 Ай, тюх ты пáтюх,

Рызгарелся мой утюх.
Я тебе-то утюгом,
А мине-то ругают-то матюгом*.

3

(Ладки)-ладушки,
Курочки-кладушки,
Всем по яйчку,
А тебе фичку.

4

Пипа-пипа,
Кашу варила,
На парог становила,
Всем раздавала:
Этому дам, этому дам,
Этому ня дам.
Этот мал,
Круп ня драл,
Каши не варил,
Тесто не мясил.
Этово за ушко и за акоско.

5

Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за катá.
За катá катóвича,
За Петра́ Петрóвича.
Кот кошку не любит,
Ей башмáчки не купит.

6

Байки-побайки,
От матери — китáйки,
От отца-та — кумачу́,
А от брáтца — ситчеку,
От сястрицы — две тряпи́цы,
От брата́на — два кафтана.

* Последняя строка произносится говорком.

7

Тень-тень-патитень,
 Сели звери на плетень,
 Пахвалялись целый день.
 Пахвалился мядвёдь:
 — Да я умею песни петь.
 Пахвалилася лиса:
 — Всяму городу краса.
 Пахвалились блохи:
 — Ну и мы ня плóхи.

8

Тень-тень-патитень,
 Выше города плетень.
 На гаричке крупички
 Гарóховачки.
 Как у Спаса бьют,
 У Микóлы звонят.
 Как у старóво Телéнтя
 Часы заговорят.

9

Писано-переписано
 Село Борисово.
 Курочка Фёклушка,
 Петушок Офонюшка,
 Ярочки Машки,
 Барашки Игнашки,
 Свины Оксиньи,
 Бóровы Васильи.

10

$\text{♩} = 144$

Как у на шей у Ду ня ши це лый двор ска ти ны, и каж дой да но
 и мя. Ку ри це ря буш ка, пе ту шок Анд рюш ка, ут ка А гат ка,
 се ле зень Иг нат ка, ка ро ва А лё на, бык Я рё ма

Как у нашей у Дуняши
 Целый двор скатины,
 И каждой дано имя.
 Курице — Рябушка,
 Петушок Андрюшка,
 Утка Агатка,
 Селезень Игнатка,
 Карова Алёна,
 Бык Ярёма,
 Свинья Анисья,
 Боров Василий,
 Кабыла Нянила,
 Жерябец Гаврила,
 Козочка Улита,
 Казялок Никита —
 Все убрались в жито!

11

Как у на́шива сасе́да
 Хыраша́ была́ бясе́да.
 А сви́нья у дудку́ йграла,
 А два бо́ра* выпля́сала.
 Питушо́к припява́л,
 Ле́вай но́жкой прибива́л.
 Па́шол пра́вай прибива́ть,
 Па́шол де́вак це́лавать.

12

♩=128

Как у на_ ше_ва Мар_ ти_на раз_гу_ ля_ ла_ся ска_ ти_на: та_ра_

ка_ны ў ба_ра ба_ны, ко_зы ў си_нем са_рах ва_не, ка_ зёл ў сюр_ту_

_ке труб_ку но_сит на ру_ ке. Го_лубь на ёл_ке иг_ ра_еть у сви_рёл_ки.

Кот на па_ рож_ке в три нож_ки быёт. Ку_ри_ца на у_ли_це ка_ мы тал_

_кёт. Кош_ка ў лу_ кош_ки ка_ рун_ки вя_ зёт. Си_дит за_яц_

кри_вой_па_лец у скры_пач_ку йгра_еть. А ли_си_ця та_ра_пи_ца

пес_ни пад_пя_ва_ит. Волк у ба_ ло_ ти, мед_ведь на ра_ бо_ ти.

Ё_лач_ка для ё_лач_ки, ка_ лю_ча_и и_ го_лач_ки.

* Бора — борова.

Как у на́шева Мартина
 Разгулялася скатина:
 Тараканы ў барабаны,
 Козы ў синим сарахване,
 Казёл ў сюртуке
 Трубку носит на руке.
 Гóлубь на елке
 Игра́еть у свирёлки.
 Кот на парóжке
 В три ножки бьет.
 Кúрица на улице
 Камы* талкёт.
 Кошка ў лукошки
 Карúнки вязет.
 Сидит заяц-кривой палец
 У скрípачку игра́еть.
 А лисица тарапи́ца
 Песни падпява́ит.
 Волк у балоти,
 Медведь на работи.
 Ёлачка для ёлачки,
 Калючай иголачки.

13

$\text{♩} = 152$

Ай ду - ду, ду - ду, ду - ду, си_деў жо_раў на ду - бу. Си_деў
 жо_раў на ду - бу, све_сиў но_ги на ва - ду. Но_сам ры_бу тя_га_
 _ит, да на бе_рю_жек ки_да_ить. Иш_ла деў_ка па бе_рюж_ку про_сить
 ры_бу за де_нюж_ку. А ён ры_б_ки ня даў, деў_ку пру_там ат_стя_баў.

* Камы — комы, изделия из теста.

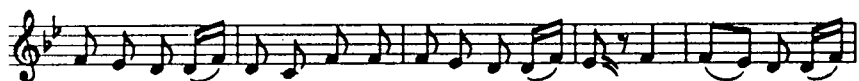
Ай дуду́, дуду́, дуду́,
 Сидеу́ жо́рау* на дубу́.
 Сидеу́ жо́рау на дубу́,
 Свесиу́ ноги на ваду.
 Носам рыбу́ т́агаит,
 Да на берюжек ќидаитъ.
 Ишла деу́ка па берюжку
 Прóсить ры́бу за денюжку.
 А ён рыбки ня дау́,
 Деу́ку прутам ат́стябау**.

14

♩ = 96

Си_дит дя_те_л(ы) на по_то_ке в крас_ном, яс_ном кол_па_ке, дер_жит

саб_лю воз_ле бо_ка: - Я сол_да_та за_се_ку, сам в лес по_бе_

_гу! В ле_се лю_ди го_во_рят, мос_ты мос_тят, се_реб_ром гвоз_

_дят. На_ле_те_ло пта_шок, вся_ких во_ро_бя_шок. Я он_

_но_му во_ро_бь_ю пал_кой нож_ку под_шиб_лю! (и т. д.)

Сидит дятел на потóке
 В красном ясном колпаке,
 Держит саблю возле бо́ка:

* Жорау — журавль.

** Атстябау — отстегал.

— Я солдата засеку,
 Сам в лес побегу!
 В лесе люди говорят,
 Мосты мостят,
 Серебром гвоздят.
 Налетело пташок,
 Всяких воробьяшок.
 Я онному* воробью
 Палкой ножку подшиблю!
 А воробейко скачѣт
 И по ножке плачѣт.
 И ево ножинька тонка
 Да и всё телушка малá.
 Вот сижу, робѣнка качаю.
 Это я байкаю так, припеваю.

15

$\text{♩} = 134$

Чик-чик-чи_са _роч_ка, где бы_ла? Да _лѣч_ка. А я ў па_на

на та_ку са_би_ра_ла та_ла_ку. Па_ня сы_на ра_ди_ла,

на ко_ни_ка са_ди_ла. Ко_ник ва_ра _нень_кий, маль_чик ма_ла

день_кий. Паш_ли ко_ни пи _ти, зя_лез_ны_и спи_цы,

ду_бо _вы _и ка _ры_ты ва _ды пол_ны на _ли_ты.

* Онному — одному.

— Чик-чик-чисарóчка,
Где была? — Далёчка.
А я ў пана на такú*
Сабирала талакú**.
Паня сына радилá,
На коника садилá.
Коник варанёнький,
Мальчик маладёненький.
Пашли кони пíti,
Зялезныи спицы,
Дубовыи карыты
Вады полны налиты.

16

Уж ты тетушка Варвара,
Меня мамынька послала
За солицей, за мучицей,
Ищё тепленькой водицей.
Ищё маслица кусок,
Сковородки на часок,
Сковородника на час,
Напеку блинов сейчас!
Стáра курица насёрёт —
Те ейшница*** поспеёт,
Старой гусь пропадёт —
Тебе кось**** попадёт!

17

Как повáдилсы котóк
Ко старушке в погребок.
Ко старушке в погребок
По сметанку, по творог.
Уж как били кота,
Была ма́чеха лиха́.
Она била кота,
Приговаривала:
— Не ходи-ко ты, котóк,
По чужим погребам.

[Это] не пели, а так вот приговаривали.

* На таку — на току.

** Талака — совместная работа.

*** Еишница — яичница.

**** Кось — кость.

18

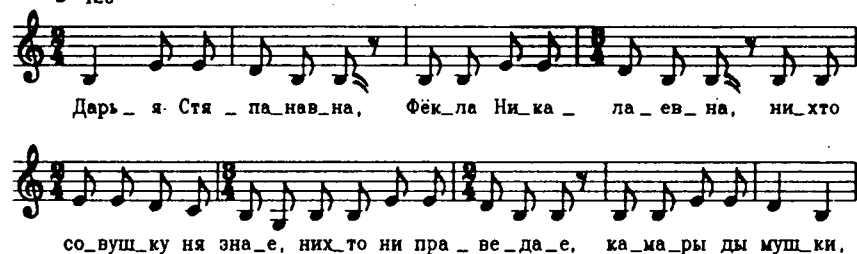
♩=136

— Кúкалка, юкалка,
 Чавó вéчер(ы) ни была?
 — Я баялась секунá.
 Секунóвы дети
 Хатели ўлетéти.
 Палятél галубók,
 Патярýл сыпáжók.
 — Ты, Мишенька-дружок,
 Падымí-ка сыпáжók.
 — Мне нéкаль падымáть,
 Пáйду пúстыню тятáть.
 И квашóначку мясítь,
 И к абéду паспáшítь.

19

♩=120

Дарья Стяпанавна,
 Фекла Никалаевна,
 Нихто совушку ня знае,
 Нихто ни правёдае,
 Камары ды мушки,
 Две сви́ньи-баду́шки.
 (В)о́раны по́раны*
 По двару лята́ли,
 Куриц зазывали.
 Ку́рачки, ма́тушки,
 Приходите ў гости,
 Лунь же́нитца,
 Саву замуж бе́рё.
 Сава ни (о)дява́лася,
 Сава ни (о)бува́лася.
 Сава села на палу́
 И павесила галаву.
 У́се людюшки жани́лись
 И с же́начкам нажи́лись.
 А лунь ажа́ниўся —
 Тока разари́лся.
 Яво гла́зы, как у ко́шки,
 Галава́, как ў луко́шке,
 А лы́тки** — как ни́тки.

* Пораны — поротые.

** Лытки — ноги.

20

$\text{♩} = 148$

Я_ре_ма, Я_ре_ма, си_дел бы ты до_ма. Си_дел бы ты
до_ма, та_чил ве_ре_те_ны, в ка_ро_бач_ку клал ба, ка_ро_бач_ка
ма_ла, вси кан_ци зла_ма_ла, в во_ду па_ски_да_ла. А где ж э_ты
_я ва_да? Всё бы_ки па_вы_пи_ли. А где ж э_ты_и бы_ки? Вол_ки па_
_се_ли. — А где ж э_ты вол_ки? На ка_мен_ной
гор_ки. А где ж э_та гор_ка? Чер_ви ста_ча_ли.
Окончание
За гу_дош_нич_кав, за ма_лош_нич_кав. А_ны блох па_ба_я_лись, а_ны
в мох за_ка_па_лись.

— Ярёма, Ярёма,
Сидел бы ты дома.
Сидел бы ты дома,
Тачил веретёны,
В каробачку клал ба,
Каробачка мала,
Вси канци зламала,
В воду паскидала.
— А где ж ётыя вадá?
— Всё быки павыпили.

— А где ж эти быки?
 — Волки пасъели.
 — А где ж эти волки?
 — На каменной горки.
 — А где ж эта горка?
 — Черви стачали.
 — А где ж эти черви?
 — Гуси склявали.
 — А где ж эти гуси?
 — За маря лители.
 — А где ж эта моря?
 — Всё трастой заросши.
 — А где ж эта траста?
 — Девушки павыжали.
 — А где ж эти девушки?
 — Все замуж павышли.
 За гудошничкав,
 За малошничкав.
 Аны блох пабаялись,
 Аны в мох закапались.
 Блаха баенку тапила
 Да и парилась,
 Приумайлась.

21

$\text{♩} = 84$

-Уж ты цы ба-ка за, где ты, цыбынька, была? -Я ка-
 ней пас ла. -Ка-во вы пас ла? -Ка-ня с сед-
 лом, с за-ла-той уз-дой. -А где конь-та? -Ми-кул-ка у-вёл.

— Уж ты, цыба-казá,
 Где ты, цыбынька, была?
 — Я каней пасла.

- Каво выпасла?
- Каня с седлом,
С залатой уздой.
- А где конь-та?
- Микўлка увел.
- А где Микўлка?
- В клетку ушел.
- А где клетка?
- Вадой пато́пило.
- А где вадá?
- Быки выпили.
- А где быки?
- Быки в гору ушли.
- А где горы?
- Черви вь́тачили.
- А где черви?
- Гуси выклевали.
- А где гуси?
- В тресня́к* ушли.
- А где тресня́к?
- Девки вь́ламали.
- А где девки?
- Замуж вь́скакали.

22

- Лисонька-лиса, где ты была?
- Лошадей пасла.
- Ково выпасла?
- Жеребеночка.
- А жеребенок-то где?
- Да Николка унес.
- А Николка-то где?
- В клетку ушел.
- А клетка-то где?
- Водой зали́лась.
- А вода-то где?
- Быки выпили.
- А быки-то где?
- Под горúшку ушли.

* Тресняк — тростник.

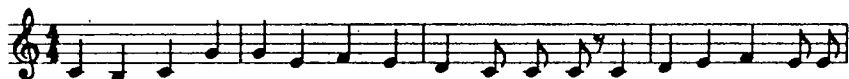
- А гора-то где?
- Черви-то выточили.
- А черви-то где?
- В вересняк ушли.
- А вересняк-то где?
- Девки вьломали.
- А девки-то где?
- Замуж вьскакали.
- А замужьё-то где?
- Всё примерло.
- А могилы-то где?
- Травой заросли.
- А трава-то где?
- Косой выкосили.
- А коса-то где?
- Сломаласе.
- А обломки-то где?
- Потерялисе.

23

♩=160

Яр(ы)зы - я_р(ы)зы, свинь_я ў ар_жи. - А где а_на влез_ла? У ди_

ру_шач_ку. - А где ды_ра? - Ва_дой за_плы_ла. - А где ва_да? - Бы_ки

вы_пи_ли. - А где бы_ки? - За га_ру па_шли. - А где га_ра? - Трас_

_той за_рас_ла. - А где трас_та? - Цвя_там заць_вя_ла. - А

где цвя_ты? - Деў_ки выш_пи_пы_ли.

Яр(ы)зы-яр(ы)зы,
 Сви́нья ў аржи.
 — А где а́на́ влезла?
 — У диру́шачку*.
 — А где дыра́?
 — Вадой заплыла́.
 — А где вада?
 — Быки выпили.
 — А где быки?
 — За гару́ пашли.
 — А где гара́?
 — Трасто́й зарасла́.
 — А где траста́?
 — Цвятáм зацьвяла́.
 — А где цьвяты?
 — Деўки вы́шшипыли.
 — А где деўки?
 — Замуж вы́скачили.

24

♩=128

— Ай, люлі-люлі-люлі,
 Приляте́ли галубы́,
 Се́ли на варо́ты.
 Ай, каво́ ж им да́ть?
 Пя́стачку га́рошку,
 Ржі́чки на да́рожку.
 Сви́ньи влезли в тю́шечку**.

* У дирушачку — в дырочку.

** Тюшечка — изгородь.

— А где ж та́я тю́шечка?
 — Вадо́й заплы́ла.
 — А где ж та́я ва́да?
 — Бы́ки вы́пили.
 — А где ж ты́и бы́ки?
 — За га́ру ушли.
 — А где ж та́я га́ра?
 — Круго́м цвь́ятам зыра́сла.
 — А где ж ты́е цвь́титы́?
 — Де́вки вы́шшипы́ли.
 — А где ж ты́е де́вки?
 — За́муж вы́скы́кали.
 — Зы ка́во? Зы ка́во?
 — Зы папа́,
 За ка́ртава́ва язы́ка.

25

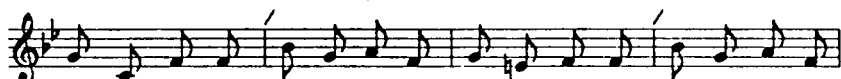
♩=128

Ка_зёл па_шёл ў лыч_ки, а ка_за в а _ реш_ки. Ка_зёл при_шёл
 с лы_чек, нет се_рой с а_реш_каў. На_шлём на те вол_ка. Волк ня йде
 ка_зу исть, ка_за не йде да_мой жить. Нет ка_зы с а _ реш_каў,
 нет се_рой с а _ реш_каў. На_шлём на те лю_дей. Лю_ди не йдут
 вол_ка га_нить, волк не йде ка_зу исть. Ка_за не йде да_мой жить.
 Нет ка_зы с а _ реш_каў, нет се_рой с а _ реш_каў. и т. д.

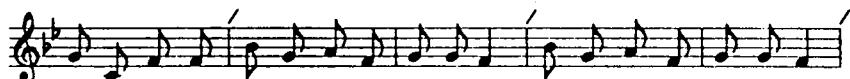
(самая полная строфа)

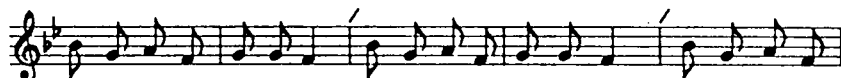
На_шлём на те_ ли_ су. Ли_са не йде гу_ сей исть. Гу_си не йдут

чер_вей кля_вать, чер_ви не йдут ка_мень зуб_рить, ка_мень не йде

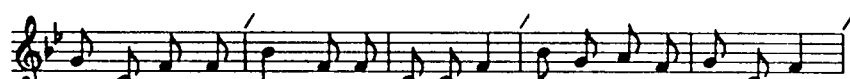
та_пор та_чить, та_пор не йде ки_и сечь, ки_и не йдут ва_лоў бить,

ва_лы не йдут ва_ду пить, ва_да не йде а_гонь лить, а_гонь не йде

медь_вю па_лоть, медь_вя не йде лю_дей ла_мать, лю_ди не йдут

вол_ка га_нить, волк не йде ка_зу исть. Ка_за не йде да_мой жить.

Нет ка_зы с а_реш_каў, нет се_рой с а_реш_каў. На_шлём на те

ружь_ё. Ружь_ё па_шло ли_су бить, ли_са па_шла гу_сай бить,

гу_си па_шли чер_ви кля_вать, чер_ви па_шли ка_мень зуб_рить,

ка_мень па_шёл та_пор та_чить, та_пор па_шёл ки_и сечь, ки_и па_шли.

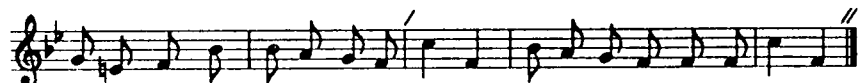
ва_лоў бить, ва_лы па_шли вы_ду пить, ва_да па_шла а_гонь лить,

а_гонь па_шёл медь_вю па_лоть, медь_вя па_шёл лю_дей ла_мать,

лю_ди па_шли вол_ка га_нить, волк па_шёл ка_зу исть, ка_за при_шла

да_мой жить. При_шла ка_за с а_реш_каў, при_не_сла пол_ны пра_реш_ки.

Казёл пашёл ў лычки,
А каза в арэшкі.
Казёл прішёл с лычек,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлём на те волка.
Волк ня йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлем на те людей.
Люди не йдут волка гáнить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлем на те медьвю*.
Медьве не йде людей лáмать,
Люди не йдут волка гáнить,

* Медьвю — медведя.

Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлем на те агонь.
Агонь не йде медвью палоть*,
Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть.
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлю на те ваду.
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлю на те валов.
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлю на те кйи.
Кйи не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,

* Палоть — палить, жечь.

Агонь не йде медвью палоть,
Медве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить,
Нет казы с арешкаў,
Нет серой с арешкаў.

Нашлю на те тапор.
Тапор не йде кии сечь,
Кии не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арешкаў,
Нет серой с арешкаў.

Нашлю на те камень.
Камень не йде тапор тачить,
Тапор не йде кии сечь,
Кии не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арешкаў,
Нет серой с арешкаў.

Нашлю на те червей.
Черви не йдут камень зубрить,
Камень не йде тапор тачить,
Тапор не йде кии сечь,
Кии не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,

Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить,
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлю на те гусей.
Гуси не йдут червей клявать,
Черви не йдут камень зубрить,
Камень не йде тапор тачить,
Тапор не йде кии сечь,
Кии не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлем на те лису.
Лиса не йде гусей исть,
Гуси не йдут червей клявать,
Черви не йдут камень зубрить,
Камень не йде тапор тачить,
Тапор не йде кии сечь,
Кии не йдут валов бить,
Валы не йдут ваду пить,
Вада не йде агонь лить,
Агонь не йде медвью палоть,
Медьве не йде людей ламать,
Люди не йдут волка ганить,
Волк не йде казу исть,
Каза не йде дамой жить.
Нет казы с арэшкаў,
Нет серой с арэшкаў.

Нашлем на те ружьё.
Ружье пашло лису бить,
Лиса пашла гусей исть,

Гуси пашли червей клявать,
 Черви пашли камень зубрить,
 Камень пашёл тапор тачить,
 Тапор пашёл кии сечь,
 Кии пашли валюу бить,
 Валы пашли ваду пить,
 Вада пашла агонь лить,
 Агонь пашёл медвью палоть,
 Медвья пашёл людей ламать,
 Люди пашли волка ганить,
 Волк пашёл казу исть,
 Каза пришла дамой жить.
 Пришла каза с арешкау,
 Принесла полны прарешки.

26

♩=112

Па _ шёл ка_зёл ў лыч _ ки, а ка_за ў а_реш _ ки.

При_шёл ка_зёл с лы _ чек, нет ка_зы с а _ ре _ шак.

Па_га_ди, ма_я ка_за, паш_лю за та_бой вал_ка.

Волк не йдётся ка _ зут _ ку ис(т)ь. Нет ка _ зы с а _ ре _ ша_к(ь),

нет се_рый с а _ ре _ шак.

Пашёл казёл ў лычки,
А каза ў арёшки.
Пришёл казёл с лычек,
Нет казы с арёшак.

Пагади, мая каза,
Пашлю за табой валка.
Волк не йдет казутку исть.
Нет казы с арёшак,
Нет серый с арёшак.

Пагади ж ты, мой волк,
Пашлю на тебя стрельца.
Стрелец ня йдет волка бить,
Волк не йдет казутку исть.
Нет казы с арёшак,
Нет серый с арёшак.

Пагади ж ты, мой стрелец,
Пашлю на тебя мядвёдя.
Мядведь не йдет стрельца ламать,
Стрелец не йдет волка бить,
Волк не йдет казутку исть.
Нет казы с арёшак,
Нет серый с арёшак.

Пагади ж ты, мой мядвёдь,
Пашлю на тебя агонь.
Агонь не йдет мядведь палить,
Мядведь не йдет стрельца ламать,
Стрелец не йдет волка бить,
Волк не йдет казутку исть.
Нет казы с арёшак,
Нет серый с арёшак.

Пагади ж ты, мой агонь,
Пашлю на тябе ваду.
Вада не йдет агонь лить,
Агонь не йдет мядведь палить,
Мядведь не йдет стрельца ламать,
Стрелец не йдет волка бить,
Волк не йдет казутку исть.

Нет казы с арешак,
Нет серый с арешак.

Пагади, мая вада,
Пашлю на тябе быкоў.
Быки пашли ваду пить,
Вада пашла агонь лить,
Агонь пашёл мядведь палить,
Мядведь пашёл стрельца ламать,
Стрелец пашёл волка бить,
Волк пашёл казутку исть.
Пришла каза с арешак,
Серая с арешак.

Тады им говорю:

— Принесла ж яна столька — ў падболе и ў карманах.
— Баба, и на галавэ?
— И на галавэ.

27

$\text{♩} = 148$

Па_е_дим_ка, жё_нач_ка, до_мик на_жи_вать. Па_е_дим, раз_лап_чис_тый, в Гас_ти_ный ряд гу_лять. Ку_пим_ка, жё_нач_ка, мы си_бе ку_ре_нач_ка. Ку_рач_ка па се_нич_кам чух-чу_рю-рюх. (И) па_е_дим_ка, жё_нач_ка, до_мик на_жи_вать. Па_е_дим, раз_лап_чис_тый, в Гас_ти_ный ряд гу_лять. Ку_пим_ка,

Паёдим-ка, жёначка, домик наживать.
 Паёдим, разлапчистый, в Гастинный ряд гулять.
 Купим-ка, жёначка, мы себе курёначка.
 Курачка па сёничкам чух-чурю-рюх.

(И) паёдим-ка, жёначка, домик наживать.
 Паедим, разлапчистый, в Гастинный ряд гулять.
 Купим-ка, жёначка, мы себе утёначка.
 Утачка с наска́ пласка́,
 Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паёдим-ка, жёначка, домик наживать.
 Паедим, разлапчистый, в Гастинный ряд гулять.
 Купим-ка, жёначка, мы себе гусёначка.
 Гусиня га-га́, га-га́,
 Утачка с наска́ пласка́,
 Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паёдим-ка, жёначка, домик наживать.
 Паедим, разлапчистый, в Гастинный ряд гулять.
 Купим-ка, жёначка, мы себе юндёлачка.
 Юнделка* шулды́-булды́,
 Гусиня га-га́, га-га́,
 Утачка с наска́ пласка́,
 Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паедим-ка, жёначка, домик наживать.
 Паедим, разлапчистый, в Гастинный ряд гулять.
 Купим-ка, жёначка, сабе барашо́ночка.
 Барашак шадры́-будры́,

* Юнделка — индюшка.

Юнделка шулды-булды,
Гусиня га-га́, га-га́,
Уточка с наскá пласка́,
Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паедим-ка, жёначка, домик наживать.
Паедим, разлапчистый, в Гастиный ряд гулять.
Купим-ка, жёначка, сабе парасёначка.
Парасёнак хвись-хвись,
Барашак шадры́-будры́,
Юнделка шулды-булды,
Гусиня га-га́, га-га́,
Уточка с носкá пласка́,
Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паедим-ка, жёначка, домик наживать.
Паедим, разлапчистый, в Гастиный ряд гулять.
Купим-ка, жёначка, сабе каравёночку.
Каровушка мык-мык,
Парасёнак хвись-хвись,
Барашак шадры́-будры́,
Юнделка шулды-булды,
Гусиня га-га́, га-га́,
Уточка с наскá пласка́,
Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

Паедим-ка, жёначка, домик наживать.
Паедим, разлапчистый, в Гастиный ряд гулять.
Купим-ка, жёначка, сабе жеребёначка.
Жеребёнак ига-го́,
Каровушка мык-мык,
Парасёнак хвись-хвись,
Барашак шадры́-будры́,
Юнделка шулды-булды,
Гусиня га-га́, га-га́,
Уточка с наскá пласка́,
Курачка па сеничкам чух-чурю-рюх.

28

$\text{♩} = 104$

- Ты ска_жи, ска_жи, Га_ра_ня, ку_ды е_дешь да_ля_ко?

- Ни ска_жу! - Ты ска_жи, ска_жи, Га_ра_ня, ска_жи,

сер_ца ма_ё. - В го_рад за яб_ла_кам.

— Ты скажи-скажи, Гараня,
Куда едишь даяко?
— Ни скажу*.
— Ты скажи-скажи, Гараня,
Скажи, сердца маё!
— В город за яблалам.
— Ты вазьми-вазьми, Гараничка,
Вазьми мяне с сабой.
— Ни вазьму!
— Ты вазьми-вазьми, Гараня,
Вазьми, сердца маё!
— Садися сзяду на кылясо!**
— Ты дай же, Гараня,
Дай мне яблалка.
— Ня дам!
— Ты дай же, Гараничка,
Дай, сердца маё!
— Выбирай любой да гнилой.
— Ты скажи-скажи, Гараня,
Где мы будим начавать?
— Ни скажу***.

* Тут на́да го́лас ми́нать.

** На кылясе как же усидеть?

*** Эта и следующие две строки исполнительницей были пропущены. Восстановлены в соответствии с логической последовательностью строф.

— Ты скажи-скажи, Гараня,
 Скажи, сердца маё.
 — Ё по́ли пад кусто́м!
 — Ты скажи-скажи, Гараня,
 Хто нас буди́ть пробужда́ть?
 — Ни скажу!
 — Ты скажи-скажи, Гараня,
 Скажи, се́рца маё.
 — Выспися, праснё́ся!

29

Жил дед и баба,
 Был у их кало́дец,
 У кало́дце была вядро́,
 У вядрэ́ была чашка,
 У чашки поварёшка,
 У поварёшки ложка,
 У ложки крот —
 Пря́м табе́ в рот!

30

$\text{♩} = 120$

Я си_дел на пню, хле_бал ку_тью. Под_бе_жал ко мне та_

_та_рин, ми_ня по у_ху у_да_рил. Я та_та_ри_на за

грудь: — Пой_дем к ста_рос_ты на суд! — А уж ты, ста_рос_та_суд_

_я, рос_су_ди на_ши де_ла! — А вот ка_ки ва_ши де_ла?

Я сидел на пню,
Хлебал кутью.
Подбежал ко мне татарин,
Миня по уху ударил.
Я татарина за грудь:
— Пойдем к старосты на суд!
— А уж ты, староста-судья,
Россудь наши дела!
— А вот какие ваши дела?
— Я сидел на пню,
Хлебал кутью!..*
Вот он поглядит-поглядит и уснет! Вот как.

II. Заклички, приговорки

В раздел вошли отдельные образцы существовавшей ранее, вероятно, развитой системы обрядовых художественных форм, связанных с особым участием детей и отражавших магический характер отношений человека с окружающим миром. В разделе представлены заклички-приговорки на божью коровку, дождь, солнце, а также молчанка "Гойки-погойки", распетая как закличка. Два последних напева — "Солнышко-маменька" и "Гойки-погойки" — исполнялись детьми на поле, когда они пасли коров, и по дороге домой.

31

Божья коровка,
Выпусти рога!
Я те дам пирога,
Горóховика!
Если ве́дро**, дак лети,
Если дождь, дак сиди!

* [Сказка начинается сначала.]

** Ве́дро — хорошая погода.

32

$\text{♩} = 128$

Дож_жик, дож_жик, пуш_чи! Наль_ю ти_бе гуш_чи,

а па_том ка_пус_ты, штоб не бы_ла ля_ха пус_та!

Дети на улице прыгают пад дажжём и кричат:

— Дóжжик-дóжжик, пúшчи!
 Налью тибé гúшчи,
 А патом капúсты,
 Штоб не была лýха* пуста!

33

Дожжик-дожжик, пирястáнь!
 Я уеду в Ярестáнь!
 Я там лýчик надярú,
 Я й лаптйшек наплятú!
 Лапти нóсютца,
 Дамой прóсютца.

34

$\text{♩} = 162$

Дож_дик, дож_дик, пе_ре_стань! Я по_е_ду в Го_ро_стань Бо_гу мо_

_лит_це, Хрис_ту по_кло_нит_це. Я у Бо_га си_ро_та, от_во_

_ря_ла во_ро_та клю_чи_кам, за_моч_кам, шёл_ко_вым пла_точ_кам.

* Ляха — грядка.

Дождик-дождик, перестань!
 Я поеду в Горостань
 Богу молитце,
 Христу поклонітце.
 Я у Бога сирота,
 Отворяла ворота
 Ключикам, замбчкам,
 Шёлковым платбчкам.

35

Солнышко-маменька,
 Закатися раненька,
 Тваи детки плачут,
 Ў масла макають,
 Тебе даждають.

У поли паслись, и нам доўга пасти неахота, так вот сматрели на солнушка и прасили солнушка, прыгали.

36

$\text{♩} = 180$

Гой _ ки - па _ гой _ ки, па _ го _ ним да _ мой _ ки че _ рез ка _ ла _
 _ тоў _ ки. Ви _ сит жа _ ба на ла _ му, хто (о) тза _ вет _ ца, то й та _ му!

Гойки-пагойки,
 Пагоним дамойки
 Через калатоўки.
 Висит жаба на ламу,
 Хто (о)отзаветца, то й таму!
 Моўчать, как лук тоўчать.
 А мне можна гаварыць,
 Каши з маслам наварыць.

[Прыговорка-молчанка]

III. Загадки

Раздел составили наиболее интересные, на наш взгляд, загадки, отражающие народные представления о мироздании (37, 38), об особо значимых, жизненно важных для крестьянина трудовых процессах (хлебопашество) и предметах быта (ведра, коромысло, топор).

37

Стайт столб,
На сталбѣ цвяты,
Над цвятам арёл,
А пад цвятам катёл.
Цвяты срываюць,
В катёл брасаюць.
В катлѣ ни прыбывае
И цвятóв ни убывае.

(Столб — век, цвяты — народ, арёл — небо. Пад цвятам катёл — земля. Народ умирайт, в землю бросаюць, зарываюць. В зямле горы не стало, не прыбыло, и народу ня убыво.)

38

Рассыпался барок
На двенадцать дарог.
Никаму ни сабратъ —
Ни папам, ни дьячкам,
Ни серебряничкам.

(Звезды на небе. Барок — бусы.)

39

Скрипит скрипица,
Едит царица
К царю на беседу.
Не долго минавать,
Адна ночка начавать.
Маю голаву расколют,
Душу в рай повязут.

(Это рожь с поля (везут). На шарабаны кладут и павязуют рожь на ригу садить. Вот это атгадка какая. Мине бабушка и загадывала.)

40

Малинькой, горбатынькой,
Всё полюшко перескакал,
Все камушки перешчитал,
Домой прибежал,
Полный год пролежал.

(Серп.)

41

Загону загадку,
Кину через грядку,
В год пушшу,
В другой вырошшú.

(Рожь.)

42

Два братца купаютца,
Третий насмехаетце.

(Вёдра и коромысло.)

43

Без рук, без топорёнка
Построена избёнка.

(Гнездо.)

44

Живут два братца через дорогу, а друг друга не видят.

(Глаза.)

45

В лес пойдёт — домой глядит,
А с лесу идет — в лес глядит.

(Топор.)

IV. Игры, считалки

В разделе собраны традиционные детские игры общерусского пространства: "Золото хоронить", "Гори-гори ясно", "Коршун", "Горшки", "Волк и овечки" и др., а также игры уличного подвижного характера: "Ловушки", "Хоронушки", "Лапта", "Третий-лишний" и несколько игровых хороводов, бытующих на детских вечерах.

46

Ловить друг друга

Встанет каравод [и считаются]:

— Зайчик белый,

Куда бегал?

— В лес дубовый.

— Чёво делал?

— Лычки драл!

— Куда клал?

— Под колоду.

— Кто украл?

— Сук чашун!

— Ково берёт?

Скажут ково. Он вьйде. Начинай снóву. А ты последний-то остана, тебе гонять. Вот и бегаёшь за ним. Ково ухватишь, тому гонять. Это называлось "Первиночек".

47

— Заяц белый,

Куда бегал?

— В лес кудрявый.

— Што там делал?

— Лычи драл.

— Куда клал?

— Пад калоду.

— Што там делал?

— Радион,

Выйди вон.

48

[Дети стоят в кругу, считаются.] Последний астаўся — тот тада ловит нас.

Кóвы нóвы,

Чим падковáн(ы)?

Лáтам(ы)-лáтам,
Пыд палáтам.
Чíри-вíри,
Дуб и нос.

49

Нóвы кони,
Чим падкóвы?
Злáтым, мíтам,
Падпалíтам.
Мядóк, сахарёк,
Выйди вон,
Каралёк.

50

Атым(ы)-лáтым,
Шúптер-бúктер,
Немец, штык.

51

Чúга-лúга,
Пята рота,
Тёбе-лёбе,
Дúбу крёс.

52

— Иван-капитан,
Чим каня прапитал?
— Авсóm, сирябрóm.
Из капýта пыд капýта,
Из телеги прýма в грязь,
Аставáйся белый князь.

53

Дрыгадán-дрыгадán,
На чатырэ загадán.
Пятьсот Кузьма,
Панамáрь Илья,
Кошка Валóшка,
Калéка — вон!

54

Дрыгадан-дрыгадан,
На четыре зыгадан.
Пятьсѳт семья,
[Пономарь] Уля,
Вър(ы)ви дубинку,
Полажѳ на полку.
Родион, выйди вон!

Катѳрый "выйди вон", тот ухадѳ. А катѳрый останаѳца, тот будет лавѳть. А эти все будут бегать.

55

Шѳшел вышел, вон пошѳл,
Табакирѳчку нашѳл.
В табакѳрѳчке табак,
Хто понѳхат, тот дурак!

56

Хоронѳшка

Весь день точѳшь, а вечером — в хоронѳшку играть. Около чьей-нибудѳ [избы], у ково удобней хоронѳтѳце. У угла [место] называется сѳрок. Кто захватит этот угол, [когда] вѳдак ушѳдѳцы, тот не будет вѳдаѳть.

Вот сосчитѳютѳцы:

Тѳнти-брѳнти, балалайка,
У меня жена Паланѳтя.

Вот ты вѳдак и будѳшь вѳдаѳть. А мы побежим хоронѳтѳцы. Ну, мы скричим, што иди! Спрятались, значит. Он ѳшшѳт. Ково вперѳд увидит, очѳрнѳт: "Чур, мой сѳрок!" И бежит к углу к этому. Он захватил, тѳя выходит, парень или девка, уж она захвачена. Ну, а если мы захватим [сѳрок], он опять будет вѳдаѳть.

57

Вот, бывало, в хоронѳшки мы считали:

Стрѳньѳчики-бубѳньѳчики,
На кѳмешке ступѳньѳчики.
Ни бѳб, ни горох,
Ни лихая птичка,
Ни красная девѳчка.
Сокѳлик — вон!

[Всем надо] хоронитца — прятатца. У! Который куды разбежимся!
А тот и йшшет.

58

Девочки-татарочки!
Вси взяли по палочке,
Побяжали к мосту,
Стукнули аб доску.
Прибязали Ермаки,
Пыснимали ермяки.
Адин Ермак
Ня снял ермяк
И остался дурак.

59

Сёмицы-берёмицы,
Каналицы-петровицы,
Сусы-бусы,
Сокол, вон!
Полетай в огонь!

Вот эту выгнали, вторую, третью, четвёрту, пята. И вот последняя
останётце — этой ловить.

60

Считала-сабирала
На божью расу,
На папову паласу.
Там чашки, ложки,
Мядок, салаток,
Выйди вон, каралёк.

61

Сидели злые дети,
Кричали: "Кóку-мак!
Убирай один кулак!"

Это кулаки выставивши ребята стоят. Выпадет на кулак, адну убир-
рают руку. Кто два убрал кулака, этот не водит. А [кто] останетце с
адним кулаком, тот будет вадить.

62

Сёники-бёники,
Все каляса,
Сёники-бёники,
К нам!

63

[Скажем]: "Давайте ловить друг друга!" Ну, а кто будет ловить? На́да сошши́та́тца. Вот так сошши́та́ют, кто последний — хлопнут! Тому ловить, значит.

Шóлобы-бóлобы,
Шй́сти-ко́рысти,
Па́ра-на́ра,
Печка-ночка,
Уточка!

64

Третий-лишний

Шóлобы-бóлобы,
Шй́сти-ко́рысти,
Па́ра-ба́ра,
Печка-ночка,
Вон!

Такой круг настанóвитце, человек было двадцать. Стоят па́рам, а один лишний. Дак он бе́гаёт по кругу и кому он трéснё. Он трéснё, сам на место ста́нёт, а ты беги, друго́во колыза́й.

65

В ямочки

Ямочки копали кругленькие, па́том мячик катали. Если попаде́т в маю́ ямочку, аны́ все разбега́ютца. А тибé на́да этот мячик хватать и в ка́во-нибу́дь попада́ть. Если я не попала, то мне напишут вот та́ку да́ро́жку — "я́рка" называ́лась. Если пять я́рок мне, то мячик поста́вят и все мне лу́пют па спи́ны и пригава́ривают:

Ярка не я́рка,
Баран не баран,
Серая авéчка —
Не я́рчка.

И вот мне па спины надуют. Патом все аны разбега́ютца, а я если успею́ этот мячик схватить за ка́во-нибу́дь то́же, то я уже не лавлю́ больше. А если нет, то я а́пять ва́жу.

66

Стре́шки-зяре́шки,
Ма́лы кате́шки,
Никита, Улита,
Вышел Никита!

[Называют в конце того], кто там уже выйдет. Тот тады уже пашёл вон, тот уже ня будет лавить. А каторый останетце, тот тады бегаеть да ловить.

67

Пита́нка-пита́нка*,
Чим коней питала?
Авсом, сирябром.
Нидалёк —
Выйди вон, кыралёк!

68

Сйтки-бры́тки,
Вароньи капытки.
Сам варонец —
Выйди вон наконец!

69

Шты́чки-бры́чки,
Вароньи капычки.
Сам воранец —
Выйди вон наконец!

70

Зайчик-беляйчик,
Вырви траўку,
Паложь на лаўку.
Силиво́н,
Выйди вон!

71

Ехал мужик по дороге,
Сломал колесо на пороге,
Спрашивают: ско́ко тебе нужно гвоздей?
Раз, два, три, четыре, пять —
Тебе вода́ть.

* Нормативная формула "капитан-капитан" произносится исполнительницей как "питанка-питанка", что подтверждено повторными записями.

72

Гори-гори ясно

[Игра] "Огонь" называлася. По два человека становятца, у нас хоть человек двадцать стой, токо парам становисься. А один человек спереду стоит. [Все] поют, а два человека задни — аны должны бежать. А этот, который напереду, он должен их ловать. Которово он из их поймат, с тым он становитца наперёд. А ты осталаси одна, дак ты ставай [впереди всех], твоя очередь [ловить]. Вот и крычат:

Огонь летит!
Смола кипит!
Взглянь на небо! —
Птички летят!

Как крыкнут, што птички летят, и бежишь, штобы нам соидиньтца. Уж если он разъединил, то [ловить не ему]. А соединятца, то опять лови.

73

Де(в)ушки и парни [играли]. Круг стоит, поют все:

Гори-гори ясно,
Гори, да не погасни,
Глянь на небо,
Птички летят,
Колокольчики звенят!

Потом и побегут, когда споют. Ты побежала [кого-то стукнула, он] за тобой гонитца. Если ты убежала на своё место, откуда ты выбежала, и тебя не поймали, он упять бегаёт. Ежли он поймал тебя [ударил], тебе бежать, а он становитца на твоё место. Ты упять бежишь, ударяешь другово. И тот такжо.

74

Гори-гори ясно (лапта)

Все кругом стоят. [В центре круга тот, кто водит, у него лапта], теперь ведь мяч, а тогда — лапта сошита круглая из тряпок. [Все поют];

Гори-гори ясно,
Штобы не погасло,

Глянь на небо,
Птички летят,
Калакольчики брячат.
Раз, два, три, Ваня, лови!

Или: "Катя, лови!" [— кричит вода и бросает лапту вверх]. Вот она бежит, на лятú поймаёт, значит [ей] не водить. Не поймала — она водит, ей уже кричат: "Гóри-гóри ясно!". Подбрасывают, сколько хочешь высоко, кто как. Вот:

Колокольчики бречат.
Раз, два, три,
Маня, лови.

Бросают што есь силы, ну, а тут в кругу стоят — выбегают, уже знают, што если тебе крикнули, ты беги лови. Не поймал — води.

75

Раскупы-купы купáнушко

Это игра тóжо. В ладошку клась кáмышок. Нáды кулаки сжануть, а [один] отгадывают. И вот:

$\text{♩} = 138$

Рас_ку _ пы-ку_пы ку _ па _ нуш_ко, где ку_ пал_се, И_

_ва_нуш_ко? По_сре _ ди бе_ло_во ка_мыш_ка. Бе_лой

ка _мень у ме _ня, у ме _ня!

Раскупы-купы купáнушко,
Где купáлсе, Ива́нушко?
Посреди бело́во кáмышка.
Бéлой камень у меня, у меня!
Вот у ково́ камень?

76

[Все дети] на полу сидим, поставим руки на колёна, один водит, а другой зажёму́ривши, — наклони́тцы, зажёму́ритцы. [Если ты водишь, то] ка́мышок положишь в руку, зажёму́шь, а этому человеку на́да отгадывать, в ко́торой руке ка́мышок. Ну, водишь ка́мышком, по рукам водишь [и все поют]:

Купы-купы купанушко,
Где купался, Иванушко?
Среди бело́во ка́мышка.
Бёлой камень у меня!
Бёлой камень у меня!

Все зажмут кулачки и начнут колотить [по спине отгадывающего]. Колотишь — всё, кончил! [камень положен в чьи-то руки]. А все кулачка́мы, десять человек, мо́жо [и поют]:

Бёлой камень у меня!
Бёлой камень у меня!

Пока не угадаёт, всё поют. А у ково́ ка́мышок, как угадать? Не угадаёшь, он опять [отгадывает]. Опять руки на ево́ накла́дывашь [игра начинается сначала], опять причи́тывашь, опять та́кже.

77

Золото хоронить

Один ходит, взят ка́мышок в руку. Мы сидим, от так, человек десять. Ну, положит он тебе или мне ка́мышок такой. [А все поют]:

$\text{♩} = 156$

Ку_ды зо_ло_то у_па_ло, ку_ды се_реб_ро у_па_ло? Во ка_ли_нуш_ку, во ма_ли_нуш_ку, во чис_ту_ю се_реб_ри_нуш_ку. Бе_лой ка_мень у ме_ня, бе_лой ка_мень у ме_ня.

Куды золото упало,
Куды серебро упало?
Во калинушку,
Во малинушку,
Во чистую серебрянушку.
Уж вы девушки,
Уж вы родные,
Вы не бейте меня,
Не ругайте меня,
Меня мать будя бить,
По бокам колотить,
У меня, у меня,
Говорите на меня!

От оны и колотят ево там. Он отгадыват. Когда не отгадает, опять:
"Куды золото упало?"

78

Как-то кругом ходили:

Куды золото упало,
Куды чистоя упало?
Во калину, во малину,
Во чистую смородину.
Смородина (й) ни малá,
Мужу смерти ни далá.
Уж вы, детушки,
Голубетушки,
Почитайте меня.
По три прута, по чатыре,
По пяти позолоти.

Отгадывай. Аны сидят, а кругом ходишь. А подсунёшь адному, а други отгадывай — кому подсунуто. Это в детстве ишо играли*.

* В рассказе пропущен момент вызова "золота": "Золото, ко мне!"

79

[Дети садятся в ряд и поют]:

Хараню, хараню,
Пахараниваю.
Маё зóлата прапáла
И зямлэй закидáла,
И вадóй залилá.

Паслédнeму чeлaвeкy пaлóжишь штo-нибудь тaкoe, или бумажeн-
кy, или штo, a тaгдý кpычй: "Зóлатa, кa мнe!" Тoт ужe выскáкывaeт,
a тaм лóвють ягó. Пaймáють — пaсáдють, нe пaймáють — вaдй!

80

[Игра такая же, как предыдущая. Сидящие дети приговаривают]:

Золото хороню
Я у батюшка в терему.
Моё золото пропáло,
Чистым сéребром запáло,
Призайнеило,
Призакáменело.
Гадай, гадай, дéвица,
Отгадай, красавица.

81

Горшки

Вокруг садятце — горшки. [За каждым горшком встаёт один чело-
век — продавец.] А ишшо человек ходит, купляйт: "Продай, тетка,
горшка!" — "Купи!"
Вот и считают:

Шйльце, мйльце,
Красенько яичко,
Мерку круп,
Бежать вокруг!
Голик и веник,
И сто рублей де́ниг,
И Ваню!

Парня скажут. Который нелюбо скажешь [нелюбимого парня], не побежит, стоит. Опять поём ей. [А за другого] она побежит. Вот она туды, а я [кто покупал горшок] сюды. Кто захватит этот горшок? Если я не успею прибежать, то она и купила. А мне надо дальше иттить спрашивать.

[Играли] летом на лужке где-нибудь, штоб ширóко бегать, не в избе.

82

Ворон (Журынька)

[Делается] какá-нибудь ямачка, то абвядуть круг. [Выбирают ворона, он сидит около ямки или в кругу, и его спрашивают]:

- Што ты делаешь?
- Яму копаю.
- А для чавó?
- Я тябé пймаю, да и сюда пасажý!

Вот и тада бéгають, нас и пять, и десять челавек, скóка есь ребят. А ё́тат ["ворон"] тагда уже хватает. Как схватит, так ў яму уса́дит. [Ворон должен поймать, не выходя за пределы круга.]

83

Вот кругом мы [стоим], ухватй́вши [друг за друга за подол]. А [одна] сидит [в середине], ямочку делает. [Мы] вот так ходим кругом и ей говорим:

- Журынька-журынька,
Чево ты делаёшь?
- Ямку копаю.
- На што тибé ямка?
- Ка́мышки класть.

- На што тибé кáмышки?
- Пиво варить.
- На што тибe пиво?
- Сына жанить.

Мы разбегáёмси, а она нас ловит. А мы все [поем:]

Не пойду за коршуна,
Не пойду за коршуна!

Не пой_ду за кор_шу_на, не пой_ду за кор_шу_на.

84

[Беремся] за хвосты — за платьe сзáду и ходим. А один сидит посерёдке.

- Вóран-вóран, што ты делаешь?
- Ямочки копаю.
- А куда тебе ямочки?
- Иголочки класть.
- А куда те иголочки?
- Мешéчки шить.
- А куда те мешéчки?
- Хлебец класть!

Встанет да ково-нибудь и схватит. Схватит этово — этот садитца. [Теперь он будет "вороном", игра начинается сначала.]

85

[Стоим] все в кружок, захвативши друг друга за подол, и ходим кругом. Адин сидит, как будта ямку капают. Кто первый идет — матка, за ней зацапívши — детки. [Матка спрашивает]:

- Воран-воран, чево ты дeлашь?
- Ямку капаю.
- Куда тибé ямка?
- Кáмушки класть.

- Куда тибé камушки?
- А твоих деток ганя́ть.
- А ча́во ены́ сделали?
- Весь хлеб мой измяли!

Ну, вот он: "Шиш!" — полетит. Мы и побежим. Он ка́во-нибудь пай-маёт. [Пойманный будет "вороном".]

86

[Один человек — "ворон", остальные стоят друг за другом, взявшись за пояс или за подол. Первая — "матка" — спрашивает ворона]:

- Ворон-ворон, што ты делаишь?
- Ямочку каплю.
- А зачем те ямочку?
- Иго́лачки ишшú.
- А зачем те иго́лачки?
- Мяше́чек шить.
- А зачем мяше́чек?
- Камушки класть.
- А зачем те камушки?
- Тваих дитей пшѐлка́ть.
- А што наделали маи дети?
- А весь боб вы́клевали!

Ну, вот и начина́ём как вроде дра́тца. Ана́ руки выставляет, и я рукиставляю и — ж-ж-ж! Ана [ворон] хочет маих дите́й схватить; а я ни пускаю. Яна [кого] схватит, то ета уже ё́йный.

87

Ребята адин за аднаво́ сза́ду беру́тце и держа́т друг друга. Адин избира́етце жура́влем. Он сидит да ка́пает землю, а этот спрашивает:

- Жу́рав-жу́рав, што ты делаешь?
- Ямочку капаю.
- А зачем тебе ямочка?
- Иго́лочку ишчú.
- А зачем тебе иго́лочка?
- Мешочек шить.
- А зачем тебе мешочек?
- Камешки са́бирать.

- А зачем камешки?
- А ваши дети у нас всю пшаницу съели!

А матка не дает детей, штобы били. А этот бегаёт, хватаётце. [Кого поймаёт], тово выдернет. Пака всех паймает.

88

Волк и овечки

Вот тут сидят в ряд ребята [овечки], адин ў парогѣ стаит. Это воўк. (Это зимой [играли], когда я была маленький девочкой.) А тут пастушка ходит, авѣчек пасѣт:

Пасу-пасу да вечера,
Дамой гнать нечево.
Воўку шкурулку*,
Мне мясилку,
— Воўк-воўк, где пить?
— Пыд краватей!

Пака я ишла пить, воўк авцу унёс — прибяжаў и панёс в старонку. [Игра начинается сначала и повторяется до тех пор, пока волк не переносит всех овечек.] Патом идѣт [пастушка] к валку. Воўк [держит] две палочки, так пасѣт палочкам, палочки перебирает:

Волков след, баранов след.
Волков след, баранов след.

Приходит [пастушка]:

- Воўк-воўк, ты увел майх авѣчек?
- А какие аны?
- Белые (или черные, какие).
- Беленькой дарожкой ушли.

Поварачиваитце — нет. [Ходит, ищет овечек.] А патом приходит — найдѣт. Всех авѣчек гонит дамой.

А волку уж тады байню топят, воўка в баню завут.

* Шкурулка — старая, тощая шкура.

- Воўк-воўк, иди в ба́йню!
- Какие дрóвы?
- Бярёзовые.
- Не мой дух!

Ни пайдёт. Патом апяць идут:

- Воўк-воўк, иди в ба́йню!
- Какие дрóвы?
- Асіновьи.
- Не мой дух!

Опять не йдет. Ну, а патом в третий раз ска́жет:

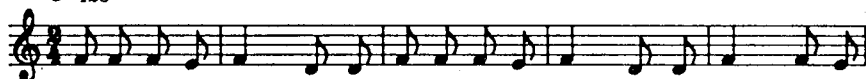
- Воўк-воўк, иди в байню!
- Какие дрóвы?
- Вóлчыи гру́шия!

Тагда идет воўк в байню па́ритце. Лажитца на пól и ребята вертят и шлёпают воўка, как па́ром па́рють. Попа́рють воўка и тут другой становитца [волком]. Так вот и играют.

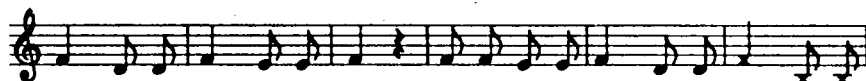
89

Мак

♩=128

А ма_ки-ма_ко _ вач_ки, за_ла_ты га_ло _ вач_ки. Крас _ ны_и

де _ вач_ки, ста _ ним_те в ряд, спро_сим_те у ба _ буш_ки, как се_ют

мак? Вот и е_так, вот и так, вот и е_так, вот и

Детей ставят у кружок, дэвачак, ма́льчикав, ўсё раўно. И поют:

А ма́ки-мако́вачки,
Зала́ты гало́вачки,
Кра́сныи де́вачки,
Ста́нимте ў ряд,
Спроси́мте ў бабушки,
Как се́ют мак?
Вот и э́так, вот и так,
Вот и э́так, вот и так!

И ўси штобы тада́ вот так рука́м махали [показывали, как сеют].
Хо́дють ў кружок и обратно:

А ма́ки-мако́вачки,
Зала́ты гало́вачки.
Кра́сныи де́вачки,
Ста́нимте ў ряд,
Спроси́мте ў бабушки,
Как расте́т мак?
Вот и э́так, вот и так,
Вот и э́так, вот и так!

[Дети показывают, как растет мак, и начинают петь сначала. При каждом повторе третья с конца строка изменяется]:

Как цветет мак?

.....

Как спеет мак?

Уже яво паколо́тишь, он брячи́т, значить он гото́в.

Как режут мак?

[Показывают, как] режут, среза́ють. И штобы всим интересно,
штобы вси делали.

А как же яду́ть мак? — Атшчи́пнешь и так ў рот коло́тишь. — Как
благодаря́ть? — Тады ўсе от та́к вот кланяются.

90

У нашего Якова

$\text{♩} = 120$

У на _ ше_ва Я _ ко_ва се_мё_ро де_тей. Се _ мё_ро,
се _ мё_ро, сем_сы_но_вей. О_не не пи_ли, не е_ли, д(ы)руг на
друж_ку всё гля_де_ли, де_па_ли, как я, де_па_ли, как я.

Вот такой круг, и в кругу человек, и вот и поём:

У нашава Якова
Сёмёро дитей.
Семёро, семёро,
Сем сыновей.
Оне не пили, не ёли,
Д(ы) друг на дружку всё глядели,
Делали, как я.
Делали, как я.

Он дѣлает и мы. Присядѣт — и мы присядѣм. Он што дѣлает рука́м,
и мы та́кже дѣлаѣм.

91

Дрёма

$\text{♩} = 144$

Си_ди(т) Дря_ма, си _ ди(т) Дря_ма, си_ди(т) Дря_ма, са_ма
дрем_лет, са_ма спит. Си _ ди(т) Дря_ма, са_ма дрем_лет, са_ма спит. Вста_

На стуле адная сидить, а тут ходют кругом, ей и пают:

Сиди(т) Дряма́,
 Сиди(т) Дряма́,
 Сиди(т) Дряма́, сама дремлет, сама спит.
 Сиди(т) Дряма́, сама дремлет, сама спит.

Вставай, Дряма́,
 Вставай, Дряма,
 Вставай, Дряма, в каравод, в каравод.
 Вставай, Дряма, в каравод, в каравод.

Сматри́, Дряма́,
 Сматри́, Дряма́,
 Сматри́, Дряма́, на народ, на народ.
 Сматри́, Дряма́, на народ, на народ.

Бяри́, Дряма́,
 Бяри́, Дряма́,
 Бяри, Дряма, каво хошь, каво хошь.
 Бяри, Дряма, каво хошь, каво хошь.

Вот ана "Дрёма" найдёт каво-нибудь, за́менит [поставит вместо себя], тот туды [на стул] садитца*.

* Игровые действия происходят согласно песенному сюжету.

92

А "Дрёма" так [играли]. Сидить один парень, ходить вокруг де-
вушки явó и пают:

$\text{♩} = 120$

Што ты, Дрё_ма, си_де дрем_лешь, си_де спишь? Вста_вай,

Дрё_ма, вста_вай, Дрё_ма. Вста_вай, Дрё_ма, пад_бад_

_рись, пад_бад_рись, да у бо_ки ру_ки у_ва_при!

Што ты, Дрёма, сиде дремлешь, сиде спишь?
Вставай, Дрёма, вставай, Дрёма.
Вставай, Дрёма, падбадрись, падбадрись.
Да ў бо́ки руки ў вапрі.

Тада он и терёбитца:

Кавó любишь, кавó любишь,
Каво любишь, пыкланись, пыкланись.

Вот он ўстаёт, кланеетца, каму покланіетца, тот садітца ["Дрё-
мой"]. Абратно прыдложайм. Вот такие игры.

Примечания

Пестушки, потешки, прибаутки

1. Новгородская обл., Любытинский р-н, Вычеремский с/с, д. Луково, 23.10.88, 2638-42. Исп.: Степанова Ф.С., 1907, Миронова М.С., 1909, Фадеева А.Г., 1904. Зап.: Полкушнова О.А.
2. Псковская обл., Локнянский р-н, Миритиницкий с/с, д. Мартьяново, 5.02.88, 2354-20. Исп.: Шарикова И.Ф., 1916. Зап.: Лобкова Г.В.
3. Тверская обл., Торопецкий р-н, Пестряковский с/с, д. Бучино, 15.06.88, 2520-08. Исп.: Павлова М.И., 1919. Зап.: Михей И.А.
4. См. прим. № 3, 2520-07.
5. Тверская обл., Лесной р-н, Кожгорский с/с, д. Хальково, 6.07.90, 3022-21. Исп.: Кузнецова М.С., 1905, Румянцев А.Г., 1918. Зап.: Попова И.С.
6. Тверская обл., Сандовский р-н, Туханский с/с, д. Сосновец, 6.08.90, 3068-28. Исп.: Цветкова У.О., 1918. Зап.: Маранина С.Ю.
7. Псковская обл., Невельский р-н, Трехалёвский с/с, д. Рукавец, 7.02.86, 1967-27. Исп.: Троянова С.Е., 1914. Зап.: Шишкова О.В.
8. Новгородская обл., Демянский р-н, Никольский с/с, д. Никольское, 1.07.91, 3183-30. Исп.: Петрова А.В., 1911. Зап.: Попова И.С.
9. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Кушаверский с/с, д. Терebut, 20.09.88, 2597-22. Исп.: Козлова М.Ф., 1909, Мочалова А.М., 1926, Фокина И.П., 1919. Зап.: Лобкова Г.В.
10. Псковская обл., Новосокольнический р-н, Вязовский с/с, д. Антушово, 16.01.88, 2339-03. Исп.: Александрова А.В., 1927. Зап.: Лобкова Г.В.
11. См. прим. № 7, 1967-19.
12. См. прим. № 7, 1967-18.
13. См. прим. № 7, 1967-20.
14. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Звягинский с/с, д. Прокшино, 16.09.88, 2616-15. Исп.: Яковлева Е.З., 1906. Зап.: Лобкова Г.В.
15. См. прим. № 7, 1967-21.
16. См. прим. № 9, 2597-23.
17. Тверская обл., Молоковский р-н, Ахматовский с/с, д. Старово, 27.07.90, 3061-70. Исп.: Шаталова Н.Н., 1917. Зап.: Балкова В.В.
18. Псковская обл., Пустошкинский р-н, Шукинский с/с, д. Мотовозово, 25.07.86, 2057-31. Исп.: Михайлова М.С., 1909. Зап.: Лобкова Г.В.
19. См. прим. № 18, 2057-29.
20. Псковская обл., Псковский р-н, Верховинский с/с, д. Котятино, 7.02.90, 2990-100. Исп.: Осипова К.О., 1911. Зап.: Шишкова О.В.
21. Тверская обл., Лесной р-н, Застровский с/с, д. Поповка, 7.07.90, 3023-58, 59. Исп.: Соловьева М.Н., 1911. Зап.: Попова И.С.
22. См. прим. № 9, 2597-22.
23. См. прим. № 7, 1967-22.
24. См. прим. № 18, 2057-30.
25. См. прим. № 18, 2057-32.

26. См. прим. № 7, 1967-16.
27. См. прим. № 20, 2990-101.
28. См. прим. № 7, 1967-17.
29. Псковская обл., Локнянский р-н, Самолуковский с/с, д. Тростино, 21.07.88, 2448-15. Исп.: Никитина З.Г., 1921. Зап.: Мехнецов А.М.
30. См. прим. № 14, 2616-16.

Заклички, приговорки

31. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Звягинский с/с, д. Яковлево, 16.09.88, 2635-04. Исп.: Савина А.В., 1920. Зап.: Получистова О.А.
32, 33. См. прим. № 7, 1967-15.
34. См. прим. № 31, 2635-03.
35, 36. Псковская обл., Себежский р-н, Глембочинский с/с, д. Горелово, 25.06.86, 2014-34, — 34а, — 35. Исп.: Шабловская К.К., 1901, Половко Е.П., 1915. Зап.: Неудачина Е.А.

Загадки

37. Новгородская обл., Демянский р-н, Селигерский с/с, д. Зимницы, 14.08.91. 3196-12. Исп.: Михайлова С.А., 1905. Зап.: Попова И.С.
38. Новгородская обл., Пестовский р-н, Барсанихский с/с, д. Пальцево, 27.07.89, 2855-57. Исп.: Смирнова А.Д., 1917. Зап.: Шишкова О.В.
39. См. прим. № 38, 2855-57.
40. См. прим. № 38, 2856-11.
41. Новгородская обл., Любытинский р-н, Неболчский с/с, д. Н.Лука, 13.01.89, 2729-26. Исп.: Волнухина А.М., 1908, Александрова М.Ф., 1913, Полисадова М.А., 1913, Герасимова Е.Г., 1910. Зап.: Получистова О.А.
42, 43. См. прим. № 41, 2729-26.
44. См. прим. № 38, 2856-11.
45. См. прим. № 38, 2855-57.

Игры, считалки

46. Тверская обл., Бежецкий р-н, Теблешский с/с, д. Корино, 21.06.91, 3157-02. Исп.: Андреева И.И., 1910. Зап.: Мехнецов А.М.
47, 48. Псковская обл., Невельский р-н, Ловецкий с/с, д. М.Сомино, 31.01.86, 1965-35. Исп.: Козырева А.Е., 1909. Зап.: Шишкова О.В.
49. Псковская обл., Пустошкинский р-н, Сергейцевский с/с, д. Ломоносы, 26.07.86, 2121-25. Исп.: Киселева Е.И., 1911. Зап.: Шишкова О.В.
50. См. прим. № 47, 1965-35.
51. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Кушаверский с/с, д. Кушавера, 14.09.88, 2634-04. Исп.: Зверева П.В., 1916. Зап.: Получистова О.А.
52. См. прим. № 47, 1965-35.
53. Псковская обл., Себежский р-н, Александровский с/с, д. Глубокое, 2.07.86, 2123-28. Исп.: Касьянова М.А., 1910, Касьянова Е.Г., 1904. Зап.: Рылова М.В.
54. Псковская обл., Себежский р-н, Максютинский с/с, д. Влазовичи, 18.07.86, 2118-35. Исп.: Никонёнок А.Е., 1905. Зап.: Шишкова О.В.

55. Тверская обл., Сандовский р-н, Старосандовский с/с, д. Андрейцево, 1.08.90, 3066-53. Исп.: Морозова А.Н., 1917. Зап.: Маранина С.Ю.
56. Новгородская обл., Любытинский р-н, Боровский с/с, д. Н.Боровщина, 24.09.88, 2599-16. Исп.: Филиппова А.А., 1911. Зап.: Мехнецов А.М.
57. Новгородская обл., Парфинский р-н, Дворецкий с/с, д. Рябчиково, 13.08.92, 3316-40. Исп.: Вересова А.Н., 1914. Зап.: Смирнова О.В.
58. Псковская обл., Порховский р-н, Славковский с/с, д. Дубровицы, 25.01.90, 2985-12. Исп.: Дубровина П.В., 1911. Зап.: Маранина С.Ю.
59. Новгородская обл., Боровичский р-н, Железновский с/с, д. Кузово, 17.07.89, 2863-78. Исп.: Кирсанова Е.Т., 1905. Зап.: Маранина С.Ю.
60. Псковская обл., Порховский р-н, Митрофановский с/с, д. Тиней, 1.02.87, 2190-07. Исп.: Дмитриева А.М., 1910. Зап.: Рылова М.В.
61. Псковская обл., Невельский р-н, Трехалевский с/с, д. Белая, 6.02.86, 1976-38. Исп.: Русецкая А.И., 1920. Зап.: Неудачина Е.А.
62. См. прим. № 7, 1967-24.
- 63, 64. Новгородская обл., Любытинский р-н, Неболчский с/с, д. Обречица, 17.01.89, 2726-19. Исп.: Андреева Н.А., 1912, Щукина И.И., 1910. Зап.: Савельева Л.Е.
65. См. прим. № 8, 3183-30.
66. Псковская обл., Себежский р-н, Лавровский с/с, д. Красиково, 8.07.86, 2076-02. Исп.: Родная М.З., 1907. Зап.: Рылова М.В.
67. См. прим. № 54.
68. Псковская обл., Новоржевский р-н, Заборьевский с/с, д. Голубево, 27.01.87, 2187-12. Исп.: Лепеничева Т.И., 1906. Зап.: Рылова М.В.
69. См. прим. № 58.
70. См. прим. № 7, 1967-24.
71. См. прим. № 51.
72. Новгородская обл., Любытинский р-н, Дрегельский с/с, д. Кузнецово, 14.01.89, 2724-22. Исп.: Федорова Т.В., 1913, Быстрова Е.С., 1916. Зап.: Савельева Л.Е.
73. См. прим. № 51, 2634-06.
74. Новгородская обл., Любытинский р-н, Неболчский с/с, ст. Неболчи, 16.01.89, 2731-05. Исп.: Иванова М.С., 1919. Зап.: Полуличстова О.А.
75. См. прим. № 56, 2599-18.
76. Новгородская обл., Любытинский р-н, Неболчский с/с, д. Проскурка, 17.01.89, 2732-11. Исп.: Тимофеева М.М., 1901, Соколова М.И., 1900, Румянцев Е.С., 1908, Белова Е.М., 1922. Зап.: Полуличстова О.А.
77. Новгородская обл., Любытинский р-н, Дрегельский с/с, д. Вязищи, 16.01.89, 2725-20. Исп.: Иванова А.М., 1923, Сергеева О.М., 1911. Зап.: Савельева Л.Е.
78. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Бродский с/с, д. Ворониха, 10.08.88, 2574-10. Исп.: Павлова Е.А., 1912. Зап.: Мехнецов А.М.
79. Псковская обл., Невельский р-н, Новохованский с/с, д. Дроздово, 29.01.86, 1984-01. Исп.: Янченко Е.Д., 1910. Зап.: Рылова М.В.
80. Ленинградская обл., Волховский р-н, Чаплинский с/с, д. Лавния, 29.04.90, 2992-36. Исп.: Кузнецова А.К., 1920. Зап.: Мехнецов А.А.
81. См. прим. № 70.
82. См. прим. № 46, 1965-36.

83. См. прим. № 55, 3066-50.
84. Новгородская обл., Боровичский р-н, Железновский с/с, д. Выставка, 17.07.89, 2863-64. Исп.: Васильева В.Я., 1905. Зап.: Маранина С.Ю.
85. См. прим. № 38, 39, 2855-60.
86. Псковская обл., Порховский р-н, Славковский с/с, д. Лог, 22.01.90, 2982-27. Исп.: Ермолаева А.О., 1917, Павлов И.Г., 1913, Чувикова Ф.В., 1922, Чувиков И.Ф., 1933. Зап.: Терещенко А.А.
87. См. прим. № 59, 2118-38.
88. См. прим. № 59, 2118-37.
89. См. прим. № 7, 1967-25.
90. См. прим. № 6, 3068-29.
91. См. прим. № 20, 2990-99.
92. Псковская обл., Куньинский р-н, Жижицкий с/с, д. Печково, 7.07.88, 2429-22. Исп.: Мухина Е.И., 1923. Зап.: Мехнецов А.А.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	3
<i>Некрылова А.Ф., Головин В.В.</i> Роль отца в традиционной народной педагогике	7
<i>Мухлынин М.А.</i> Пародирование страшных рассказов в современном русском детском фольклоре	27
<i>Чередникова М.П.</i> "Маленький мальчик" в контексте нового мифа	60
<i>Райкова И.Н.</i> Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору	73
<i>Коршунков В.А.</i> Обрядовое хлестание в детской потешке	102
<i>Зилотина Е.А., Смирнова О.В.</i> Материалы по детскому фольклору (Из собрания Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории)	123